Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

На правах рукописи

Золин Иван Юрьевич

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДЕЛ О ВЗЫСКАНИИ УБЫТКОВ С АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ИХ РАССМОТРЕНИЯ

5.1.3. Частно–правовые (цивилистические) науки

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, профессор
Дегтярев Сергей Леонидович

Екатеринбург – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3
ГЛАВА 1. ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДЕЛ О ВЗЫСКАНИИ УБЫТКОВ С АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО 19
§ 1. Правовая природа арбитражного управления в деле о банкротстве: основные теории 19
§ 2. Обязательственная теория арбитражного управления 41
§ 3. Правовая природа гражданско-правовой ответственности арбитражного управляющего перед должником и его кредиторами 73
ГЛАВА 2. СУДОПРОИЗВОДСТВО ПО ДЕЛАМ О ВЗЫСКАНИИ УБЫТКОВ С АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО 93
§ 1. Причины, обусловливающие процессуальные особенности рассмотрения споров о взыскании убытков с арбитражного управляющего 93
§ 2. Квалификация исков о взыскании убытков с арбитражного управляющего 118
§ 3. Групповое производство по делам о взыскании убытков с арбитражного управляющего 142
ГЛАВА 3. ОСОБЕННОСТИ ПРЕДМЕТА ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О ВЗЫСКАНИИ УБЫТКОВ С АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО 155
§ 1. Основные материально-правовые факты противоправного поведения и вины арбитражного управляющего 155
§ 2. Основные материально-правовые факты причинно-следственной связи и наличия убытков 203
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 252
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ 263

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. Производство по делам о несостоятельности (банкротстве) характеризуется повышенной конфликтностью, обусловленной множественностью его участников и несовпадением их имущественных, а нередко и неимущественных интересов. В подобных условиях возникает необходимость участия в деле специального субъекта, способного независимо и самостоятельно осуществлять ключевые мероприятия, составляющие содержание соответствующих процедур. В российском правопорядке соответствующие функции возложены на арбитражного управляющего, деятельность которого призвана обеспечивать баланс интересов должника, кредиторов и иных лиц, затронутых неблагоприятным имущественным положением должника, а также препятствовать неправомерному воздействию на ход и результаты производства по делу о банкротстве.

Надлежащее исполнение арбитражным управляющим возложенных на него обязанностей имеет принципиальное значение для достижения целей института несостоятельности. Нарушения, допущенные управляющим, способны приводить к снижению эффективности процедур несостоятельности (банкротства) вплоть до полной утраты их экономического и правового смысла. В связи с этим гражданско-правовая ответственность арбитражного управляющего выступает важнейшим средством восстановления нарушенных имущественных прав участников отношений несостоятельности и одновременно превентивным механизмом, стимулирующим управляющего к добросовестному и разумному исполнению обязанностей.

Актуальность исследования подтверждается и устойчивой практикой рассмотрения споров о взыскании убытков с арбитражных управляющих. Статистические данные свидетельствуют о стабильно высоком количестве подобных дел, рассматриваемых арбитражными судами, а также о тенденции к увеличению доли удовлетворённых требований. Так, общее количество таких дел,

рассмотренных по существу арбитражными судами первой инстанции, в 2021 г. составило 630 дел (из них удовлетворено 218 требований или 35 % от общего числа), в 2022 – 727 дел (удовлетворено 260 требований или 36 %), в 2023 – 700 дел (удовлетворено 262 требования или 37 %), в 2024 – 749 дел (удовлетворено 319 требований или 43 %), в первом полугодии 2025 – 324 дел (удовлетворено 126 требований или 39 %)[1]. Приведённые данные свидетельствуют не только о распространённости соответствующей категории споров, но и о возрастающей роли судебного взыскания убытков в механизме защиты прав участников отношений несостоятельности.

На протяжении длительного периода правовое регулирование статуса арбитражного управляющего и его гражданско-правовой ответственности подвергалось последовательной трансформации. Изменения отечественного законодательства о несостоятельности в разное время затрагивали круг лиц, перед которыми арбитражный управляющий несёт ответственность, основания её наступления и содержание юридически значимых обстоятельств. Вместе с тем они не привели к формированию единого доктринального и правоприменительного подхода к определению правовой природы возникающих споров. До настоящего времени остаются дискуссионными вопросы о том, является ли соответствующая ответственность договорной, деликтной либо представляет собой особую разновидность ответственности за нарушение внедоговорного обязательства; кому принадлежит материальное право на возмещение убытков; кто вправе обратиться в суд с соответствующим требованием и в пользу какого лица должно быть произведено взыскание.

Неопределённость материально-правовой природы требований о взыскании убытков непосредственно отражается на процессуальном порядке рассмотрения соответствующих дел. Общеизвестным является положение о том, что специфика материального правоотношения обусловливает особенности процессуального регулирования порядка рассмотрения и разрешения соответствующих дел. В этой

[1] Архив статистических отчетов Судебного департамента при Верховном суде // Если быть точным. URL: https://clck.ru/3ViMNE (дата обращения: 06.05.2026)

связи особую научную значимость приобретает выявление правовой природы дел о взыскании убытков с арбитражного управляющего, а также установление закономерностей, определяющих влияние указанной природы на формирование процессуальных особенностей их рассмотрения. Решение указанных задач имеет значение для совершенствования законодательства и судебной практики, обеспечения их единообразия и повышения эффективности защиты прав и законных интересов должника, кредиторов и иных участников отношений несостоятельности.

Степень научной разработанности темы диссертационного исследования.

Научный интерес к институту гражданско-правовой ответственности арбитражного управляющего в российской правовой науке ограничивался преимущественно рамками ее материально-правового регулирования. Данная ответственность исследовалась российскими учеными либо в контексте анализа правового статуса арбитражного управляющего и правовой природы арбитражного управления, либо в качестве сопутствующего, второстепенного вопроса в рамках монографий и учебных курсов, посвящённых институту несостоятельности (банкротства) в целом.

Анализу правовой природы арбитражного управления и правового статуса арбитражного управляющего посвящены работы В. С. Белых, Е. В. Богданова, В. В. Витрянского, Е. Г. Дорохиной, А. А. Дубинчина, А. В. Егорова, С. А. Карелиной, Л. Ю. Михеевой, А. А. Павлова, В. Ф. Попондопуло, Е. Д. Суворова, Е. А. Суханова, Ю. В. Тая, М. В. Телюкиной, И. В. Фролова, Г. Ф. Шершеневича, Т. П. Шишмаревой, А. В. Юхнина.

Отдельные вопросы гражданско-правовой ответственности арбитражного управляющего рассматривались в работах В. С. Белых, В. Е. Богданова, В. В. Витрянского, Ю. Б. Гонгало, А. В. Егорова, М. В. Жаботинского, Т. Н. Ивановой, С. Г. Колесниковой, В. Ф. Попондопуло, Ю. В. Тая, М. В. Телюкиной, И. С. Чупрунова, Г. Ф. Шершеневича, Т. П. Шишмаревой, А. В. Юхнина.

Единственным специальным исследованием, посвящённым проблематике гражданско-правовой ответственности арбитражного управляющего, является научный труд Е.В. Мурашкиной (Гражданско-правовая ответственность арбитражного управляющего: дисс. … канд. юридич. наук. Москва, 2008) в котором исследуются вопросы правовой природы данной ответственности, ее основания и состава, проблемы определения размера и доказывания ущерба, причиненного арбитражным управляющим.

В современной отечественной процессуальной науке отсутствуют специальные комплексные исследования, посвященные **процессуальным особенностям рассмотрения дел** о взыскании убытков с арбитражного управляющего. Имеющиеся доктринальные разработки, как правило, ограничиваются рассмотрением отдельных аспектов судопроизводства по данной категории дел в контексте анализа и обобщения актуальных тенденций судебной практики (С.А. Колесникова, А. А. Кузнецов, Е. Н. Кантор).

Таким образом, степень разработанности темы характеризуется наличием значительного числа трудов, посвящённых статусу арбитражного управляющего и материально-правовым основаниям его ответственности, при недостаточной исследованности правового регулирования порядка рассмотрения соответствующих споров. Настоящая работа направлена на восполнение данного пробела и представляет собой первое комплексное диссертационное исследование влияния материально-правовой природы дел о взыскании убытков с арбитражного управляющего на формирование процессуальных особенностей их рассмотрения.

Объектом исследования выступают урегулированные нормами права общественные отношения, возникающие в связи с причинением арбитражным управляющим убытков должнику и (или) его кредиторам вследствие неисполнения (ненадлежащего исполнения) возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве, а также урегулированные нормами права общественные отношения, возникающие при рассмотрении и разрешении споров о взыскании

убытков с арбитражного управляющего, причиненных должнику и (или) его кредиторам.

Предметом диссертационного исследованиянормы законодательства, регулирующие общественные отношения, возникающие в связи с причинением арбитражным управляющим убытков должнику и (или) его кредиторам, рассмотрением и разрешением соответствующих споров в арбитражных судах, научные исследования и рекомендации по применению указанных норм, материалы судебной практики.

Цель диссертационного исследования заключается в решении научной задачи, имеющей значение для развития современного цивилистического материального и процессуального права, а именнов разработке теоретической модели правовой природы дел о взыскании убытков с арбитражного управляющего и определении обусловленных ею процессуальных особенностей рассмотрения таких дел.

Для достижения указанной цели были поставлены следующие основные **задачи**:

1) проанализировать сложившиеся в отечественной и зарубежной юридической науке подходы к определению правовой природы арбитражного управления в деле о банкротстве;

2) сформулировать научно обоснованное представление о правовой природе арбитражного управления в деле о банкротстве;

3) определить правовую природу гражданско-правовой ответственности за убытки, причинённые должнику и (или) кредиторам вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения управляющим обязанностей в деле о банкротстве, и установить её влияние на правовую природу соответствующей категории дел;

4) определить специфические свойства дел о взыскании убытков с арбитражного управляющего, обусловленные их материально-правовой природой, и выявить закономерности их влияния на формирование процессуальных особенностей рассмотрения дел исследуемой категории;

5) оценить допустимость применения косвенных и групповых исков для защиты прав и законных интересов должника и (или) его кредиторов в делах о взыскании убытков с арбитражного управляющего на основе анализа существенных свойств материально-правовой природы данной категории дел;

6) определить содержание предмета доказывания по делам исследуемой категории и установить его особенности, обусловленные материально-правовой природой соответствующих дел.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция) и специально-юридические (историко-правовой, сравнительно-правовой) методы исследования.

Применение общенаучных методов (анализ, синтез, индукция и дедукция), в частности, обеспечило возможность определить место арбитражного управления в системе институтов российского права; установить видовую принадлежность гражданско-правовой ответственности арбитражного управляющего перед должником и (или) его кредиторами; установить материально-правовые свойства дела о взыскании убытков с арбитражного управляющего, обусловливающие формирование процессуальных особенностей их рассмотрения, а также раскрыть содержание предмета доказывания по делам данной категории.

Применение историко-правового метода позволило выявить отдельные исторические предпосылки обязательственной квалификации правоотношения, возникающего между арбитражным управляющим, должником и его кредиторами в деле о банкротстве.

Сравнительно-правовой метод позволил установить соответствие признаков вышеуказанного правоотношения понятию обязательства; определить место иска о взыскании убытков с арбитражного управляющего в системе процессуальных средств защиты; установить необоснованность одновременного выделения фактов противоправного поведения правонарушителя и факта вины в качестве самостоятельных элементов предмета доказывания по делам рассматриваемой категории; определить содержание материально-правовых фактов противоправности и причинной связи по исследуемой категории дел.

В качестве **теоретической основы исследования** использован широкий круг трудов следующих представителей отечественной науки гражданского права: М. М. Агарков, С. С. Алексеев, А. Б. Бабаев, Н. А. Баринов, В. А. Белов, В. С. Белых, Е. В. Богданов, М. И. Брагинский, Б. С. Бруско, В. В. Витрянский, В.Г. Голубцов, В. П. Грибанов, А. А. Громов, О. В. Гутников, Е. Г. Дорохина, А. А. Дубинчин, Э. А. Евстигнеев, А. В. Егоров, О. С. Иоффе, А. Г. Карапетов, С. А. Карелина, Е. М. Ключарева, А. А. Кузнецов, В. В. Кулаков, А. А. Маркелова, Г. К. Матвеев, Н. О. Нерсесов, Д. В. Новак, И. Б. Новицкий, А. А. Павлов, К. П. Победоносцев, В. Ф. Попондопуло, И. А. Покровский, М. А. Рожкова, В. А. Рясенцев, О. Н. Садиков, С. В. Сарбаш, С. А. Синицын, В. Т. Смирнов, А. А. Собчак, С. К. Соломин, Д. И. Степанов, Е. Д. Суворов, Е. А. Суханов, В. А. Тархов, Ю. В. Тай, М. В. Телюкина, Ю. К. Толстой, Н. В. Тололаева, Е. В. Тычинская, И. М. Тютрюмов, А. И Улинский, И. В. Фролов, Е. А. Флейшиц, В. А. Хохлов, М. А. Церковников, И. С. Чупрунов, Г. Ф. Шершеневич, И. С. Шиткина, Т. П Шишмарева, А. В. Юхнин и др.

При подготовке диссертационного исследования были также изучены и использованы труды представителей науки гражданского процессуального права: Г. О. Аболонина, С. Н. Абрамова, Л. А. Ванеевой, Т. А. Васильевой, Е. В. Васьковского, Ю. С. Гамбарова, М. А. Гурвича, С. Л. Дегтярева, В. В. Долганичева, В. Г. Домшенко, А. А. Добровольского, Н. Г. Елисеева, М. А. Ероховой, Н. Б. Зейдера, В. Л. Исаченко, А. Ф. Клейнмана, С. В. Курылева, С. В. Лазарева, Т. А. Лилуашвили, К. И. Малышева, С. В. Моисеева, В. В. Молчанова, Д. А. Нагоевой, Е. М. Наховой, Е. А. Нефедьева, Ю. К. Осипова, Г. Л. Осокиной, Ю. Д. Подольского, Д. И. Полумордвинова, И. В. Решетниковой, Т. В. Сахновой, Е. Н. Сердитовой, А. М. Синякиной, А. Г. Смирных, А. В. Солодилова, М. К. Треушникова, Е. Е. Уксусовой, М. А. Фокиной, Е. А. Царегородцевой, Н. А. Чечиной, Д. М. Чечот, М. З. Шварца, И. М. Шевченко, К. С. Юдельсона, В. В. Яркова и др.

В диссертационном исследовании проанализированы также работы зарубежных учёных, среди которых труды Н. Альтмейера, Э. Бэйли, Л. Бенедетти,

У. Беккера, М. Беннера, Ю. Блерша, А. Брунса, Ф. Гарсимартина, Т.К. Грациано, Х. Грувса, Х.-В. Гетча, Г. Дернбурга, Л. Джейкобса, С. Дэвиса, П.Л. Дэвиса, П. Звиера, Р. Калнана, Л. Каплоу, Й. Кирши, Т. Ольдигеса, Д. Поттоу Х.-П. Речел, К. Толе, У. Хааса, К. Фраде, С. Фониссена, Н. Хоппе, К. Хопта, М. Хоумана, Р. Холлеманса, Л. Чантурии, К. Шмидта, Н. Янсена и др.

Нормативную основу исследования образуют положения Конституции Российской Федерации, Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»[1], Гражданского кодекса Российской Федерации (частей первой[2] и второй[3]), Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации[4] и Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации[5].

Эмпирическую основу исследования составили материалы правоприменительной практики: определения и постановления Конституционного Суда Российской Федерации, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, определения Верховного Суда Российской Федерации, обзоры судебной практики Верховного Суда Российской Федерации, постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, информационные письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, постановления арбитражных судов Российской Федерации.

---

[1]Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 17.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190. Актуальная ред.: https://clck.ru/3SHBC9 (дата обращения: 03.03.2026).

[2]Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.11.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301. Актуальная ред.: https://clck.ru/3SHBsQ (дата обращения: 03.03.2026).

[3]Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410. Актуальная ред.: https://clck.ru/3RsH3Z (дата обращения: 03.03.2026).

[4]Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012. Актуальная ред.: https://clck.ru/3SHCQD (дата обращения: 03.03.2026).

[5]Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532. Актуальная ред.: https://clck.ru/3SHDmB (дата обращения: 03.03.2026).

Научная новизна диссертации заключается в формировании концепции материально-правовой природы дел о взыскании убытков с арбитражного управляющего и определении ее влияния на процессуальные особенности рассмотрения таких дел. Обосновано, что правоотношения, возникающие между арбитражным управляющим, должником и кредиторами, имеют внедоговорную обязательственную природу, а ответственность арбитражного управляющего за причиненные должнику и (или) кредиторам убытки является разновидностью гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательства. На этой основе споры о взыскании убытков с арбитражного управляющего квалифицированы как дела о привлечении к ответственности за нарушение обязательства. Установлено, что лица, не входящие в обязательственное отношение между должником, арбитражным управляющим и кредиторами, не обладают самостоятельным требованием к управляющему о возмещении убытков; их требования подлежат предъявлению к должнику, от имени и в интересах которого управляющий реализует соответствующие полномочия.

Выявлены материально-правовые свойства указанных дел, определяющие особенности процессуальной формы их рассмотрения. Обоснована возможность применения конструкции косвенного иска о взыскании убытков, причиненных арбитражным управляющим должнику в период производства по делу о банкротстве, а также определены условия применения института группового производства по делам о взыскании убытков, причиненных должнику и (или) его кредиторам.

Конкретизирован предмет доказывания по делам о взыскании убытков с арбитражного управляющего. Установлено, что в его состав входят три основных материально-правовых факта: противоправное поведение арбитражного управляющего, причинно-следственная связь между таким поведением и убытками, а также наличие убытков у должника и (или) кредиторов. При этом обосновано, что вина арбитражного управляющего не должна выделяться в качестве самостоятельного элемента предмета доказывания, поскольку

применительно к данной категории дел ее содержание совпадает с противоправностью поведения управляющего.

Сформулированы авторские подходы к определению содержания основного материально-правового факта противоправного поведения арбитражного управляющего и классификации причиняемых им убытков. На основе полученных выводов предложены направления совершенствования правоприменительной практики и законодательного регулирования дел о взыскании убытков с арбитражного управляющего.

Научная новизна исследования конкретизирована в следующих положениях, выносимых на защиту:

1. Обосновано, что с момента утверждения арбитражного управляющего судебным актом арбитражного суда между арбитражным управляющим, должником и кредиторами возникает материальное частноправовое отношение, в рамках которого целесообразно разграничивать внутреннее и внешние отношения. Во внутреннем отношении его субъекты связаны внедоговорным обязательством, ввиду чего у арбитражного управляющего возникают обязанности по совершению юридических и фактических действий, направленных на руководство или контроль за текущей деятельностью должника в деле о банкротстве, совершению иных действий в интересах кредиторов за вознаграждение. Внешние отношения формирует взаимодействие арбитражного управляющего, действующего от имени должника в качестве его законного представителя, с третьими лицами.

2. Предложены дополнительные аргументы в пользу квалификации дел о взыскании с арбитражного управляющего убытков, причинённых неисполнением или ненадлежащим исполнением возложенных на него обязанностей, в качестве дел о привлечении к гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательства. Обязательственная квалификация такой ответственности позволяет обосновать право кредиторов на возмещение убытков, причиненных арбитражным управляющим, выразившихся в уменьшении доли удовлетворения требований кредиторов вследствие сокращения имущественной массы должника, поскольку ответственность за нарушение

обязательства связывается с самим фактом нарушения обязанности, входящей в содержание обязательства, и причиненными этим нарушением убытками. В рамках данного подхода является обоснованным привлечение арбитражного управляющего к ответственности за убытки, причиненные его недобросовестным поведением, имевшим место после освобождения или отстранения арбитражного управляющего от исполнения обязанностей, и применение наряду со специальными институтами финансового обеспечения его ответственности, предусмотренными законодательством о банкротстве, общегражданских способов обеспечения исполнения обязательств.

3. Обосновано, что круг лиц, управомоченных требовать возмещения причиненных арбитражным управляющим убытков, должен ограничиваться субъектами вышеуказанного обязательственного отношения, поскольку именно в их интересах законодательством о банкротстве установлены обязанности арбитражного управляющего. В отношениях с иными лицами арбитражный управляющий действует в качестве законного представителя должника и не приобретает гражданско-правовых обязанностей перед ними для себя лично.

4. Разработана классификация убытков, причиняемых арбитражным управляющим должнику и (или) его кредиторам, основанная на характере имущественных потерь, личности потерпевшего субъекта и состоянии производства по делу о банкротстве. В рамках данной классификации обосновано выделение убытков должника, выражающихся в уменьшении или утрате возможности увеличения его имущественной массы. В условиях возбужденного дела о банкротстве такие потери подлежат квалификации в качестве убытков, причиненных должнику, поскольку именно он остается субъектом права на соответствующее имущество. После прекращения производства по делу о банкротстве право на взыскание таких убытков сохраняется у должника, если его платежеспособность была восстановлена или утверждено мировое соглашение. Применительно к должнику-гражданину такое право также сохраняется после завершения реализации имущества гражданина в части имущественных потерь, превышающей совокупный размер неудовлетворенных требований кредиторов.

5. В развитие указанной классификации обосновано выделение самостоятельной разновидности убытков, причиняемых арбитражным управляющим в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения возложенных на него обязанностей, – убытков, причиняемых кредиторам. Такие убытки могут выражаться: во-первых, в неполученном объёме удовлетворения их требований после прекращения производства по делу о банкротстве (завершения конкурсного производства, реализации имущества гражданина), если такая неудовлетворённость обусловлена уменьшением или утратой возможности увеличения имущественной массы должника; во-вторых, в имущественных потерях, вызванных нарушением арбитражным управляющим порядка удовлетворения требований кредиторов. В последнем случае убытки возникают не у должника, поскольку уменьшение его имущества сопровождается соответствующим снижением долговой нагрузки, а у тех кредиторов, которые были лишены причитающегося им удовлетворения.

6. Обосновано, что в условиях возбужденного дела о банкротстве иск кредитора о взыскании убытков, причинённых должнику арбитражным управляющим, по своей правовой природе является косвенным иском. Выгодоприобретателем по таким требованиям выступает должник, поскольку взысканные убытки подлежат присуждению в пользу должника. Право кредитора на предъявление иска обусловлено наличием у него косвенного интереса, выражающегося в увеличении доли удовлетворения его требований вследствие пополнения конкурсной массы, что свидетельствует о производном характере получаемой им выгоды. В связи с этим такие требования подлежат рассмотрению в рамках обособленного спора в деле о банкротстве с учётом процессуальных особенностей, присущих косвенным искам. Напротив, в период производства по делу о банкротстве кредитор наделен правом на предъявление прямого иска о взыскании причиненных ему вследствие нарушения арбитражным управляющим порядка удовлетворения требований кредиторов убытков. Равным образом, после прекращения производства по делу о банкротстве (завершения конкурсного

производства, реализации имущества гражданина) кредитор вправе предъявить прямой иск о взыскании причиненных ему убытков в общеисковом порядке.

7. Обоснована концептуальная несовместимость косвенного и группового исков в российском праве. Косвенный иск направлен на защиту прав лица, не являющегося инициатором процесса, тогда как групповой иск служит средством защиты прав самих членов группы. В связи с этим распространение элементов группового производства на процессуальную форму рассмотрения косвенных исков о взыскании убытков с арбитражного управляющего в рамках дела о банкротстве является недопустимым. Вместе с тем иск о взыскании убытков, причинённых кредиторам, заявленный после прекращения производства по делу о банкротстве (завершения конкурсного производства, реализации имущества гражданина) может рассматриваться в порядке группового производства при соблюдении установленных законом условий. Должник-гражданин также вправе обратиться с заявлением о взыскании убытков с арбитражного управляющего по соответствующему основанию в защиту прав и законных интересов группы лиц, присоединиться к предъявляемому или уже предъявленному требованию после завершения процедуры реализации имущества в общем порядке.

8. Обосновано, что основной материально-правовой факт противоправного поведения арбитражного управляющего составляет нарушение арбитражным управляющим внедоговорного обязательства. Такое нарушение может состоять в неисполнении (ненадлежащем исполнении) как прямо предусмотренных законодательством о несостоятельности (банкротстве) обязанностей совершить (воздерживаться от совершения) определенные действия, так и абстрактно сформулированных обязанностей действовать добросовестно и разумно в интересах кредиторов. Обязанность действовать добросовестно предлагается определить как обязанность арбитражного управляющего действовать в интересах сообщества кредиторов, но не в собственных интересах, интересах отдельных кредиторов, должника, или интересах третьих лиц. Публично-правовое значение деятельности арбитражного управляющего, выражающееся в судебном контроле за ее осуществлением и повышенных требованиях к независимости и

незаинтересованности управляющего, исключает допустимость совершения им действий в условиях конфликта интересов, в том числе при наличии одобрения со стороны собрания или комитета кредиторов.Обязанность действовать разумно представляет собой обязанность прилагать такой объем усилий при осуществлении арбитражного управления, какой стоит ожидать от обычного представителя данной профессии при сходных обстоятельствах. Стандарт разумного поведения арбитражного управляющего может быть повышен в случаях, когда к его кандидатуре при утверждении в деле о банкротстве предъявлялись дополнительные требования к образованию, опыту и квалификации, а также с учетом требований к компетентности, установленных саморегулируемой организацией арбитражных управляющих, членом которой он является, в качестве условий членства.

Проведенное исследование позволило сделать ряд предложений по совершенствованию законодательства.

1. Изложить абз. 1 п. 4 ст. 20.4 Закона о банкротстве в следующей редакции: «Арбитражный управляющий обязан возместить должнику и кредиторам убытки, которые причинены в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве, факт причинения которых установлен вступившим в законную силу решением суда».

2. Добавить в ст. 20.4 Закона о банкротстве пункт 4.1 следующего содержания: «До завершения конкурсного производства, реализации имущества гражданина или прекращения производства по делу о банкротстве кредиторы вправе обратиться в арбитражный суд с иском о возмещении убытков, причиненных арбитражным управляющим должнику вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве. Кредиторы имеют право требовать принудительное исполнение решения арбитражного суда в пользу должника.

Решение об удовлетворении требования по иску о возмещении убытков принимается в пользу должника в интересах которого был предъявлен иск. По

ходатайству лица, участвующего в деле, исполнительный лист направляется для исполнения непосредственно арбитражным судом».

3. Добавить в ст. 20.4 Закона о банкротстве пункт 4.2: «Кредитор вправе обратиться в арбитражный суд иском о возмещении убытков, причиненных ему арбитражным управляющим вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве. Решение об удовлетворении требования по такому иску принимается в пользу истца.

С даты введения первой процедуры банкротства и далее в ходе любой процедуры банкротства такое требование может быть предъявлено и рассмотрено только в рамках дела о банкротстве. После завершения конкурсного производства, реализации имущества гражданина или прекращения производства по делу о банкротстве такие требования, если они не были предъявлены и рассмотрены в рамках дела о банкротстве, могут быть заявлены в общеисковом порядке в пределах оставшегося срока давности».

Теоретическая значимость исследования выражается в научной новизне его результатов, формулировании новых научных знаний о влиянии материально-правовой природы юридических дел на формирование процессуальных особенностей их рассмотрения. Сформулированные в работе выводы и предложения призваны восполнить существующие пробелы в правовой регламентации порядка рассмотрения и разрешения исследованной категории споров. Предполагается, что сформулированные автором выводы и положения заложат основу для дальнейших научных изысканий в исследуемой области.

Практическая значимость исследования состоит в том, что полученные выводы могут быть использованы в нормотворческой и правоприменительной деятельности для совершенствования механизмов рассмотрения отдельных категорий споров в арбитражном процессе, а также в преподавании дисциплин цивилистического цикла.

Достоверность результатов исследования подтверждается его объёмными теоретической и эмпирической базами, использованием методологии, соответствующей целям и задачам исследования. Основные выводы и положения,

сформулированные в диссертации, базируются на детальном изучении и анализе многочисленных общих и специальных научных трудов, нормативных правовых актов, а также материалов судебной практики.

Апробация результатов исследования. Диссертация выполнена на кафедре гражданско-правовых дисциплин ФГКОУ ВО «Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации». Основные положения, выносимые на защиту, нашли отражение в 12 научных публикациях автора исследования, 5 из которых опубликованы в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Отдельные положения, выносимые на защиту, доложены в рамках выступления на научно-представительских мероприятиях различного уровня, в частности: Всероссийская научно-практическая конференция «Правосудие современности» (Екатеринбург, 2024 г.); Международная научная конференция студентов и молодых учёных «Эволюция российского права» (Екатеринбург, 2024, 2025 гг.); Международная научно–практическая конференция «Российская правовая система: в поисках национальной идентичности» (Москва, 2024 г.); Международная научно-практическая конференция «Судебная власть и прокурорский надзор в системе защиты прав личности и государства» (Москва, 2025 г.); Международная научно-практическая конференция «Седьмые Абовские чтения» (Москва, 2025 г.).

Структура диссертационного исследования определяется его предметом, целями и задачами. Исследование состоит из введения, трех глав, включающих восемь параграфов, заключения и списка использованной литературы и источников.

ГЛАВА 1. ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДЕЛ О ВЗЫСКАНИИ УБЫТКОВ С АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО

§ 1. Правовая природа арбитражного управления в деле о банкротстве: основные теории

Проблема правовой природы арбитражного управления в деле о банкротстве породила длительную дискуссию в доктрине частного права. Диапазон научных представлений по данному вопросу крайне широк, а расхождения между отдельными подходами носят принципиальный характер.

Так, согласно первой группе концепций, управляющий в деле о банкротстве действует в качестве государственного служащего (должностного лица), осуществляющего публично-правовые полномочия. Согласно второй группе концепций, арбитражное управление имеет частноправовую природу, однако ученые расходятся в оценке его места в система институтов частного права, что повлекло за собой возникновение следующих теорий: представительская, доверительного управления, органическая и руководителя юридического лица. Некоторые ученые либо полагают, что исследуемый институт объединяет в себе как частноправовые, так и публично-правовые начала, что выступает основой при постулировании ими смешанных теорий (таких, как теория службы), либо вовсе отказываются от выявления его правовой природы[1].

Нельзя не отметить, что указанный теоретический спор выполняет важную систематизирующую функцию. Соответствующие теории неизменно актуализируются при решении отдельных теоретических и сугубо практических вопросов, в том числе касающихся основания и пределов ответственности арбитражного управляющего. Рассмотрим каждый из подходов подробнее.

---

[1]Федоренко Н. В. Пархоменко П. Н. Правовой статус и роль некоторых субъектов процедуры банкротства в свете Федерального закона 2002 года «О несостоятельности (банкротстве)» // Вестника Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2005. № 5. С. 170; Калинина Е. В. Правовое положение арбитражного управляющего: дис. ... канд. юрид. наук: Волгоград, 2005. С. 89.

Публичная теория арбитражного управления. В ее основе лежит представление о том, что арбитражный управляющий является носителем государственных полномочий, то есть государственным служащим или частным лицом, которому делегированы государственные полномочия для выполнения публично-значимых функций в производстве по делу о банкротстве. Одним из ярких сторонников публичной теории в отечественном праве являлся Г. Ф. Шершеневич, утверждавший, что конкурсное управление и присяжный попечитель (органы управления в дореволюционном конкурсном процессе, являющиеся историческими предшественниками современных арбитражных управляющих) являются органами суда [1]. В рамках данной концепции центральное место занимает утверждение, что указанные органы осуществляют свою деятельность в интересах как должника, так и кредиторов, а значит более естественным является их сравнение с органами правительственной власти, действующими под надзором суда[2]. Нормативным основанием данной теории служили положения действовавшего в то время Устава судопроизводства торгового, ст. 428 которого гласила, что присяжный попечитель уполномочивается от суда на управление имуществом, а ст. 438 определяла конкурсное управление как «присутственное место, составляющее по делам, ему вверенным, нижнюю ступень коммерческого суда. В сем качестве оно сносится со всеми судебными и другими местами, имеет свою печать и необходимое число письмоводителей, под надзором председателя»[3].

Современные сторонники публичной теории опираются прежде всего на правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ), сформулированные в Постановлении от 19.12.2005 № 12-П. КС РФ охарактеризовал арбитражного управляющего как лицо, осуществляющее преимущественно публичные функции и призванное обеспечивать достижение

---

[1] Шершеневич Г. Ф. Конкурсный процесс. 3-е изд. М.: Статут, 2021. С. 326. См. также: Тютрюмов И. М. Конкурсное право. Каунас: Издание Д. Гутмана, 1931. С. 142.

[2] Улинский А. И. Конкурсный процесс. Несостоятельность торговая и неторговая по русскому законодательству. Курск: Типография Дома трудолюбия, 1915. С. 51.

[3] Устав судопроизводства торгового / сост. А. М. Нюренберг. Москва: Издательство юридического книжного магазина «Правоведение» И. К. Голубева, 1913. С. 265, 277.

публично-правовой цели института банкротства – гарантировать баланс прав и законных интересов участников дела. Арбитражный управляющий, по мнению КС РФ, наделяется полномочиями, «в значительной степени носящими публично-правовой характер», обязан действовать добросовестно и разумно в интересах должника, кредиторов и общества, а принимаемые им решения «являются обязательными и влекут правовые последствия для широкого круга лиц»[1].

Проанализировав вышеуказанную правовую позицию КС РФ, некоторые отечественные ученые отметили следующее. А. П. Шафранов указал, что арбитражный управляющий является должностным лицом, осуществляющим государственно-властные полномочия в рамках регулируемой Законом о банкротстве профессиональной деятельности[2]. Е. В. Богданов, подчёркивая обязанность управляющего учитывать в равной мере интересы должника, кредиторов и государства, говорит о его консолидационной функции и квалифицирует его как «судебного управляющего, т. е. должностное лицо», находящееся под государственным контролем арбитражного суда[3]. В качестве органа общего делегированного публичного управления арбитражного управляющего рассматривает И. В. Фролов[4].

Представляется, что публичная теория арбитражного управления не нашла широкой поддержки среди современных российских ученых. К примеру, ее основательно критикует Е. Г. Дорохина. По мнению специалиста, арбитражный управляющий не может быть носителем публичной правоспособности, так как она предполагает наличие публичной власти, которой рассматриваемый субъект не наделён. Несмотря на то, что профессиональная деятельность арбитражного

---

[1]Постановление КС РФ от 19.12.2005 № 12-П «По делу о проверке конституционности абзаца восьмого пункта 1 статьи 20 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина А. Г. Меженцева» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.ru/3SCeq7 (дата обращения: 02.03.2026).

[2]Шафранов А. П. Правовой статус арбитражного управляющего // Цивилистика. 2020. № 5. С. 33.

[3] Богданов Е. В. Правовое положение арбитражного управляющего юридическим лицом // Гражданское право. 2015. № 1. С. 27–30.

[4] Фролов И. В. Банкротство как административно-правовой механизм регулирования экономических конфликтов: монография. Новосибирск: Альфа-Порте, 2010. С. 211–220.

управляющего связана с выполнением социально значимых функций и ориентирована на интересы широкого круга лиц, она от этого не становится публично-правовой. При этом, по мнению ученого, при анализе природы арбитражного управления необходимо учитывать, что правовые средства, предоставленные арбитражному управляющему для исполнения возложенных на него обязанностей, основаны на децентрализованном методе правового регулирования. В этой связи Е.Г. Дорохина справедливо подчеркивает, что вывод КС РФ об обязательном характере решений арбитражного управляющего для участников дела о несостоятельности (банкротстве) не находит прямого подтверждения в нормах Законе о банкротстве, так как между ним и иными лицами, участвующими в деле, не возникает правоотношений субординации[1].

На наш взгляд, наибольшего внимания заслуживает утверждение о том, что социально значимый характер деятельности арбитражного управляющего не свидетельствует о том, что по своей природе она носит публичный характер. В этой связи ряд специалистов считают обоснованным сравнение арбитражных управляющих с представителями т. н. «привилегированных профессий», выполняющими социально значимые функции, но не являющимися должностными лицами в публично-правовом смысле (например, адвокаты)[2]. Как отмечает К. Хопт, правовое регулирование некоторых видов профессиональной деятельности, таких как банковская, аудиторская, адвокатская, действительно осуществляется при помощи публично-правовых норм, что связано с необходимостью защиты общественных благ (функционирование банковской

---

[1]Дорохина Е. Г. Арбитражное управление в системе банкротства. М.: Новый индекс, 2008. С. 6.

[2]Суходольский И. М. Правовые формы и правовые средства участия государства в процессе несостоятельности (банкротства): дис. … канд. юрид. наук. М., 2022. С. 148; Дорохина Е. Г. Указ. соч. С. 35; Егоров А. В. Дело «Конкурсный управляющий ООО «Удмуртский промышленно-строительный банк» против ООО «Можгинский Мясокомбинат» о возбуждении дела о банкротстве» (комментарий к постановлению от 16.10.2007 г. № 8141/07) // Правовые позиции Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: избранные постановления за 2007 год с комментариями / под ред. А. А. Иванова. М.: Статут, 2012. С. 134–147.

системы, независимость аудиторов, справедливая система правосудия)[1]. Однако не возникает сомнений, что общественные отношения, возникающие между субъектами, осуществляющими профессиональную деятельность в упомянутых ранее сферах, и другими участниками оборота, урегулированы преимущественно нормами частного права. Как следствие, высокая общественная значимость деятельности арбитражного управляющего не может свидетельствовать в пользу публичной теории арбитражного управления.

Рассматриваемая теория была подвергнута критике и Европейским судом по правам человека в Постановлении Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) от 03.04.2012[2]. Хотя предметом исследования Большой Палаты ЕСПЧ являлось правовое регулирование деятельности конкурсного управляющего по Закону Российской Федерации от 19.11.1992 № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий»[3] (далее – Закон 1992 г.), актуальность данных разъяснений сохраняется до сих пор. Более того, соответствующая правовая позиция Большой Палаты может быть распространена на все разновидности арбитражного управления, предусмотренные Законом о банкротстве.

По мнению ЕСПЧ, арбитражный управляющий действительно способствует достижению публично-правовых целей несостоятельности, однако он не действует в качестве государственного органа или его должностного лица, не связан указаниями какого-либо органа государственной власти и не подчиняется характерному для подобного рода отношений с государством контролю. «В своей деятельности арбитражный управляющий пользовался значительной оперативной и институциональной автономией от государства и был полностью независим от властей в финансовом отношении». Полагаем, что последнее замечание имеет

---

[1] Хопт К. Представление интересов и конфликты интересов в современном акционерном, банковском и профессиональном праве (к догматике современного правового регулирования ведения чужих дел) // Вестник гражданского права. 2008. № 2. С. 225–277.

[2] Постановление ЕСПЧ от 03.04.2012 «Дело Котов (Kotov) против Российской Федерации» (жалоба № 54522/00) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.ru/3SCfGb (дата обращения: 02.03.2026).

[3] Закон РФ от 19.11.1992 № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 1. Ст. 6.

системообразующее значение, ведь только в таких условиях арбитражный управляющий может проявлять необходимую активность и заботу о приращении конкурсной массы, чего не учитывает публичная теория арбитражного управления[1].

По мнению А. А. Маркеловой, помимо государственных органов, принудительные полномочия также вправе осуществлять некоторые частные лица, например, конкурсные управляющие[2]. С этим выводом довольно трудно согласиться. Принимая во внимание позицию ЕСПЧ, отметим, что арбитражный управляющий не наделён полномочиями по оказанию принудительного воздействия на участников гражданского оборота, в отличие, например, от судебного пристава-исполнителя, имеющего право накладывать арест на имущество, истребовать информацию и принимать иные решения, обязательные как для лиц, участвующих в исполнительном производстве, так и для иных лиц. При этом подчеркнем, что как в силу положений Закона 1992 г., так и Закона о банкротстве, какие-либо меры принудительного воздействия к лицам, участвующим в деле о банкротстве, могут быть применены только в результате рассмотрения судом соответствующих ходатайств и заявлений арбитражного управляющего. Стоит также отметить, что финансирование деятельности арбитражного управляющего не государством, а должником и его кредиторами, дополнительно свидетельствует о необоснованности публичной теории.

Наконец, публичная теория арбитражного управления предполагает, что гражданско-правовая ответственность за неправомерное поведение арбитражного управляющего, причинившего вред при исполнении своих обязанностей участникам дела о банкротстве и иным лицам, должна регулироваться нормами об ответственности за вред, причинённый государственными органами, а также

---

[1] Суворов Е. Д. Проблемы реализации принципа равенства кредиторов несостоятельного должник: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2022. С. 250.

[2] Маркелова А. А. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный государственными, муниципальными органами и их должностными лицами: дис. … канд. юрид. наук. М., 2022. С. 148.

должностными лицами[1]. Однако в силу абз. 1 п. 4 ст. 20.4 Закона о банкротстве, арбитражный управляющий несет самостоятельную ответственность за убытки, причиненные неисполнением или ненадлежащим исполнением возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве. Указанное, по нашему мнению, вновь свидетельствует о необоснованности публичной теории арбитражного управления.

Теория службы (Amtstheorie). В немецкой доктрине получила широкую поддержку теория службы (теория должности)[2], согласно которой, управляющий в деле о банкротстве (*Insolvenzverwalter*) осуществляет управленческие полномочия в качестве носителя должностного статуса, действуя от собственного имени, но исключительно в чужом интересе и с правовыми последствиями для имущества должника, оставаясь при этом частным лицом, а не государственным служащим. В качестве нормативного аргумента в её пользу служит Положение о несостоятельности 1999 г. (Insolvenzordnung (далее – InsO)[3], где*Insolvenzverwalter* описывается термином «должность»(*Amt*) (Abs. 2 § 56 InsO, S. 3 § 57, Abs. 1 § 59 InsO). Совокупность полномочий управляющего абстрактно связывается с институтом должности, а не с личностью конкретного управляющего. В процессуальных отношениях он выступает в качестве «процессуальной стороны в силу должности» (*Partei kraft Amtes)*[4]. В отличие от государственного служащего, *Insolvenzverwalter* осуществляет управление имуществом должника исключительно в частноправовой форме под угрозой личной ответственности за причинённый ущерб и без использования принудительных государственно-властных полномочий[5].

---

[1]Богданов Е. В. Указ. соч.

[2]Шишмарева Т. П. Правовые средства обеспечения эффективности процедур несостоятельности в России и Германии: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2021. С. 340.

[3] Insolvenzordnung // Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz. URL: https://clck.ru/3ViPmY (дата обращения: 01.04.2024).

[4]Елисеев Н. Г. Гражданское процессуальное право зарубежных стран: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2004. С. 362; RechelH.-P. DieAufsichtdesInsolvenzgerichts überdenInsolvenzverwalter. Berlin: De Gruyter Recht, 2009. S. 59.

[5]Altmeyer N. Insolvenzverwalterhaftung in Deutschland und den USA. Baden-Baden: Nomos, 2021. S. 49.

Преимуществом теории службы является её способность отразить многополярность интересов, на удовлетворение которых направлено арбитражное управление. Именно эта «пограничная» модель привлекла внимание ряда российских исследователей, стремящихся объединить публичное значение института несостоятельности и частноправовой характер деятельности управляющего. Так, Б. С. Бруско, ссылаясь на С. А. Карелину и И. В. Фролова, указывает, что в отечественной доктрине устойчиво формируется представление о смешанном статусе управляющего, защищающего триединый комплекс интересов: кредиторов, должника (частных) и государства (общества)[1].

Вместе с тем теория службы подвергается обоснованной критике. К примеру, А. В. Егоров отмечает, что понятие «носитель особой должности» лишь заменяет одну неопределённость другой, не раскрывая содержания статуса арбитражного управляющего. Формула «действует от собственного имени» также не приобретает правового значения, поскольку по фактическим последствиям она тождественна действию представителя от чужого имени, а значит, усиливаются сомнения в её необходимости[2]. С данной позицией трудно не согласиться. Отдельно отметим, что указание на особый характер положения управляющего само по себе не может выступать основой для конкретных выводов о содержании его правоспособности, основаниях и пределах ответственности рассматриваемого субъекта.

*Органическая теория (Organtheorie).*Сторонники органической теории полагают, что арбитражный управляющий в деле о банкротстве является органом обособленной в правовом смысле имущественной массы должника, которая обладает правосубъектностью[3]. Слабым местом рассматриваемой концепции является попытка помыслить имущество несостоятельного (предполагаемого несостоятельным) лица в качестве субъекта права. Сказанное объясняется тем,

---

[1]Бруско Б. С. Защита прав и законных интересов кредиторов в конкурсном праве: дис. … канд. юрид. наук. Иркутск, 2004. С. 86–90.

[2] Егоров А. В. Очерк 6. Торговая несостоятельность. // Торговое (коммерческое) право: актуальные проблемы теории и практики / под ред. В. А. Белова. М.: Юрайт, 2019. С. 245.

[3]Lüke W. Persönliche Haftung des Verwalters in der Insolvenz. Köln: RWSVerlag, 2015. S. 10.

что новый субъект должен получить права на имущества, составляющее конкурсную массу, то есть на самого себя. Не говоря уже о том, что вещные и иные права самого должника не подлежат прекращению. Аналогичное мнение было высказано А.В. Егоровым[1] и Т. П. Шишмаревой[2].

*Теория руководителя должника.*Согласно теории руководителя должника, нормативное обоснование которой её сторонники предлагают усматривать в нормах статей п. 1 ст. 20.2, ст. 94 и 129 Закона о банкротстве, с момента открытия процедуры несостоятельности (банкротства) арбитражный управляющий заменяет собой отстранённое от управления должником руководство, тем самым формируя и восполняя правосубъектность несостоятельной организации, становясь её органом управления[3]. О наличии основания для рассмотрения арбитражного управляющего в качестве руководителя должника свидетельствует и п. 12 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ (далее – ВАС РФ) от 30.07.2013 № 62 (далее – Постановление № 62), согласно которому разъяснения, касающиеся ответственности лиц, входящих в органы управления юридического лица, подлежат применению также при рассмотрении арбитражными судами дел о взыскании убытков, в том числе, с внешнего или конкурсного управляющих, если иное не предусмотрено законом или не вытекает из существа отношений[4]. Эта позиция получила своё развитие в науке[5]. Более того, хотя в норме и упоминается только внешний и конкурсный управляющие, в литературе высказывается мнение, что указанные разъяснения можно применять в

---

[1]Егоров А. В. Дело…

[2]Шишмарева Т. П. Институт несостоятельности в России и Германии. М.: Статут, 2015. С. 93.

[3] Яцева Е. В. Правовое регулирование сделок несостоятельного должника, находящегося в процессе банкротства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 12.

[4]Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.ru/3SCwRG (дата обращения: 02.03.2026).

[5]Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Кн. 3: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. М.: Статут, 2002. С. 789–790.

том числе и к иным арбитражным управляющим, назначаемым в рамках процедуры банкротства юридических лиц[1].

Однако отметим, что рассматриваемая теория в юридической литературе также была подвергнута критике, которая сводится к следующим принципиальным положениям. Во-первых, теория руководителя должника характеризует правовое положение лишь тех арбитражных управляющих, которым переданы полномочия по распоряжению имуществом должника-юридического лица в процедурах, предполагающих отстранение прежнего руководства должника (внешний управляющий и конкурсный управляющий). Во-вторых, теория руководителя должника не объясняет, почему управляющий должен действовать в интересах кредиторов, будучи лицом, реализующим функции органа управления должника (п. 3 ст. 53 ГК РФ). В-третьих, Закон о банкротстве не содержит норм, предусматривающих специальные способы и порядок формирования органов управления должника, отличные от тех, что предусмотрены законодательством о юридических лицах и уставом организации-должника. В-четвёртых, должник, наряду с арбитражным управляющим, является самостоятельным участником дела о банкротстве, а потому неверно будет считать, что арбитражный управляющий представляет собой орган управления должника[2].

Представительские теории. а) Теория представительства кредиторов. Иногда арбитражный управляющий рассматривается в качестве представителя кредиторов или органов кредиторского сообщества[3]. В основании данной теории лежит гипотеза о том, что приоритетной целью института несостоятельности (банкротства) является удовлетворение требований кредиторов, а значит арбитражный управляющий обязан действовать в их интересах, т. е. является их

---

[1]Чупрунов И. С. Ответственность директора перед юридическим лицом: научно-практический комментарий к постановлению Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица»: монография. М.: Статут, 2024. С. 332.

[2]Дорохина Е. Г. Указ. соч. С. 35.

[3] Исаченко В. Л. Русское гражданское судопроизводство: Практическое руководство для студентов и начинающих юристов. Т. II: Судопроизводство охранительное и конкурсное. 3-е изд., доп. СПб.: Типография М. Меркушева, 1907. С. 488.

представителем. Так, по мнению Е. А. Суханова, при банкротстве осуществляется управление деятельностью юридического лица в интересах его кредиторов[1]. Такое обоснование, по мнению ряда исследователей, несовместимо с институциональной установкой, согласно которой деятельность управляющего ориентирована на многосторонние интересы[2].

Однако наиболее существенный недостаток теории представительства кредиторов, по нашему мнению, состоит в том, что она не согласуется с реализованной в гл. 10 ГК РФ моделью представительства. Правоотношение представительства подразумевает, что юридические действия представителя непосредственно порождают правовые последствия для представляемого в виде создания, изменения и прекращения его гражданских прав и обязанностей (ст. 182 ГК РФ). Однако в силу Закона о банкротстве деятельность арбитражного управляющего преимущественно связана с осуществлением прав и исполнением обязанностей, принадлежащих должнику (например, при оспаривании сделок, при осуществлении права на отказ от договора, при распоряжении имуществом и т.д.). Иными словами, действия арбитражного управляющего порождают правовые последствия непосредственно для несостоятельного лица. Все обозначенное вступает, на наш взгляд, в прямое противоречие с основной идеей рассматриваемой теории.

б) Теория представительства конкурсной массы. Теория представительства конкурсной массы исходит из того, что с момента возбуждения дела о несостоятельности (банкротстве) *ipsojure* происходит отделение имущественной массы от её собственника (должника), вследствие чего она наделяется правосубъектностью[3]. Арбитражный управляющий понимается в качестве представителя правосубъектной конкурсной массы, совершающего от её имени и в её интересах фактические и юридические действия, направленные на

---

[1] Суханов Е. А. Договор доверительного управления имуществом // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2000. № 1. С. 81.

[2] Шишмарева Т. П. Институт несостоятельности…. С. 88–89; Дорохина Е. Г. Указ. соч. С. 59.

[3] Анашкин С. П. Теория персонифицированной конкурсной массы // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 10. С. 191–208.

достижение целей и выполнение задач института несостоятельности (банкротства). В полной мере положения данной теории реализованы в американском законодательстве о несостоятельности (банкротстве). Так, согласно § 323 Title 11 oftheUnitedStatesCode (TheUnitedStatesBankruptcyCode), доверительный управляющий (*trustee*) является представителем имущества должника (*bankruptcyestate*)[1]. В Российской Федерации арбитражное управление, по нашему мнению, не может быть рассмотрено с позиций теории представительства конкурсной массы по тем же причинам, по которым нами ранее была отвергнута органическая теория арбитражного управления – на всем протяжении производства по делу о банкротстве должник продолжает оставаться собственником имущества, составляющего его имущественную массу.

в) Теория представительства должника. Особое внимание следует уделить концепции, согласно которой управляющий с момента своего утверждения в деле о банкротстве судебным актом арбитражного суда становится законным представителем должника.

В отечественной литературе рассматриваемую теорию критикуют, главным образом, за то, что она подразумевает обязанность управляющего действовать в интересах конкретного участника (группы участников) отношений несостоятельности, тогда как, согласно п. 4 ст. 20.3 Закона о банкротстве, он обязан действовать равным образом в интересах должника, его кредиторов и общества[2]. С указанным не согласен А.В. Егоров, который считает, что действие в интересах представляемого не входит в число системообразующих признаков представительства в системе российского права[3]. В специальном исследовании, посвящённом проблемам представительства, А. В. Егоров и Е. А. Папченкова приходят к выводу о том, что идея о преследовании представителем интересов представляемого является следствием ложного отождествления правовых конструкций представительства и договора поручения. В то же время, договор

---

[1] The United States Bankruptcy Code (title 11, United States Code) // Cornell Law School. URL: https://www.lawschool.cornell.edu/ (accessed: 08.12.2023).
[2] Тай Ю. В. Указ. соч. С. 45; Шишмарева Т. П. Там же; Дорохина Е. Г. Указ. соч. С. 34–36.
[3] Егоров А. В. Очерк 6. Торговая несостоятельность. С. 245.

поручения и представительство надлежит рассматривать как два правоотношения, которые в некоторых случаях совпадают и встречаются в обороте совместно. Преследование поверенным интересов доверителя действительно характерно для представительства, вытекающего из договора поручения, однако это не значит, что оно должно иметь место во всяком правоотношении представительства. Как следствие, «если представительство осуществляется не на основании договора поручения, то нет оснований требовать от представителя, чтобы он действовал в интересах представляемого»[1].

Подтверждение сказанному можно встретить в дореволюционной и советской научной литературе. Так, Н.О. Нерсесов, сравнивая институты представительства и поручения в гражданском праве, приходит к выводу о том, что необходимым условием поручения является интерес мандата или третьего лица, в представительстве же интерес представляемого не составляет *conditio sine qua non* действительности договора[2]. По мнению В.А. Рясенцева, направленность на удовлетворение интересов представляемого не должна рассматриваться в качестве обязательного признака представительства. Он указывает, что в зависимости от конкретных обстоятельств сделка может быть заключена представителем в интересах представляемого, в собственных интересах, а также в интересах обоих. В ряде случаев правопорядок допускает совершение представителем сделок в интересах третьего лица (кредитора) и представляемого[3]. Таким образом, заключает А. В. Рясенцев, главное в представительстве не отстаивание интересов представляемого, а порождение действиями представителя правовых последствий в лице представляемого[4].

---

[1]Егоров А. В., Папченкова Е. А., Ширвиндт А. М. Представительство: исследование судебной практики. М.: Статут, 2016. С. 13–14.

[2]Нерсесов Н. О. Избранные труды по представительству и ценным бумагам в гражданском праве. М.: Статут, 1998. С. 49.

[3]Рясенцев В. А. Представительство и сделки в современном гражданском праве. М.: Статут, 2006. С. 148

[4]Рясенцев В. А. Представительство в советском гражданском праве: дис. … докт. юрид. наук. М., 1948. С. 237–239.

В пользу рассматриваемой теории свидетельствует и действующее законодательство о несостоятельности (банкротстве). Так, в случаях, предусмотренных п. 1 ст. 61. 9, п. 1 ст. 61.14, п. 2 ст. 61.20, абз. 3 п. 1 ст. 99, абз. 5 п. 1 ст. 99, абз. 6 п. 3 ст. 129, ст. 154, п. 5 ст. 213.25 Закона о банкротстве, арбитражный управляющий совершает юридически значимые действия от имени должника в силу прямого указания закона.

Уязвимость рассматриваемой концепции заключается в том, что в ее текущем виде она не может быть признана в полной мере применимой *de lege lata* ко всем видам арбитражных управляющих. В частности, временный, административный и финансовый управляющие (в процедуре реструктуризации долга) характеризуются ограниченным объемом полномочий по совершению юридически значимых действий от имени должника. Законодательство о несостоятельности предусматривает для них смешанную модель поведения: одни действия совершаются ими от собственного имени (например, дача согласия на совершение отдельных сделок и оспаривание сделок, совершенных без такого согласия – абз. 2 п. 1 ст. 66 и п. 4 ст. 82 Закона о банкротстве), тогда как иные – от имени должника (в частности, обращение с заявлениями о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности (п. 1 ст. 61.14 Закона о банкротстве), а также осуществление действий, связанных с обеспечением проведения собраний кредиторов (например, оплата помещения)).

Подобная нормативная конструкция свидетельствует о том, что одни и те же субъекты в рамках одной процедуры наделяются правом совершать сходные по своему юридическому содержанию действия как от собственного имени, так и от имени должника. Между тем такие действия объединяет их функциональная направленность – защита имущественных интересов должника, в том числе посредством обращения в юрисдикционные органы с соответствующими требованиями. Данная двойственность правового регулирования представляется внутренне противоречивой и теоретически не вполне согласованной.

Вместе с тем более обоснованным представляется исходить из того, что временный, административный и финансовый управляющие по своей правовой

природе выступают представителями должника. На это указывает не только функциональная характеристика их деятельности, но и прямые предписания закона, закрепляющие их участие в осуществлении прав и обязанностей должника. Специфика их статуса заключается не в отсутствии представительской природы, а в ограниченном объеме предоставленных полномочий. Такое ограничение обусловлено тем, что в процедурах наблюдения и финансового оздоровления органы управления юридического лица, как правило, сохраняют свои управленческие функции и продолжают осуществлять руководство текущей деятельностью должника. Следовательно, арбитражный управляющий в этих условиях действует как представитель с ограниченным кругом полномочий.

С этой точки зрения положения законодательства, квалифицирующие отдельные действия арбитражного управляющего как совершаемые от собственного имени, представляются дискуссионными. В действительности речь идет об однородных по своей юридической природе действиях, которые в одних случаях законодатель обозначает как совершаемые от имени должника, а в других – как действия от имени самого управляющего, не предлагая при этом убедительного критерия такого разграничения.

В связи с этим представляется целесообразным *de lege ferenda* закрепить единый подход, согласно которому арбитражный управляющий, независимо от процедуры банкротства, для проведения которой он утвержден, должен рассматриваться в качестве представителя должника. Реализация данного подхода позволила бы обеспечить системную согласованность правового регулирования и распространить на совершаемые управляющим юридические действия положения главы 10 ГК РФ о представительстве, что, в свою очередь, способствовало бы более последовательному разрешению вопросов об их правовых последствиях и ответственности управляющего.

Несмотря на безусловные достоинства, теория представительства должника, как и другие представительские теории, оставляет в стороне осмысление правовой природы отношений, существующих между должником, арбитражным управляющим и кредиторами, в рамках которых арбитражный управляющий

осуществляет руководство (контроль за) текущей деятельностью должника, исполняет обязанности по предоставлению отчётов о своей деятельности органам кредиторов, осуществляет погашение требований кредиторов, получает вознаграждение за осуществляемую деятельность и т. д. Соответствующие правоотношения не могут быть охвачены институтом представительства, поскольку имеют собственное содержание, которое не может быть сведено исключительно к совершению юридических действий от имени должника. Вместе с тем именно эти, внутренние, отношения составляют наиболее существенную сферу деятельности арбитражного управляющего. Подробнее данная проблема будет рассмотрена далее.

Теория доверительного управления. Некоторые исследователи отмечают, что арбитражное управление имеет принципиальное сходство с институтом доверительного управления имуществом. По мнению Е. Д. Суворова, в такой модели конкурсная масса может быть признана объектом управления, кредиторы – выгодоприобретателями, должник становится учредителем, а арбитражный управляющий – доверительным управляющим [1]. Аналогичная точка зрения высказывается в работах Е. А. Суханова [2], З. Э. Беневоленской [3], В. Ф. Попондопуло[4], В. А. Дозорцева[5].

Интерес к институту доверительного управления в контексте рассматриваемой дискуссии обусловлен тем, что в системе отечественного гражданского законодательства он фактически выступает единственной нормативно урегулированной моделью управления чужим имуществом в чужом интересе, следовательно, способен в наибольшей степени раскрыть содержание данной деятельности с функциональной стороны. Подобно доверительному

---

[1] Суворов Е. Д. Указ. соч. С. 230–234.

[2] Комментарий части второй Гражданского кодекса Российской Федерации для предпринимателей / под общ. ред. В. Д. Карповича. М.: Фирма «Гардарика», 1996. С. 312.

[3] Беневоленская З. Э. Доверительное управление имуществом в сфере предпринимательства: монография. М.: Проспект, 2017. 303 с.

[4] Попондопуло В. Ф. Конкурсное право: правовое регулирование несостоятельности (банкротства): учеб. пособие. М.: Юристъ, 2001. С. 143.

[5] Дозорцев В. А. Доверительное управление // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 1996. № 12. С. 117–128.

управляющему, арбитражный управляющий на систематической основе совершает юридические и фактические действия с вверенным ему имуществом в чужих интересах. Арбитражный управляющий самостоятельно определяет, какие именно действия ему необходимо совершить для достижения целей арбитражного управления, а вмешательство со стороны выгодоприобретателей управления (кредиторов) и собственника управляемого имущества (должника) в сферу его дискреционных полномочий существенно ограничено. Приобретаемые в ходе управления права первоначально относятся к пользе должника (его имущественной массы), а обязательства, возникающие вследствие действий арбитражного управляющего, по общему правилу, обременяют не его лично, а непосредственно самого должника (ст. 5 Закона о банкротстве, п. 2 ст. 1020 ГК РФ). Арбитражный управляющий также обязан представлять отчёт (заключение) о своей деятельности для промежуточного и итогового контроля за результатами его работы (п. 2 ст. 67, абз. 5 п. 3 ст. 83 Закона и банкротстве, п. 4 ст. 1020 ГК РФ). Ещё одной общей чертой с обязательством из доверительного управления является право арбитражного управляющего на вознаграждение, а также на возмещение в полном объёме расходов, фактически понесённых им при исполнении возложенных на него обязанностей (п. 1 ст. 20.6 Закона о банкротстве, ст. 1023 ГК РФ).

Однако господствующее мнение в российской доктрине отвергает теорию доверительного управления по следующим причинам. Во-первых, основанием доверительного управления служит только договор [1]. При этом правового значения не имеет, добровольно ли учредитель управления заключает соответствующее соглашение или же обязанность по его заключению установлена законом. В любом случае правоотношения между учредителем управления и доверительным управляющим возникают лишь при заключении договора, фиксирующего права и обязанности управляющего, определяющего объём его

[1] Телюкина М. В. Основы конкурсного права. М.: Волтерс Клувер, 2004. С. 229; Беневоленская З. Э. Указ. соч.; Михеева Л. Ю. Доверительное управление имуществом. Комментарий законодательства // СПС «КонсультантПлюс». 2001. URL: https://clck.ru/3SD2RF (дата обращения: 02.03.2026); Дозорцев В. А. Указ. соч.

полномочий, правила представления отчётов, размер и форму вознаграждения и т. д.

В этой связи, не лишним будет упомянуть об абз. 3 п. 3 Указа Президента Российской Федерации от 22.12.1993 г. № 2264, принятого в период действия Закона 1992 г.: «…арбитражный управляющий действует на основе заключаемого с ним договора, определяющего формы и пределы его ответственности перед собственником и кредиторами предприятия-должника. Федеральное управление (*по делам о несостоятельности (банкротстве) при Государственном комитете Российской Федерации по управлению государственным имуществом* – прим. И. З.) заключает такой договор с арбитражным управляющим после назначения его арбитражным судом и с согласия кредиторов, выраженного решением их собрания»[1]. В настоящее время управляющий утверждается судебным актом арбитражного суда. Заключение договора, опосредующего отношения между арбитражным управляющим и иными субъектами отношений несостоятельности, не предусмотрено. Вознаграждение управляющего, порядок представления отчётов о его деятельности и основания его освобождения от исполнения обязанностей определены законом императивно.

Во-вторых, концепция договора доверительного управления имуществом, реализованная в главе 53 ГК РФ, исходит из того, что в управление передаётся именно имущество как объект гражданских прав (п. 1 ст. 1013 ГК РФ)[2]. В случае с арбитражным управлением объектом следует признать не определённый имущественный комплекс, а самого по себе несостоятельного (или предполагаемого несостоятельным) должника, формально-юридически являющегося не объектом, а субъектом гражданского права, которому может принадлежать определённое имущество[3].

---

[1]Указ Президента РФ от 22.12.1993 № 2264 «О мерах по реализации законодательных актов о несостоятельности (банкротстве) предприятий» // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1993. № 52. Ст. 2264.

[2]Дозорцев В. А. Указ. соч.

[3]См.: Тычинская Е. В. Договор о реализации функций единоличного исполнительного органа хозяйственного общества. М.: Статут, 2012. С. 79.

В-третьих, концепция доверительного управления не может быть признана справедливой для всех разновидностей арбитражного управления. Наибольшее соответствие обнаруживается в сравнении с внешним управлением, в рамках которого управляющий организует хозяйственную деятельность должника и распоряжается его имуществом для оздоровления предприятия. Однако в конкурсном производстве управляющий уже выполняет ликвидационно-распорядительные функции: формирует конкурсную массу и распределяет вырученные средства. В то же время в процедуре наблюдения его деятельность исчерпывается контрольными полномочиями, а не собственно управлением имуществом.

Таким образом, теория доверительного управления имеет ряд значимых недостатков, не позволяющих признать её состоятельность в качестве концептуальной основы для выявления правовой природы арбитражного управления в российском правопорядке.

На основании проведённого анализа следует заключить, что ни одна из описанных концепций правовой природы арбитражного управления не может быть признана достаточной и внутренне непротиворечивой. Некоторые теории не предлагают универсальный подход к правовой квалификации арбитражного управления в деле о банкротстве, будучи изначально ориентированными на характеристику лишь отдельных его разновидностей (например, теория руководителя). Другие концепции нельзя признать совместимыми с фундаментальными положениями российского законодательства, регулирующими отношения в сфере арбитражного управления (теория представительства кредиторов, теория представительства конкурсной массы, теория доверительного управления, «публичная» теория арбитражного управления). Наконец, остальные способны предложить убедительную правовую характеристику лишь отдельных сфер деятельности арбитражного управляющего (например, теория представительства должника), при этом игнорируя иные, не менее значимые области его компетенции.

В сложившихся условиях следует признать наличие объективной потребности в разработке и обосновании альтернативной концепции, исходящей из единства правовой природы различных видов арбитражного управления, и способной дать его исчерпывающую правовую квалификацию, которая охватывала бы все направления деятельности арбитражного управляющего при проведении процедур, применяемых в деле о банкротстве. Выполнение данной задачи может быть осуществлено с опорой на теоретические разработки, накопленные в ходе вышеописанной научной дискуссии.

Как отмечалось ранее, в российском правопорядке сформировались достаточные доктринальные и нормативные предпосылки для признания арбитражного управляющего в деле о банкротстве законным представителем должника. Однако это не раскрывает в полном объеме правовую природу арбитражного управления. Действительно, в силу положений действующего законодательства рассматриваемый субъект является законным представителем должника, уполномоченным совершать юридически значимые действия от имени должника в отношениях с третьими лицами. Однако это является лишь одним из направлений его деятельности. Другая сфера деятельности арбитражного управляющего связана с осуществлением руководства (контроля за) текущей деятельностью должника, а также с исполнением возложенных на него Законом о банкротстве обязанностей перед кредиторами и выходит за пределы собственно представительских отношений.

По нашему мнению, всесторонняя и полная юридическая характеристика правовой природы арбитражного управления требует применения методологического подхода, в соответствии с которым материальное правоотношение, возникающее по поводу осуществления арбитражным управляющим своей деятельности в деле о банкротстве, необходимо разделить на два уровня: внутренние и внешние отношения. Такой подход широко используется в научных исследованиях, предметом которых выступают частноправовые управленческие отношения, возникающие из договоров

доверительного управления имуществом[1], простого товарищества[2], договора о реализации функций единоличного исполнительного органа юридического лица[3], а также в исследованиях, посвящённых структуре корпоративных отношений[4].

Под внутренними отношениями, как правило, понимаются отношения, возникающие между управляемым и управляющим субъектами (например, между юридическим лицом и лицом, реализующим функции его исполнительного органа). В тех случаях, когда лицо, в интересах которого осуществляется управление, не тождественно управляемому субъекту, участником внутренних отношений становится также лицо, выступающее выгодоприобретателем от управленческой деятельности. Например, субъектами внутренних отношений доверительного управления имуществом могут выступать доверительный управляющий, учредитель доверительного управления и выгодоприобретатель. Внутренние отношения формирует взаимодействие его участников, которое может быть урегулировано на основании договора (например, обязательство из договора доверительного управления имуществом, договора простого товарищества), на основании устава (корпоративные правоотношения) или закона.

Внутренние отношения служат предпосылкой возникновения внешних отношений, формируют их основу. Под внешними отношениями, как правило, понимаются отношения указанных субъектов с третьими лицами, в рамках которых они совершают юридически значимые действия, порождающие изменение содержания связывающих их правоотношений. Так, лицо, осуществляющее функции единоличного исполнительного органа юридического лица, во внешних отношениях совершает юридические действия от имени

---

[1] Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (часть вторая) / под ред. О. М. Козырь, А. Л. Маковского, С. А. Хохлова. М.: МЦФЭР, 1996. С. 538; Беневоленская З. Э. Указ. соч.; Булыгин М. М. Доверительное управление имуществом в российском и зарубежном праве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2004. С. 20.

[2] Шершеневич Г. Ф. Учебник торгового права. 10-е изд. М.: Московское научное издательство, 1919. С. 129–133.

[3] Тычинская Е. В. Указ. соч. С. 10.

[4] Степанов Д. И. От субъекта ответственности к природе корпоративных отношений // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 1. С. 34–35; Гутников О. В. Содержание корпоративных отношений // Журнал российского права. 2023. № 1. С. 26–39; Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014. 454 с.

управляемого им юридического лица в качестве его представителя. Аналогичным образом участник простого товарищества, вступая во внешние отношения с третьими лицами, вправе совершать сделки от имени всех товарищей на основании договора простого товарищества либо выданной ему остальными товарищами доверенности, действуя в качестве их представителя.

Экстраполируя вышеизложенное на отношения, возникающие в ходе арбитражного управления, отметим следующее.

В рамках внутренних отношений арбитражный управляющий совершает юридические и фактические действия, направленные на руководство (контроль за) текущей деятельностью должника. Например, арбитражный управляющий действует во внутренних отношениях при проведении инвентаризации имущества должника; согласовании сделок и решений должника в процедурах финансового оздоровления и реструктуризации долгов гражданина; организации бухгалтерского, финансового и статистического учёта в процедурах внешнего управления и конкурсного производства; принятии мер, направленных на обеспечение сохранности имущества должника; осуществлении контроля за своевременным исполнением требований текущих кредиторов; обеспечении исполнения обязательств должника перед иными кредиторами и т. д. К сфере внутренних отношений стоит также отнести деятельность управляющего, направленную на исполнение возложенных на него обязанностей перед кредиторами. Так, арбитражный управляющий в силу положений Закона о банкротстве обязан представлять заключение о финансовом состоянии должника; созывать собрание кредиторов; разрабатывать и представлять план внешнего управления; представлять отчёты по итогам проведения процедуры несостоятельности (банкротства); осуществлять упорядоченное пропорциональное удовлетворение требований кредиторов из имущества должника.

Во внешних отношениях, как было установлено ранее, арбитражный управляющий вступает во взаимодействие с третьими лицами от имени должника, действуя в качестве его представителя.

В связи с вышеизложенным для решения вопроса о правовой природе арбитражного управления имеют значение следующие суждения.

Арбитражный управляющий при проведении процедур, применяемых в деле о банкротстве, осуществляет свою деятельность в качестве субъекта сложноструктурированного материального правоотношения, участником которого является он сам, должник и кредиторы.

В структуре данного правоотношения следует разграничивать внутренние и внешние отношения. К внутренним относятся отношения арбитражного управляющего с должником и его кредиторами, в рамках которых управляющий осуществляет деятельность по организации (контролю за) текущей деятельности должника в ходе производства по делу о банкротстве, а также исполняет возложенные на него Законом о банкротстве обязанности перед кредиторами. Внешние отношения складываются в тех случаях, когда арбитражный управляющий вступает во взаимодействие с третьими лицами от имени должника, действуя в качестве его законного представителя.

Поскольку нами установлено, что деятельность арбитражного управляющего во внешних отношениях представляет собой осуществление полномочий законного представителя должника, на следующем этапе необходимо уделить внимание правовой квалификации внутренних отношений арбитражного управляющего с должником и его кредиторами, что позволит установить место арбитражного управления в системе институтов российского права.

§ 2. Обязательственная теория арбитражного управления

Несмотря на высказанные в предшествующем параграфе тезисы, считаем необходимым дополнительно обосновать нашу позицию, согласно которой между арбитражным управляющим и иными субъектами отношений несостоятельности существуют самостоятельные правоотношения, а также выявить их правовую природу.

Как справедливо отмечает А. Г. Карапетов, в ряде случаев между участниками гражданского оборота складываются социальные взаимосвязи, в силу которых на основании закона, обычаев делового оборота или общих принципов права возникает правоотношение, налагающее на одно лицо обязанность определённого поведения в отношении другого, а на последнего – корреспондирующее право требовать соответствующего исполнения. Анализ структуры и содержания таких связей, включающих взаимные права и обязанности сторон, позволяет квалифицировать их в качестве обязательственных правоотношений. Отказ от обязательственной квалификации подобных отношений неизбежно ведёт к восприятию соответствующих обязанностей лишь как общих нормативных предписаний, аналогичных правилам дорожного движения или запрету на убийство и т. д.[1]

Закон о банкротстве возлагает на арбитражного управляющего обязанности действовать добросовестно и разумно в интересах должника, кредиторов и общества, принимать меры по сохранению имущества должника, вести реестр требований кредиторов, осуществлять мероприятия по выявлению, возврату и реализации активов должника, своевременно предоставлять достоверную информацию арбитражному суду и кредиторам и т. д. Этим обязанностям корреспондируют правомочия должника и его кредиторов требовать надлежащего исполнения арбитражным управляющим своих обязанностей, предоставления информации, соблюдения очерёдности удовлетворения требований и т. д. В то же время управляющий, в зависимости от конкретной процедуры, применяемой в деле о банкротстве, вправе распоряжаться имуществом должника, согласовывать заключение отдельных сделок, осуществлять защиту имущественных прав должника и его кредиторов, а также получать вознаграждение за проделанную работу и возмещение понесённых при этом расходов. Наличие взаимных прав и обязанностей у вышеуказанных субъектов необходимым образом предполагает

[1] Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2022. С. 178–179.

наличие правоотношения между ними, так как субъективное право немыслимо без корреспондирующей ему обязанности, оно, соответственно, немыслимо и вне правоотношения[1].

В связи с этим возникает вопрос об обязательственной природе такого правоотношения. Анализируя положения Федерального закона от 08.01.1998 г. № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [2] (далее – Закон 1998 г.), А. А. Дубинчин пришёл к выводу о том, что утвержденное в качестве арбитражного управляющего лицо вступает в гражданско-правовые отношения с должником и кредиторами, становясь стороной в обязательстве, в силу которого оно обязано совершать определённые действия по отношению к должнику, его имуществу и кредиторам, а также вправе требовать уплаты вознаграждения за арбитражное управление[3].

Отечественные исследователи всё чаще прибегают к обоснованию необходимости применения разного рода договорных конструкций для регулирования отношений, возникающих между арбитражным управляющим, должником и его кредиторами, таких как договор подряда[4], договор об оказании услуг[5]. Исходя из существа отношений, возникающих в сфере несостоятельности (банкротства), А. А. Павлов предлагает внедрить конструкцию договора управления чужими делами, которая может быть использована для оформления правоотношений по управлению в деле о банкротстве. Управление в банкротстве ученый рассматривает в качестве обязательственного правоотношения, основанием возникновения которого является возмездный договор управления

---

[1] Толстой Ю. К. К теории правоотношения. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1959. С. 68.

[2]Федеральный закон от 08.01.1998 г. № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 2. Ст. 222.

[3]Дубинчин А. А. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства) юридического лица: дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999. С. 132.

[4]Белых В. С. Правовые основы банкротства юридических лиц: учебное пособие. Екатеринбург: Издательство УрГЮА, 1996. С. 29; Теория и практика антикризисного управления: учебник для вузов / под ред. С. Г. Беляева и В. И. Кошкина. М.: Закон и Право, 1996. С. 63.

[5]Жаботинский М. В. Арбитражный управляющий как субъект гражданских правоотношений при банкротстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. С. 8.

чужими делами, который заключают арбитражный управляющий и несостоятельный должник [1].

В немецкой литературе господствующее мнение также склоняется в пользу того, что с момента назначения управляющего в деле о банкротстве между ним и участниками процедуры возникает обязательственное отношение в силу закона (*gesetzliches Schuldverhältnis*). В содержание такого обязательства входят «специфические для несостоятельности обязанности» (*Insolvenzspezifische Pflicht*), которые управляющий в деле о банкротстве несёт перед участниками процедуры. Оно связывает управляющего с уже участвующими в деле лицами. По мере присоединения других участников субъектный состав правоотношения увеличивается[2].

Особый интерес в этом отношении представляет Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ (далее – ВС РФ) от 26.08.2026 № 305-ЭС26-3930 по делу № А40-4457/2025[3]. Сформулированный в нём вывод опирается на ранее высказанные позиции о частноправовом встречном характере вознаграждения арбитражного управляющего и применении к нему правил о договоре возмездного оказания услуг (п. 19 Тематического обзора ВС РФ Российской Федерации № 5/2026 [4], п. 18 Обзора судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2024 год[5]). При этом предмет такого договора определяется объёмом и содержанием деятельности управляющего, установленными Законом о банкротстве (п. 23 Обзора судебной

---

[1] Павлов А. А. Договор управления чужими делами по российскому гражданскому праву: дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2020. С. 149–152.

[2] AltmeyerN. Op. cit. S. 132–146; BrunsA., ThönissenS. HaftungdesInsolvenzverwaltersfürhinzugezogenenRechtsanwalt // ZeitschriftfürInsolvenzrecht. 2017. № 78. S. 236–250; Hoppe N. Rechtsgeschäfte der Gläubigerversammlung und des Gläubigerausschusses. Berlin: Duncker & Humblot, 2018. S. 17–18.

[3] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 26.08.2026 № 305-ЭС26-3930 по делу № А40-4457/2025 // СПС «Гарант». URL: https://clck.ru/3ViFDF (дата обращения: 26.08.2026).

[4] Тематический обзор ВС РФ № 5/2026. О судебной практике разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2025 год // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.ru/3ViFKj (дата обращения: 26.08.2026).

[5] Обзор судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2024 год // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.ru/3ViFQp (дата обращения: 26.08.2026).

практики по вопросам участия арбитражного управляющего в деле о банкротстве[1]). Развивая указанный подход, ВС РФ признаёт гражданско-правовой договорный характер отношений между арбитражным управляющим, с одной стороны, и должником и его кредиторами – с другой.

Представляется, что для получения научно обоснованного ответа на поставленный выше вопрос необходимо, прежде всего, сопоставить признаки рассматриваемого правоотношения с признаками обязательства.

Учитывая степень разработанности вопроса о признаках обязательства в цивилистической доктрине, считаем избыточным останавливаться на детальном анализе всех существующих концепций. Для целей данного исследования оправданно оперировать традиционными представлениями о признаках обязательства, сложившимися в отечественной науке гражданского права. При этом в рамках настоящего исследования в целях обеспечения методологической ясности будет использовано широкое понимание обязательства как обязательственного правоотношения, вмещающего в себя всю совокупность прав и обязанностей его сторон[2]. Такой подход позволит дать общую характеристику правовой природы правоотношения, складывающегося между арбитражным управляющим, должником и его кредиторами, с учётом особенностей его содержания и структуры, а также установить соответствие данного правоотношения признакам обязательства.

1. Обязательство принято характеризовать как **личное отношение**. Сущность данного признака была лаконично раскрыта И. А. Покровским, который указал следующее: «Если вещные права представляют собой формы

---

[1] Обзор судебной практики по вопросам участия арбитражного управляющего в деле о банкротстве // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.su/ncqFo (дата обращения: 31.05.2026).

[2] Хохлов В. А. Общие положения об обязательствах: учебное пособие. М.: Статут, 2015. 286 с.; Егоров А. В. Многозначность понятия обязательства: практический аспект // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2011. № 4. С. 23–42; Громов А. А. Временные пределы обязательственных правоотношений // Вестник гражданского права. 2025. № 5. С. 52–116; Гражданское право: учебник в 4 т. Т. III: Общие положения об обязательствах и договорах. Договорные обязательства по передаче вещей в собственность или в пользование / отв. ред. Е. А. Суханов. 3-е изд. перераб. и доп. М.: Статут, 2023. С. 35.

юридических отношений лиц к вещам, то обязательство является формой юридических, частноправовых отношений лиц к лицам»[1]. Личный характер обязательственного отношения означает состояние связанности должника в отношении кредитора, который в этом смысле получает господство над его поведением[2]. Такая связанность представляет собой более тесные отношения нежели те, содержание которых составляют обязанности в силу общей нормы закона, такие как обязанность воздерживаться от посягательства на чужую жизнь, здоровье, свободу и т. д.

2. Обязательство представляет собой **относительное правоотношение**. Сказанное означает, что каждая сторона правоотношения имеет права и обязанности строго относительно друг друга[3]. Н. В. Тололаева отметила, что содержание рассматриваемого признака может быть сведено к трем следующим положениям: 1) обязательство не может создавать права для лиц, не участвующих в нём в качестве сторон; 2) обязательство не может создавать обязанности для лиц, не участвующих в нём в качестве сторон; 3) возражения, вытекающие из обязательства, не могут быть противопоставлены притязаниям лица, в нём не участвующего[4]. Исключения из принципа относительности могут быть установлены законом, иными правовыми актами, а также соглашением сторон.

3. Существенным признаком обязательства является его **цель (направленность)**, поскольку именно цели существования обязательства определяют его элементы и структуру[5]. По мнению Г. Дернбурга, целью обязательства выступает создание определённых экономических последствий, будь то перенесение права собственности на телесные вещи, передача таких

---

[1]Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. С. 234.
[2]Гражданское право: учебник в 4 т. Т. III / отв. ред. Е. А. Суханов. С. 27.
[3]Там же. С. 111.
[4]Громов А. А., Тололаева Н. В. Обязательственное и договорное право: курс лекций. М.: Статут, 2025. С. 25.
[5]Кулаков В. В. Сложные обязательства в гражданском праве: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 25.

вещей в пользование, оказание услуг или, наконец, предоставление иных выгод[1]. В свою очередь, В. В. Кулаков справедливо указывает, что перемещение имущества или иных результатов труда характеризует, скорее, направленность обязательства, нежели его цель, поскольку целеполагание традиционно рассматривается как свойство человеческой деятельности[2]. Истоки такого понимания восходят к советской цивилистической доктрине, в частности, О. С. Иоффе рассматривал перемещение имущества и иных благ как экономическую функцию обязательства, но не его цель[3]. Описанный подход предполагает субъективное понимание цели обязательства. В основе любого субъективного права, отмечает В. В. Кулаков, лежит интерес как форма проявления потребности, удовлетворение которой обеспечивается посредством осознания и определения целей деятельности. Именно наличие потребности в определённом благе побуждает субъектов вступать в обязательственные правоотношения[4]. Следовательно, цель обязательства (в смысле ожидаемого сторонами при вступлении в обязательство результата) состоит в удовлетворении интереса, ради которого лицо вступает в соответствующее правоотношение. Данный подход разделялся и исследователями советского периода[5].

4. Обязательства являются разновидностью **имущественных гражданских правоотношений**. Отечественная доктрина традиционно исходит из представления, согласно которому обязательство опосредует процесс перемещения имущества или результатов труда, носящих имущественный характер, поэтому оно является отношением имущественным. А. Г. Гойхбарг полагал, что имущественный характер обязательства определяется наличием возможности свести неисполнение к денежному эквиваленту – взысканию

---

[1] Дернбург Г. Пандекты. Т. 2: Обязательственное право. Вып. 3 / перевод под рук. и ред. П. Соколовского; пересм. и согл. с 7 изд. подлинника А. Э. Вормсом, И. И. Вульфертом. М., 1911. С. 1.

[2] Кулаков В. В. Указ. соч. С. 44.

[3] Иоффе О. С. Обязательственное право. М.: Юридическая литература, 1975. С. 4.

[4] Кулаков В. В. Указ. соч. С. 44-45.

[5] Новицкий И. Б., Лунц Л. А. Общее учение об обязательстве. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1950. С. 62.

убытков [1] . Несмотря на широкое признание имущественного характера обязательства, в юридической литературе неоднократно предпринимались попытки поставить под сомнение абсолютность этого критерия. Ещё И. А. Покровский допускал существование обязательств, направленных на совершение действий сугубо неимущественного содержания [2] . Ключевое возражение против признания неимущественных обязательств сводится к тому, что их юридическая сила, а, следовательно, и само существование обязательственного отношения, зависят от имущественного обеспечения – взыскания убытков, неустойки, компенсации расходов. Если такие механизмы отсутствуют, то не формируется и обязательство в строгом юридическом смысле[3].

5. Обязательственное правоотношение характеризуется **особенным содержанием**. Содержание обязательства образуют принадлежащее кредитору субъективное право и лежащая на конкретных лицах обязанность. В отличие от других правоотношений, правомочие здесь облекается в форму права требования, обязанность в форму долга[4]. В силу обязательства кредитор приобретает право на действие (бездействие) со стороны должника, а удовлетворение интересов кредитора осуществляется за счёт поведения должника, т. е. за счёт чужих действий. Помимо принадлежащего кредитору в обязательственном правоотношении правомочия требования определённого поведения со стороны должника, субъективное обязательственное право включает также возможность его обладателя получить и присвоить результат исполнения [5] . Обязанности должника сводятся к совершению положительных (передать имущество, выполнить работу, оказать услугу и т. д.) или отрицательных (воздержаться от чего-либо) действий и образуют предмет обязательства.

---

[1] Гойхбарг А. Г. Хозяйственное право РСФСР. 3-е изд., испр. и доп. М.: Государственное издательство, 1924. С. 146 (цит. по: Агарков М. М. Указ. соч. С. 217–218).
[2] Покровский И. А. Указ. соч. С. 132.
[3] Иоффе О. С. Указ. соч. С. 15.
[4] Там же. С. 14.
[5] Белов В. А. Гражданское право. В 4 т. Т. IV. Особенная часть. Относительные гражданско-правовые формы. В 2 кн. Книга 1. Обязательства: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2016. С. 31.

Особенность **предмета** обязательственного правоотношения заключается в предъявляемом к нему требовании определённости. Согласно п. 1 ст. 307 ГК РФ, должник обязан совершить в пользу кредитора определённое действие, либо воздержаться от такового. Как указывает В. А. Белов, требование определённости предмета обязательственного правоотношения обусловлено необходимостью установления границ господства кредитора над поведением должника[1]. Степень определённости предмета обязательства может зависеть от его конкретного вида, что, в свою очередь, обусловлено интересами, для удовлетворения которых участники оборота вступают в обязательственную связь.

В ряде случаев отсутствие в правовом основании возникновения обязательства конкретных условий, позволяющих с достаточной ясностью установить его предмет, не препятствует возникновению обязательственной связи между сторонами, поскольку соответствующий пробел может быть восполнен за счёт применения диспозитивных норм, принципов права и иных средств. При этом, как отмечает А. Г. Карапетов, нередко закон, обычаи, принципы права или условия сделки могут создавать обязанности с очень неопределённым *exante* содержанием, что не мешает правовой системе признавать такие обязанности, если существует механизм конкретизации *expost*. Речь идёт о случаях, когда к поведению должника предъявляются требования оценочного характера ввиду того, что на момент возникновения обязательственного правоотношения невозможно определить конкретный набор действий, которые должен совершать должник для достижения целей обязательства[2].

Приведённые положения заложены в основу современного представления о том, что для признания за обязательством юридической силы необходимо, чтобы действие (воздержание от действия), подлежащее требованию (совершению) в

---

[1] Там же. С. 48.

[2] Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: Статут, 2020. С. 76.

соответствии с содержанием обязательства, было абсолютно определённым или, по крайней мере, определимым с достаточной степенью ясности[1].

6. **Темпоральность** также выступает одним из признаков обязательства. Сказанное означает, что они рассчитаны на сравнительно короткий период существования. Это положение позволяет отграничивать обязательства от иных правоотношений, в частности, в отличие от абсолютных, а также относительных связей между сособственниками или обладателями исключительных прав, которые по самой своей природе являются длительными или даже бессрочными[2].

7. Необходимым индивидуализирующим признаком каждого обязательства, определяющим его характер, является **основание его возникновения**. Возможные основания возникновения гражданско-правовых обязательств определены в п. 2 ст. 307 ГК РФ. Так, обязательства возникают из договоров и других сделок, вследствие причинения вреда, вследствие неосновательного обогащения и других оснований, предусмотренных ГК РФ. Господствующая в отечественной цивилистике позиция склоняется к тому, что такой подход законодателя означает признание принципиальной возможности возникновения обязательств из юридических фактов, перечисленных в ст. 8 ГК РФ[3]. Важно отметить, что и сама ст. 8 ГК РФ оставляет перечень гражданско-правовых юридических фактов открытым, указывая, что гражданские права и обязанности возникают не только из действий субъектов (как правомерных, так и неправомерных), но и из событий, с которыми закон связывает наступление гражданско-правовых последствий.

8. Наконец, неотъемлемым признаком обязательства, позволяющим отличить его от иных общественных отношений, выступает наличие

---

[1]Белов В. А. Гражданское право. В 4 т. Т. IV. С. 48; Громов А. А., Тололаева Н. В. Указ. соч. С. 33.

[2]Кулаков В. В. Указ. соч. С. 61

[3]Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части первой (постатейный) / отв. ред. О. Н. Садиков. Изд. 3-е, испр., доп. и перераб. с использованием судебно-арбитражной практики. М.: ИНФРА-М, 2008. С. 329; Рожкова М. А. К вопросу об обязательствах и основаниях их возникновения // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2001. № 6. С 80; Исполнение и прекращение обязательства…. С. 171.

юридической санкции. И. Б. Новицкий подчёркивал, что граница между обязательством в юридическом смысле и отношениями, не порождающими обязательственных последствий, проходит по линии возможности применения мер государственного принуждения в случае неисполнения должником возложенной на него обязанности[1]. Иначе говоря, только те отношения могут быть признаны обязательствами, в которых право кредитора не просто корреспондирует обязанности должника, но и обеспечено реальной возможностью использования государственного аппарата принуждения в случае нарушения обязанности. Эта мысль получает развёрнутое теоретическое обоснование в работах О. С. Иоффе, который рассматривал санкцию в качестве конкретных мер, применяемых к нарушителю для обеспечения исполнения обязательства либо устранения последствий его нарушения. По справедливому замечанию учёного, обязательство «перестаёт быть обязательством», если лишено санкции[2].

Приведённая система признаков образует методологическую основу для разграничения обязательственных и иных относительных гражданских правоотношений. В связи с этим представляется целесообразным её применение при анализе правоотношений, складывающихся между арбитражным управляющим, должником и кредиторами.

Во-первых, с момента назначения арбитражного управляющего между ним и другими участниками процедуры возникает правовая связь, в силу чего поведение управляющего в известной степени оказывается подчинённым воле таких лиц. Это господство обеспечивается гражданско-правовой ответственностью управляющего в случае нарушения им своих обязанностей (абз. 1 п. 4 ст. 20.4 Закона о банкротстве), что указывает на **личный характер** соответствующих отношений.

Во-вторых, по нашему мнению, деятельность арбитражного управляющего в деле о банкротстве составляет объект (предмет) самостоятельного

---

[1]Новицкий И. Б., Лунц Л. А. Указ. соч. С. 65–70.
[2]Иоффе О. С. Указ. соч. С. 15–16.

правоотношения, участниками которого является строго определённый круг субъектов: арбитражный управляющий, должник и его кредиторы.

В зависимости от процедуры, применяемой в деле о банкротстве, арбитражный управляющий наделяется разным объёмом **правомочий в отношении должника**. В процедурах наблюдения, финансового оздоровления и реструктуризации долгов гражданина арбитражный управляющий реализует правомочия по даче должнику обязательных указаний; согласованию сделок, совершаемых руководителями должника от его имени; требованию предоставления информации о деятельности должника. Ввиду наличия у арбитражного управляющего права на оспаривание сделок, он может оказывать влияние на сложившиеся между должником и его контрагентами правоотношения. Таким образом, предоставленные арбитражному управляющему правомочия, равно как и вся его деятельность в указанных процедурах, направлены на осуществление контроля за текущей деятельностью должника, организация которой до момента отстранения руководителей должника продолжает оставаться обязанностью последних.

В процедурах внешнего управления и конкурсного производства управляющий оказывает непосредственное воздействие на имущественную сферу должника через отказ от исполнения договоров и иных сделок должника; оспаривание сделок, совершённых должником; распоряжение имуществом должника в других формах. В ранее упомянутых процедурах несостоятельности арбитражный управляющий осуществляет руководство текущей деятельностью должника, замещая его отстраненных руководителей.

Должник, выступая непосредственным объектом управленческого воздействия, подчиняется указаниям арбитражного управляющего в части совершения (воздержания от совершения) определённых действий, а также претерпевать правовые последствия совершаемых с его имуществом действий. Кроме того, арбитражный управляющий вправе требовать от должника выплаты вознаграждения и возмещения в полном объёме расходов, фактически

понесённых им при исполнении возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве.

С другой стороны, арбитражный управляющий в силу предписаний Закона о банкротстве несёт ряд обязанностей, исполнения которых **вправе требовать должник**: сохранять конфиденциальность сведений, в том числе составляющих служебную или коммерческую тайну, ставших известными арбитражному управляющему в ходе его деятельности (п. 3 ст. 20.3 Закона о банкротстве); обеспечивать сохранение имущества, принадлежащего должнику; заявлять возражения против необоснованно предъявленных к должнику требований кредиторов и т. д.

В свою очередь, **кредиторы**, удовлетворение законных интересов которых прямо обусловлено надлежащим исполнением арбитражным управляющим возложенных на него обязанностей, наделяются комплексом правомочий, позволяющих осуществлять постоянный и целенаправленный контроль за его деятельностью. Отечественное законодательство о несостоятельности (банкротстве) исходит из приоритетной охраны интересов кредиторов в деле о банкротстве. В этой связи принятие наиболее значимых стратегических решений, касающихся порядка организации деятельности должника, способов распоряжения его имуществом, вне зависимости от вида процедуры, применяемой в деле о банкротстве, прямо отнесено к компетенции органов кредиторского сообщества. Именно эти решения определяют программу действий управляющего, придавая его деятельности форму исполнения властных, хотя и частноправовых по своей природе, указаний.

Системообразующее значение для построения модели правового регулирования несостоятельности (банкротства) имеет законный интерес кредиторов, заключающийся в удовлетворении их материально-правовых требований перед должником. Обеспечению удовлетворения данного интереса служат возложенные на арбитражного управляющего обязанности по контролю за совершением должником действий, направленных на удовлетворение требований кредиторов, или самостоятельному совершению соответствующих действий. В

свою очередь, кредиторы вправе требовать от арбитражного управляющего исполнения указанных обязанностей, а в случае их неисполнения или ненадлежащего исполнения – признания его действий незаконными, отстранения управляющего или привлечения его к предусмотренной законом ответственности.

Следует подчеркнуть, что кредиторы в рамках производства по делу о банкротстве не осуществляют свои права индивидуально, а действуют через специально создаваемые органы коллективного волеизъявления. Множественность кредиторов должника неизбежно порождает конкуренцию их требований и, соответственно, конфликт интересов между ними. Отношения множества кредиторов одного должника нередко характеризуются как *bellum omnium contra omnes*, поскольку их интересы объективно противопоставлены друг другу[1].

Для преодоления ранее указанного «конфликта» посредством эффективного и консолидированного управления процедурой банкротства законодателем институционализировано принудительное объединение кредиторов в рамках гражданско-правового сообщества собрания кредиторов (ст. 12 Закона о банкротстве). Именно этому органу делегируется принятие ключевых решений, определяющих развитие дела о банкротстве. Как справедливо отмечает Н. Альтмейер, полномочия собрания кредиторов очерчивают границу автономии управляющего в деле о банкротстве, поскольку управляющий должен учитывать обязательный характер соответствующих решений в рамках их внутренних отношений[2].

Некоторые решения, отнесённые к компетенции собрания кредиторов, могут рассматриваться в качестве гражданско-правовых правомочий по контролю за арбитражным управляющим в рамках исследуемого правоотношения. Так, собрание кредиторов вправе требовать от арбитражного управляющего

---

[1] Карелина С. А., Фролов И. В. Кредиторы в отношениях несостоятельности (банкротства): особенности правового статуса и система классификации // Правовое воздействие на экономику: методы, результаты, перспективы: монография / отв. ред. В. А. Вайпан, М. А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2018. С. 218–228.

[2] AltmeyerN. Op. cit. S. 81.

предоставления отчётов о его деятельности, информации о финансовом состоянии должника и его имуществе, а также иной информации (ст. 117, ст. 143, п. 8 ст. 213.9, п. 5 ст. 213.12 Закона о банкротстве). Кроме того, собрание кредиторов вправе обязать управляющего осуществлять реализацию имущества должника в соответствии с порядком, разработанным и утверждённым самим собранием. Таким образом, деятельность арбитражного управляющего во многом детерминируется волей кредиторского сообщества, выраженной в решениях собрания кредиторов, что отражает специфику механизма влияния собрания кредиторов на волю управляющего. В тех случаях, когда управляющий уклоняется от исполнения решений собрания кредиторов или действует в противоречии с ними, кредиторы вправе оспорить его действия (бездействие) в порядке ст. 60 Закона о банкротстве, понуждая его тем самым к надлежащему исполнению обязанностей. Более того, кредиторы вправе поставить перед арбитражным судом вопросы об отстранении управляющего либо о привлечении его к гражданско-правовой ответственности в форме возмещения убытков.

При этом, состав объединения кредиторов является строго определённым на каждый момент времени в ходе производства по делу и включает лиц, имеющих материально-правовые требования к должнику.

По мнению Е. Д. Суворова, участником правоотношения «должник–арбитражный управляющий–кредиторы» может являться исключительно кредитор, чьё требование установлено в предусмотренном Законом о банкротстве порядке. Отсутствие же такового либо последующее исключение кредитора из реестра препятствуют участию в рассматриваемом правоотношении. Как указывает ученый, «утрата обязательственного требования кредитором к должнику влечёт утрату права внутри юридической общности и, как следствие, утрату отношения и прав к управляющему. Правопреемство в обязательственном отношении с должником должно влечь правопреемство в отношении юридической общности и в отношениях с управляющим»[1].

[1]Суворов Е. Д. Указ. соч. С. 237.

По нашему мнению, круг лиц, составляющих сообщество кредиторов, не ограничивается субъектами, чьи требования включены в реестр требований кредиторов. Так, согласно абз. 7 ст. 2 Закона о банкротстве под кредиторами понимаются лица, имеющие по отношению к должнику права требования по денежным обязательствам, об уплате обязательных платежей, о выплате выходных пособий и об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору. Помимо лиц, чьи требования подлежат включению в реестр требований кредиторов, указанным признакам соответствуют и иные субъекты, в частности, кредиторы по текущим платежам (п. 2 ст. 5 Закона о банкротстве); кредиторы и иные лица, которым ранее было передано имущество или перед которыми должник исполнял обязательства или обязанности по сделке, признанной недействительной, при условии возврата в конкурсную массу полученного по недействительной сделке (п. 2 ст. 61.6 Закона о банкротстве); участники (учредители) организации-должника, собственник имущества должника – унитарного предприятия (п. 1 ст. 148 Закона о банкротстве); конкурсные кредиторы и (или) уполномоченные органы, предъявившие свои требования к должнику после закрытия реестра требований кредиторов (п. 4 ст. 142, п. 11 ст. 189.96 Закона о банкротстве)[1]; лицо, привлечённое к субсидиарной ответственности (п. 3 ст. 61.15 Закона о банкротстве).

Несмотря на то, что требования названных лиц не подлежат включению в реестр требований кредиторов, а сами эти лица не обладают правом участия в принятии решений собранием кредиторов, они выступают субъектами отношений несостоятельности, имущественные интересы которых охраняются нормами Закона о банкротстве. Наличие у них материально-правовых требований к должнику в сочетании с предусмотренным Законом о банкротстве механизмом их удовлетворения в специальном порядке позволяет сделать вывод о том, что указанные субъекты по своему правовому положению относятся к числу

[1] Несостоятельность (банкротство): учебный курс. В 2 т. / под ред. д. ю. н., проф. С. А. Карелиной. Т. 1. М.: Статут, 2019. С. 296–305.

участников сообщества кредиторов, в интересах которых арбитражный управляющий обязан осуществлять свою деятельность.

Учитывая вышеуказанные соображения, необходимо отметить, что арбитражный управляющий, имея собственный интерес, заключающийся в получении вознаграждения за осуществляемую им деятельность, при совершении любых фактических и юридических действий, обязан ориентироваться на интересы должника и его кредиторов, а умаление этих интересов означает ненадлежащее исполнение обязанностей. При этом круг лиц, в отношении которых у арбитражного управляющего возникают права и обязанности, не является произвольным, но на каждый момент производства по делу о банкротстве остаётся строго определённым. Он ограничен должником, а также лицами, которые в соответствии с законодательством о несостоятельности (банкротстве) признаются кредиторами должника. Таким образом, данное правоотношение имеет **относительный** характер.

В-третьих, описанные ранее права и обязанности арбитражного управляющего, должника и его кредиторов включены в содержание рассматриваемого правоотношения, но не исчерпывают их. Можно заметить, что Закон о банкротстве предписывает арбитражному управляющему совершать как юридические действия (например, оспаривать сделки должника), так и действия чисто фактического характера (например, ведение бухгалтерского, финансового, статистического учёта должника, организация охраны имущества должника и т. д.).

Как было отмечено ранее, обязательство возникает по поводу совершения должником определённых либо, в крайнем случае, поддающихся определению действий, составляющих предмет обязательственного отношения. Закон о банкротстве возлагает на арбитражного управляющего ряд обязанностей, содержание которых строго конкретизировано. К их числу можно отнести обязанность представлять отчёт о результатах деятельности в процедуре банкротства; предоставлять собранию кредиторов информацию о сделках и действиях, которые влекут или могут повлечь за собой гражданскую

ответственность третьих лиц; проводить инвентаризацию; вести бухгалтерский, финансовый, статистический учёт и отчётность должника; удовлетворять требования кредиторов из имущества должника в соответствии с предусмотренной законом очерёдностью и т. д. Наряду с этим, арбитражный управляющий несёт обязанности с менее определённым содержанием, например, принимать меры по защите имущества должника; разумно и обоснованно осуществлять расходы, связанные с исполнением возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве; действовать добросовестно и разумно в интересах должника, кредиторов и общества и т. д.

Возложение на арбитражного управляющего обязанностей с крайне неопределённым содержанием, как было указано ранее, не противоречит концепции предмета обязательственного правоотношения, поскольку российское законодательство допускает их существование. Подобная модель характерна, например, для отношений сторон договора доверительного управления, договора поручения, агентского договора, а также обязательственных отношений между юридическим лицом и лицом, выполняющим функции его единоличного исполнительного органа. Надлежащий характер исполнения в данных отношениях определяется не только фактом совершения конкретных действий, предусмотренных условиями договора, требованиями закона или иного правового акта, но и соответствием поведения абстрактно сформулированным обязанностям действовать добросовестно и разумно.

Поскольку деятельность арбитражного управляющего вне зависимости от процедуры, применяемой в деле о банкротстве, направлена на создание необходимых условий для наиболее полного удовлетворения требований кредиторов посредством приращения имущества должника, он должен совершать разумно необходимые в сложившейся обстановке действия для получения должником имущественных выгод, освобождения должника от имеющегося у него имущественного бремени и предотвращения возникновения такого бремени в будущем.

Таким образом, предмет исследуемого обязательственного отношения составляют как конкретные действия арбитражного управляющего, абсолютно определённо сформулированные в Законе о банкротстве, так и иные действия, направленные на добросовестное и разумное проведение процедуры, применяемой в деле о банкротстве. **Содержание** исследуемого относительного правоотношения, таким образом, составляетсовокупность прав и корреспондирующим им обязанностей его участников.

В–четвертых, исследуемое правоотношение характеризуется **наличием санкции** в виде взыскания убытков за неисполнение (ненадлежащее исполнение) арбитражным управляющим своих обязанностей (абз. 1 п. 4 ст. 20.4 Закона о банкротстве), что указывает также и на его имущественный характер.

В-пятых, обязательственная квалификация рассматриваемого правоотношения согласуется и с его **временным характером**: оно возникает с момента вынесения судом определения об утверждении арбитражного управляющего и существует, по общему правилу, до момента завершения процедуры, для проведения которой был утверждён арбитражный управляющий. В ряде случаев арбитражный управляющий может быть также привлечён к исполнению определённых обязанностей в иной процедуре, применяемой в деле о банкротстве (абз. 3 п. 3 ст. 75 Закона о банкротстве). Досрочное прекращение соответствующих правоотношений возможно на основании судебного акта об отстранении арбитражного управляющего или освобождении его от исполнения обязанностей по его ходатайству.

Как следствие, можно утверждать, что установленное в рамках рассматриваемого правоотношения частноправовое господство одних его участников над другими имеет чёткие временные границы.

В-шестых, относительное правоотношение между арбитражным управляющим, должником и кредиторами возникает с момента назначения арбитражного управляющего определением арбитражного суда.

Механизм назначения арбитражного управляющего носит дифференцированный характер: порядок выдвижения и утверждения

соответствующей кандидатуры варьируется в зависимости от различных обстоятельств. Во всяком случае действующее законодательство не предполагает заключения с арбитражным управляющим договора, опосредующего его деятельность в деле о банкротстве.

Delegelata возникновение прав и обязанностей арбитражного управляющего связывается с моментом вынесения арбитражным судом судебного акта о введении соответствующей процедуры, применяемой в деле о банкротстве, или отдельного определения об утверждении арбитражного управляющего (п. 1 ст. 20.3, ст. 45, 46, 47 Закона о банкротстве). С указанного момента должник и его кредиторы приобретают определённый объём прав и обязанностей по отношению к арбитражному управляющему, в результате чего между ними формируется относительное правоотношение. Тем самым **основанием возникновения** данного правоотношения следует признавать соответствующий судебный акт как юридический факт, его порождающий.

То обстоятельство, что основанием правоотношения в данном случае является не соглашение должника, арбитражного управляющего и кредиторов, а иной юридический факт, не исключает его обязательственную природу. Как отмечалось ранее, действующее гражданское законодательство исходит из многообразия оснований возникновения обязательств и не ограничивает таковые исключительно договором (п. 2 ст. 307 ГК РФ). К ним, в частности, относится и судебное решение (пп. 3 п. 1 ст. 8 ГК РФ).

В соответствии с нормами действующего процессуального законодательства под судебным решением понимается судебное постановление суда первой инстанции, которым дело разрешается по существу (ст. 13, гл. 16 ГПК РФ, ст. 15, гл. 20 АПК РФ). Такое понимание согласуется с традиционно разделяемой в доктрине процессуального права точкой зрения[1]. Независимо от конкретного доктринального подхода понятие «судебное решение» связывается с результатом всей процессуальной деятельности по рассмотрению и разрешению

[1]Осокина Г. Л. Гражданский процесс: Особенная часть. М.: Норма, 2007. С. 225; Сахнова Т. В. Указ. соч. С. 460.

гражданского дела. Расхождения между точками зрения отдельных исследователей детерминировано различием в занимаемой позиции относительно сущности судебного решения. В результате длительных дискуссий в российском процессуальном праве сформировалось три основных подхода к решению данного вопроса.

По мнению сторонников теории подтверждения (деклараторная теория), орган правосудия посредством судебного решения лишь подтверждает наличие или отсутствие спорного правоотношения или спорных юридических фактов. Правовое воздействие на стороны спорного правоотношения оказывает не судебное решение, а норма материального права, действие которой подтверждает суд (А. Ф. Клейнман[1], К. С. Юдельсон[2]). Согласно теории приказа, судебное решение представляет собой приказ суда, который обращён к сторонам и всем иным лицам, в том числе ко всем государственным органам, должностным лицам и другим гражданам, которые не являлись участниками процесса (С. Н. Абрамов[3]). Наибольшую поддержку в процессуальной науке получила точка зрения, согласно которой судебное решение является одновременно актом подтверждения права и приказом, обязывающим стороны и иных лиц сообразовывать свои действия с судебным решением (Н. Б. Зейдер[4], Г. Л. Осокина[5], Д. И. Полумордвинов[6]).

Принципиальные различия между указанными концепциями проявляются, в частности, в ответе на вопрос о том, может ли судебное решение рассматриваться в качестве источника правил поведения, то есть порождает ли суд, вынося решение, новые субъективные права и обязанности. В рамках теории подтверждения, как отмечал М. А. Гурвич, решение суда не создаёт

---

[1]Клейнман А. Ф. Советский гражданский процесс. М.: Издательство Московского университета, 1954. С. 243.

[2]Юдельсон К. С. Избранные труды 40-х годов XX века: сборник научных трудов / ред.-сост. В. В. Ярков. М.: Статут, 2024. С. 78.

[3]Абрамов С. Н. Судебное решение. М.: Юриздат, 1940. С. 7.

[4]Зейдер Н. Б. Судебное решение по гражданскому делу. М.: Юридическая литература, 1966. С. 16–18.

[5]Осокина Г. Л. Гражданский процесс…. С. 226.

[6]Полумордвинов Д. И. Законная сила судебного решения. Тбилиси: Издательство Академии наук Грузинской ССР, 1964. С. 15.

материальных прав и обязанностей для сторон, но служит лишь властным подтверждением судом спорного права[1]. В противоположность этому иные теоретические подходы исходят из того, что судебное решение представляет собой акт индивидуального правового регулирования и одновременно юридический факт, влекущий возникновение, изменение или прекращение субъективных прав и юридических обязанностей[2]. Последняя точка зрения и получила полноценное признание в норме ст. 8 ГК РФ.

В российской науке гражданского права единогласно поддерживается позиция, в соответствии с которой под «судебным решением» в данной норме понимаются не только собственно судебные решения в том узком смысле, в котором данное понятие используется в процессуальном законодательстве, но любой судебный акт, устанавливающий гражданские права и обязанности[3]. В свою очередь, основанием возникновения обязательства может выступать любой судебный акт (в том числе и определение арбитражного суда), способный порождать обязательства определённого вида, не существовавшие ранее. В частности, А. Г. Карапетов отмечает, что на основании судебного акта возникают обязательства по уплате судебной неустойки на случай неисполнения судебного решения или обязательство по реституции полученного по эффективно аннулированной судом оспоримой сделке[4].

В-седьмых, вне всяких сомнений данное правоотношение **направлено на удовлетворение интересов** его участников, однако содержание таких интересов следует охарактеризоватьсовершенно особенным образом. Их специфику удачно описала С. А. Карелина, отметив, что они являются порождением отношений банкротства, имущественных по своей природе. По мнению автора, если интерес

---

[1]Гурвич М. А. Избранные труды. Т. 1. Краснодар: Советская Кубань, 2006. С. 343–345, 349–351.
[2]Ярков В. В. Юридические факты в цивилистическом процессе. М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 53.
[3]Основные положения гражданского права…. С. 513–514; Рожкова М. А. Судебный акт и динамика обязательств. М.: Статут, 2003. С. 12; Рожкова М. А. Понятие судебного решения в контексте статьи 8 ГК РФ // Хозяйство и право. 2002. № 6. С. 53–65; Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части первой (постатейный).
[4]Исполнение и прекращение обязательства…. С. 196.

участника отношений несостоятельности, основанный на его потребности, опосредован нормой права или каким-либо правовым средством, данный интерес должен быть признан в качестве законного интереса, признаваемого в рамках института несостоятельности (банкротства)[1].

Безусловно справедливым следует признать утверждение о том, что законный интерес арбитражного управляющего в отношениях несостоятельности (банкротства) в полной мере охватывается получением предусмотренного законом вознаграждения за надлежащее исполнение возложенных на него обязанностей [2] . Реализация иных интересов арбитражного управляющего исключается указанием п. 4 ст. 20.3 Закона о банкротстве, обязывающего арбитражного управляющего при проведении процедуры, применяемой в деле о банкротстве, действовать добросовестно и разумно в интересах должника, кредиторов и общества.

Данная норма даёт ряду исследователей основание утверждать, что деятельности арбитражного управляющего характерно особое свойство – многонаправленность, ориентированность на обеспечение триединого интереса: он должен в равной мере учитывать интересы должника, кредиторов и общества (п. 4 ст. 20.3 Закона о банкротстве). Отмечается, что деятельность управляющего в механизме несостоятельности подчинена не конкретным частным интересам участников дела о банкротстве, но необходимости обеспечения баланса этих интересов[3].

Основание для критического отношения к данной позиции обнаруживается в том, что интересы субъектов отношений несостоятельности являются разнонаправленными, противоречивыми, в силу чего один и тот же поведенческий акт арбитражного управляющего, удовлетворяя интересы одних субъектов, неминуемо влечёт умаление интересов других. Совершенно

---

[1] Карелина С. А. Механизм правового регулирования отношений несостоятельности. М.: Волтерс Клувер, 2008. 551 с.

[2] Дорохина Е. Г. Указ. соч. С. 34.

[3] Карелина С. А., Эрлих М. Е. Роль арбитражного управляющего в механизме разрешения конфликта интересов // Право и экономика. 2012. № 3. С. 19–25.

обоснованным представляется замечание У. Беккера: обязанность действовать в интересах множества лиц не даёт чёткой программы действий в ситуации конфликта интересов [1] . Арбитражный управляющий, принимая конкретные деловые решения в ходе собственной деятельности, нуждается в ясном понимании того интереса, достижению которого должны служить его действия. Наличие такого ориентира имеет принципиальное значение как при формировании общей стратегии проведения процедуры, применяемой в деле о банкротстве, так и при принятии отдельных управленческих решений.

Системный анализ действующего законодательства позволяет сделать вывод о том, что при осуществлении любой процедуры, применяемой в деле о банкротстве, арбитражный управляющий должен преследовать прежде всего цель удовлетворения интересов кредиторов. Российская модель несостоятельности (банкротства) последовательно закрепляет передачу контроля над хозяйственной деятельностью должника и распоряжением ею сообществу кредиторов. Приоритет интересов кредиторов находит выражение, в частности, в предоставлении им исключительных правомочий по принятию ключевых для производства по делу решений: выбору кандидатуры арбитражного управляющего (за исключением процедуры наблюдения); принятию решений о введении реабилитационных процедур и сроках их проведения; утверждению планов внешнего управления и финансового оздоровления; заключению мирового соглашения и принятию иных значимых решений. В результате именно кредиторы, выступающие основными выгодоприобретателями от результатов производства по делу о банкротстве, наделяются совокупностью прав, обеспечивающих им возможность оказывать решающее влияние на судьбу должника, что определяет законный характер принадлежащего им интереса как обеспеченной правом потребности[2]. Как справедливо отмечает А. А. Кузнецов, интерес кредиторов является основным интересом, защищаемым в банкротстве. В

---

[1]Becker U. InsolvenzverwalterhaftungbeiUnternehmensfortführun. Tübingen: Mohr Siebeck, 2016. S. 160.

[2]Гришаев С. П., Овчинникова А. В. Эволюция правового регулирования банкротства // СПС «КонсультантПлюс». 2014. URL: https://clck.ru/3SEUfD (дата обращения: 02.03.2026).

этом, по его мнению, проявляется отличие банкротства от ликвидации юридического лица при достаточности его имущества для погашения долгов. В последнем случае, несмотря на необходимость учёта интересов третьих лиц, ликвидация остаётся частным делом участников юридического лица и проводится в их интересах, что обусловливает высокую степень автономии воли при установлении правил ликвидации и управлении обществом, тогда как банкротство призвано защищать интересы кредиторов[1].

Деятельность арбитражного управляющего, являющегося порождением института несостоятельности и ориентированного на достижение целей тех процедур, для проведения которых он назначен, необходимо подчиняется такой логике построения системы регулирования.

В научной литературе и судебной практике сформировался единообразный подход к определению законного интереса кредиторов. Как неоднократно отмечал ВС РФ, законный материальный интерес любого кредитора, прежде всего, состоит в наиболее полном итоговом погашении заявленных им требований[2]. Все предоставленные кредиторам права служат реализации данного интереса. Как следствие, получение таким лицом полного удовлетворения его требований означает утрату соответствующих прав. При этом само предназначение института несостоятельности (банкротства) состоит в разрешении экономического конфликта не только между должником и каждым из его кредиторов, но и между кредиторами как участниками оборота с конкурирующими имущественными притязаниями к должнику. В условиях установленной или предполагаемой несостоятельности должника возникает ситуация, при которой удовлетворение притязаний одних кредиторов осуществляется за счёт ограничения объёма удовлетворения требований других. Тем самым, интересы кредиторов объективно

---

[1] Кузнецов А. А. Ликвидация хозяйственных обществ: очерки концепции // Вестник гражданского права. 2025. № 6 (25). С. 43–45.

[2] Обзор судебной практики ВС РФ. 2017. № 2 (П. 17) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.ru/3SEV4H (дата обращения: 02.03.2026); Обзор судебной практики ВС РФ. 2017. № 4 (п. 12) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.ru/3SEVKg (дата обращения: 02.03.2026); Обзор судебной практики ВС РФ. 2018. № 2 (п. 12) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.ru/3SEVQU (дата обращения: 02.03.2026).

противопоставлены друг другу и находятся в состоянии конфликта. Разрешению данного конфликта служит законодательство о несостоятельности (банкротстве), устанавливая императивный порядок удовлетворения требований кредиторов в соответствии с принципом prorata [1]. Предоставленные кредиторам правовые возможности направлены на получение удовлетворения исключительно в соответствии с установленной очерёдностью. Из сказанного следует, что арбитражный управляющий обязан ориентироваться на защиту интересов кредиторского сообщества в целом, а не отдельных кредиторов, независимо от размера принадлежащих им требований и иных обстоятельств.

Законный интерес должника, как принято считать, состоит в продолжении осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности в связи с наличием прав на имущественные результаты данной деятельности[2]. Признание данного интереса законным в юридическом смысле, предполагающем его обеспеченность субъективном правом, не может быть признано бесспорным[3]. В деле о банкротстве принятие ключевых решений отнесено к компетенции органов кредиторов, которые, таким образом, формируют и изъявляют свою волю, исходя, прежде всего, из собственных интересов. Вследствие этого интересы должника занимают подчинённое по отношению к интересам кредиторов положение, носят факультативный характер и не обеспечиваются таким объёмом правовых возможностей по их реализации, который позволял бы рассматривать их как равнозначные интересам кредиторов.

Более того, системный анализ действующего законодательства позволяет утверждать, что в рамках дела о банкротстве интерес должника приобретает характер законного лишь постольку, поскольку он совпадает с интересом кредиторов в наиболее полном удовлетворении их требований. Так, абз. 2 п. 1 ст. 30 Закона о банкротстве возлагает на руководителя должника и иных

---

[1]Суворов Е. Д. Указ. соч. С. 33–34.

[2]Кузнецов С. А. Основные проблемы правового института несостоятельности (банкротства): монография. М.: Инфотропик, 2015. 304 с.; Эрлих М. Е. Конфликт интересов в процессе несостоятельности: монография. М.: Проспект, 2016. С. 23.

[3]Баринов Н. А. Избранные труды. М.: Норма, 2012. С. 133.

контролирующих лиц обязанность с момента возникновения признаков банкротства действовать с учётом интересов кредиторов и воздерживаться от действий, способных заведомо ухудшить финансовое положение должника. Примечательно, что данная обязанность возникает ещё до возбуждения дела о банкротстве.

В специальной литературе принято говорить о постепенном замещении подлежащих правовой охране интересов: если в условиях нормальной хозяйственной деятельности органы управления обязаны действовать исключительно в интересах управляемой компании, то с нарастанием финансового кризиса значение интересов кредиторов возрастает, последовательно вытесняя интересы компании как ориентир в деятельности управляющего субъекта. На месте созданной участниками компании корпоративной структуры создаётся некое подобие корпоративного управления, выгодоприобретателями в котором становятся кредиторы[1]. Таким образом, институт несостоятельности (банкротства) оформляет контроль кредиторов над корпорацией, ограничивая возможности её участников по управлению и контролю, реализация которых может привести к неудовлетворению кредиторов[2]. Наконец, как представляется, с возбуждением дела о банкротстве, интересы должника и вовсе в преобладающей части замещаются законными интересами кредиторов.

При этом следует признать, что законодательство о несостоятельности (банкротстве) не игнорирует интересы должника и в ряде случаев прямо указывает на необходимость их соблюдения. Это проявляется в исключении из конкурсной массы отдельных видов имущества для сохранения минимально необходимой имущественной основы жизнедеятельности должника-физического лица (ст. 213.25 Закона о банкротстве), а также в возможности возбуждения реабилитационных процедур, направленных на восстановление

---

[1] Степанов Д. И. Феномен корпоративного контроля // Вестник гражданского права. 2009. Т. 9. № 3. С. 142–206.

[2] Слободянюк С. А. Контроль над корпорацией: сравнительно-правовой анализ понятийно-категориального аппарата // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2024. № 1. С. 42–49.

платёжеспособности и продолжение хозяйственной деятельности должника. Однако на системном уровне правовое регулирование отношений несостоятельности (банкротства) выстроено таким образом, что интерес должника сводится к обеспечению наиболее полного и упорядоченного удовлетворения требований кредиторов. Этот подход согласуется с последовательно проводимой ВС РФ в своей судебной практике позицией[1].

Норма п. 3 ст. 20.3 Закона о банкротстве указывает, что, помимо интересов должника и его кредиторов, деятельность арбитражного управляющего должна равным образом быть направлена на удовлетворение интересов общества.

Необходимо отметить, что ранее действовавший Закон 1998 г. не содержал подобного положения, ограничиваясь указанием на обязанность управляющего действовать с учётом интересов должника и кредиторов. В российской литературе современное состояние этой нормы подвергается обоснованной критике. Как отмечает Т. П. Шишмарева, не стоит преувеличивать в деятельности арбитражного управляющего публичные аспекты[2]. Ю. В. Тай, указывая, что Закон о банкротстве не раскрывает содержание интересов общества применительно к арбитражному управлению, приходит к закономерному выводу о том, что добавление словосочетания «в интересах общества» можно считать декларацией законодателя, не имеющей правового значения[3]. Соглашаясь с такой оценкой, отметим, что возложение на арбитражного управляющего абстрактной обязанности действовать в интересах общества в контексте исследуемой проблематики означало бы расширение его гражданско-правовой ответственности до трудноустановимых границ. Так, в силу публичного значения производства по делу о банкротстве самого по себе, редкое решение арбитражного управляющего не будет затрагивать интересов общества. В условиях отсутствия конкретизации такого интереса образуется пространство для широкого усмотрения в части

[1] Обзор судебной практики по вопросам, связанным с участием уполномоченных органов в делах о банкротстве и применяемых в этих делах процедурах банкротства (п. 13) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.ru/3SEdHV (дата обращения: 02.03.2026).
[2] Банкротство хозяйствующих субъектов: учебник для бакалавров / отв. ред. И. В. Ершова, Е. Е. Енькова. М.: Проспект, 2016. 336 с.
[3] Тай Ю. В. Указ. соч. С. 47.

толкования его содержания, а значит, установление оснований для ответственности в случае потенциального нарушения таких интересов подчинено правовой неопределённости.

Закон о банкротстве предусматривает несколько случаев, когда арбитражный управляющий обязан обеспечить удовлетворение интересов общества преимущественно перед интересами должника и его кредиторов. Эти ситуации связаны с финансированием мероприятий в целях снижения угрозы техногенных, экологических катастроф и (или) наступления их последствий либо гибели людей на опасном объекте (п. 1.1, 1.2 ст. 134 Закона о банкротстве). Категории «обязанность действовать в интересах общества» также соответствует обязанность соблюдать запрет на нарушение законодательства при осуществлении арбитражного управления. Представляется возможным в этой связи говорить об обязанности арбитражного управляющего осуществлять свою деятельность, учитывая интересы общества, но не определять их реализацию в качестве цели деятельности арбитражного управляющего.

Таким образом, совокупность обязанностей арбитражного управляющего, закреплённых в законодательстве о несостоятельности (банкротстве), сконструирована исходя из приоритета интересов кредиторов, а надлежащее исполнение этих обязанностей оценивается через призму того, в какой мере достигнута цель максимально возможного и упорядоченного удовлетворения их требований. Интересы должника и общественные интересы получают правовую защиту лишь в отдельных, специально предусмотренных законом случаях, в связи с чем они не обладают системообразующим значением для модели арбитражного управления в целом.

Фактические и юридические действия, составляющие содержание арбитражного управления, выступают тем правовым благом, по поводу которого арбитражный управляющий, должник и кредиторы вступают в соответствующее правоотношение, направленное, главным образом, на удовлетворение интересов кредиторов.

Рассмотрев соотношение общих признаков обязательств со структурой и содержанием материально-правовых отношений, складывающихся между арбитражным управляющим, должником и кредиторами, считаем возможным сделать вывод о наличии достаточных теоретических оснований для признания их обязательственной природы. В рамках данного обязательства арбитражный управляющий за вознаграждение принимает на себя обязанности по совершению юридических и фактических действий, направленных на организацию (контроль за) текущей деятельностью несостоятельного должника в интересах кредиторов, а также исполняет возложенные на него обязанности перед кредиторами за вознаграждение.

Подтверждения обязательственной квалификации данных отношений могут быть обнаружены и в сложившейся судебной практике. Так, в п. 5 Постановления Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 № 97 «О некоторых вопросах, связанных с вознаграждением арбитражного управляющего при банкротстве» содержится разъяснение, согласно которому правовая природа вознаграждения арбитражного управляющего носит частноправовой встречный характер (п. 1 ст. 328 ГК РФ), применительно к абз. 3 п. 1 ст. 723 и ст. 783 ГК РФ[1]. При рассмотрении конкретных дел ВС РФ также неоднократно отмечал, что вознаграждение арбитражного управляющего носит частноправовой характер, при этом к нему применяются правила о договоре возмездного оказания услуг. Если арбитражный управляющий ненадлежащим образом исполнял свои обязанности, то применительно к правилам об ответственности за недоброкачественность оказанных услуг, размер его вознаграждения может быть соразмерно уменьшен[2]. В ранее упомянутом определении от 26 августа 2026 г. № 305-ЭС26-3930 по делу № А40-4457/2025 ВС РФ и вовсе квалифицирует отношения, возникающие между

---

[1]Постановление Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 № 97 «О некоторых вопросах, связанных с вознаграждением арбитражного управляющего при банкротстве» // СудАкт. URL: https://clck.ru/3SEewh (дата обращения: 02.03.2026).

[2] Определение ВС РФ от 05.05.2023 по делу № А57–10966/2019 // СудАкт. URL: https://clck.ru/3SEdsH (дата обращения: 02.03.2026); Обзор судебной практики по вопросам участия арбитражного управляющего в деле о банкротстве // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.su/ncqFo (дата обращения: 02.03.2026).

арбитражным управляющим, должником и его кредиторами в качестве договорных [1]. Такая квалификация представляется спорной, поскольку договорные отношения возникают на основании договора, заключение которого между указанными субъектами действующим законодательством не предусмотрено. Вместе с тем представляется, что обращение к данному подходу было направлено прежде всего на обоснование обязательственной природы рассматриваемых отношений и обусловленной ею возможности применения к ним общих положений об обязательствах.

Такая возможность устанавливается на основании ст. 307.1 ГК РФ, согласно которой общие положения об обязательствах применяются к обязательствам, возникшим из договора; вследствие причинения вреда и неосновательного обогащения; к требованиям, возникающим из корпоративных отношений; связанным с применением последствий недействительности сделки. С одной стороны, буквальное толкование указанной нормы исключает возможность применения общих положений об обязательствах к исследуемым отношениям. С другой стороны, в ст. 307.1 ГК РФ и иных положениях ГК РФ не находится нормы, из которой можно было бы вывести соответствующий запрет. По нашему мнению, справедливым является замечание В. А. Белова относительно общего смысла законодательного подхода, реализованного в ст. 307.1 ГК РФ, согласно которому общие положения об обязательствах имеют субсидиарное применение к любым относительным гражданским правоотношениям, в том числе и к тем, которые не являются обязательственными [2]. Такое понимание позволяет, в частности, вовлечь в сферу действия общих положений об обязательствах не только исследуемые отношения, но и традиционно признаваемые в качестве обязательственных отношения, возникающие из односторонних действий

---

[1] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 26 августа 2026 г. № 305-ЭС26-3930 по делу № А40-4457/2025 // СПС «Гарант». URL: https://clck.ru/3ViGTL (дата обращения: 09.09.2026).

[2] Белов В. А. Гражданское право: в 4 т. Т. III. Особенная часть. Абсолютные гражданско-правовые формы. В 2 кн. Кн. 1. Формы отношений принадлежности вещей: учебник для академического бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2015. С. 49. См. также: Хохлов В. А. Указ. соч.

(действия в чужом интересе без поручения, публичное обещание награды и публичный конкурс, «которые почему-то выпали из содержания ст. 307.1 ГК РФ»[1]). Более того, такой подход фактически реализован в судебной практике. В частности, Постановление № 97 закрепляет позицию, что при разрешении вопроса о снижении фиксированной части вознаграждения арбитражного управляющего подлежит применению п. 1 ст. 328 ГК РФ о встречных обязательствах.

Обязательственная квалификация арбитражного управления позволяет распространить на отношения между арбитражным управляющим, должником и кредиторами положения п. 3 ст. 307 ГК РФ о добросовестном поведении сторон обязательства при установлении, исполнении и прекращении обязательства, взаимном содействии и информационном сотрудничестве. В условиях конфликтности отношений несостоятельности это имеет существенное значение, поскольку ориентирует участников процедуры на согласованное поведение, направленное на достижение целей банкротства. Кроме того, такой подход позволяет обосновать возможность привлечения арбитражного управляющего к гражданско-правовой ответственности за недобросовестное поведение, причинившее убытки должнику или кредиторам и имевшее место в том числе после его освобождения от исполнения обязанностей в деле о банкротстве.

Кроме того, обязательственная квалификация данных правоотношения предопределяет необходимость применения норм главы 25 ГК РФ об ответственности за нарушение обязательств при неисполнении (ненадлежащем исполнении) арбитражным управляющим возложенных на него обязанностей.

Таким образом, по нашему мнению, с момента утверждения арбитражного управляющего в деле о банкротстве между ним, должником и кредиторами возникает обязательственное отношение, содержание которого составляют взаимные права и обязанности, принадлежащие должнику, кредиторам и арбитражному управляющему. Неисполнение арбитражным управляющим

[1] Соломин С. К., Соломина Н. Г. Юридические факты и иные жизненные обстоятельства: цивилистический очерк: монография. М.: Юстицинформ, 2022. 167 с.

соответствующих обязанностей формирует условия для привлечения его к гражданско-правовой ответственности.

В совокупности с внешними отношениями, возникающими в связи с вступлением арбитражного управляющего во взаимодействие с третьими лицами от имени должника в качестве его законного представителя, указанное обязательственное (внутреннее) отношение образует содержание сложного материального правоотношения, складывающегося между арбитражным управляющим, должником и его кредиторами с момента утверждения арбитражного управляющего в деле о банкротстве. Как следствие, арбитражный управляющий, с одной стороны, является законным представителем должника (во внешнем отношении) и стороной обязательственного (внутреннего) отношения, в рамках которого он совершает фактические и юридические действия, направленные на осуществление руководства (контроля за) текущей деятельностью должника и исполнение возложенных на него обязанностей перед кредиторами.

§ 3. Правовая природа гражданско-правовой ответственности арбитражного управляющего перед должником и его кредиторами

Перед тем как приступить к анализу правовой природы гражданско-правовой ответственности арбитражного управляющего в деле о банкротстве необходимо дать краткую характеристику института ответственности в российском гражданском праве.

В отечественной науке сложилась обширная дискуссия о понятии гражданско-правовой ответственности. Остановимся лишь на наиболее часто воспроизводимых в цивилистической литературе определениях. Гражданско-правовая ответственность обычно рассматривается в контексте соотношения с понятием юридической ответственности: она соответствует всем конститутивным признакам последней, являясь её разновидностью, а именно, выступает формой мер государственного принуждения, наступает как следствие совершённого

лицом правонарушения и влечёт для правонарушителя отрицательные последствия[1].

При этом В. В. Витрянский выделяет ряд специфических свойств гражданско-правовой ответственности, позволяющих отграничить её от иных видов юридической ответственности:

1) имущественный характер, выражающийся в том, что вне зависимости от обстоятельств правонарушения, применение гражданско-правовой ответственности, по общему правилу, будет означать присуждение потерпевшему соответствующей денежной компенсации;

2) это ответственность одного автономного участника гражданско-правовых отношений перед другим, ответственность правонарушителя перед потерпевшим;

3) соразмерность её объёма причинённому вреду или убыткам;

4) применение равных по объёму мер ответственности к различным участникам имущественного оборота за однотипные нарушения[2].

Приведённое соотношение отражено в получившем всеобщее признание понимании гражданско-правовой ответственности, разработанном В. П. Грибановым, как одной из форм государственного принуждения, связанной с применением санкций имущественного характера, направленных на восстановление нарушенных прав и стимулирование нормальных экономических отношений юридически равноправных участников гражданского оборота [3]. Сущностным свойством гражданско-правовой ответственности при этом является возложение на правонарушителя обязанности претерпеть дополнительные правоограничения, которые находятся за пределами его первоначальных обязанностей[4].

---

[1]Гражданское право: учебник в 3 т. Т. 1 / под ред. А. П. Сергеева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2020. С. 975–976.
[2]Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Кн. 1. С. 623–633.
[3]Иоффе О. С. Указ. соч. С. 97.
[4]Грибанов В. А. Осуществление и защита гражданским прав. 2-е изд., стереотип. М.: Статут, 2001. С. 310–312.

В основании применения мер гражданско-правовой ответственности лежит гражданское правонарушение, т. е. совершение лицом действий (допущение бездействия), нарушающих предписания закона или условия договора, а совокупность всех условий для её применения составляет состав гражданского правонарушения[1].

По общему правилу, состав гражданского правонарушения образуют следующие условия:

1) противоправность поведения;

2) вред (убытки) на стороне потерпевшего;

3) причинно-следственная связь между поведением правонарушителя и вредом, возникшим у потерпевшего;

4) вина правонарушителя.

В отдельных случаях применение мер гражданско-правовой ответственности может иметь место и при отсутствии отдельных условий, образующих состав гражданского правонарушения. Так, гражданско-правовая ответственность может применяться к правонарушителю вне зависимости от его вины в причинении потерпевшему вреда (п. 3 ст. 401 ГК РФ), в отсутствие причинно-следственной связи (ст. ст. 1068, 1073-1078 ГК РФ), а в ряде случаев и при отсутствии вреда и причинно-следственной связи (ст. 1301 ГК РФ).

В контексте настоящего исследования принципиальное значение приобретает вопрос о классификации видов гражданско-правовой ответственности. Наиболее распространённым критерием деления является основание её возникновения, в соответствии с которым выделяют договорную и внедоговорную гражданско-правовую ответственность. В отличие от договорной ответственности, внедоговорная наступает не в случаях неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, возникшего из договора, а вследствие иных обстоятельств, предусмотренных законом. При этом внедоговорная

[1] Дегтярев С. Л. Возмещение убытков в гражданском и арбитражном процессе: учебно-практическое пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2003. С. 5; Гражданское право: учебник в 4 т. Т. I: Общая часть / отв. ред. Е. А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2023. С. 566.

ответственность зачастую отождествляется с деликтной ответственностью, т. е. ответственностью, наступающей вследствие причинения вреда. Такое понимание укоренилось, в частности, в судебной практике на уровне ВС РФ[1] и в учебной литературе[2]. Уязвимость такого подхода состоит в том, что его последовательное логическое развитие необходимо приводит к заключению, что нарушение внедоговорных обязательств (возникающих, к примеру, из односторонних действий) признаётся деликтом, а значит, регулирование внедоговорной ответственности в любом случае осуществляется исключительно на основании норм главы 59 ГК РФ.

Наиболее теоретически обоснованным представляется подход, в соответствии с которым классификация гражданско-правовой ответственности по основанию её возникновения должна включать ответственность за нарушение обязательства и деликтную ответственность[3]. Именно такое понимание реализовано в системе действующего гражданского законодательства (гл. 25, 59 ГК РФ). В доктрине существует позиция о том, что деликтное обязательство возникает в силу нарушения делинквентом универсальной всеобщей обязанности воздерживаться от причинения вреда другим лицам объективно неправомерным образом[4]. Деликтная ответственность, таким образом, предполагает, что, в отличие от ответственности за нарушение обязательства, правонарушитель и потерпевший не состоят друг с другом в какой-либо регулятивной правовой связи до момента причинения вреда[5].

---

[1] Обзор судебной практики ВС РФ. 2020. № 4 (п. 21) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.ru/3SEhpk (дата обращения: 02.03.2026); Обзор судебной практики ВС РФ. 2023. № 1 (п. 10) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.ru/3SEi6J (дата обращения: 02.03.2026); Обзор судебной практики ВС РФ. 2023. № 2 (п. 23) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.ru/3SEiEU (дата обращения: 02.03.2026).

[2] Гражданское право. Общая часть: учебник / под ред. Е. С. Болтановой. М.: ИНФРА-М, 2023. 515 с.

[3] Гражданское и торговое право капиталистических стран / под. ред. В. П. Мозолина, М. И. Кулагина. М.: Высшая школа, 1980. С. 290.

[4] Исполнение и прекращение обязательства…. С. 69.

[5] Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: Статут, 2017. С. 393.

Конструкция абз. 1 п. 4 ст. 20.4 Закона о банкротстве связывает гражданско-правовую ответственность арбитражного управляющего с ненадлежащим исполнением возложенных на него обязанностей. В предшествующем параграфе мы подробно обосновали обязательственную модель правоотношения между арбитражным управляющим, должником и кредиторами. В то же время, абз. 1 п. 4 ст. 20.4 Закона о банкротстве относит к числу субъектов, перед которыми арбитражный управляющий несёт ответственность за причинённый убытки, также иных лиц.

Действующий Закон о банкротстве не содержит перечня «иных лиц», перед которыми в силу абз. 1 пункта 4 статьи 20.4 Закона о банкротстве несет ответственность арбитражный управляющий. По мнению Ю. В. Тая, под иными лицами понимаются собственник имущества должника-унитарного предприятия, отстранённый руководитель, любой учредитель (участник), работник должника, которым были причинены убытки[1]. Неопределённость не устраняет и п. 53 Постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» (далее – Постановление № 35), определяющий порядок рассмотрения требований должника, его участников и кредиторов о взыскании убытков с арбитражного управляющего[2].

Представляется, что первоочередного внимания заслуживает вопрос о квалификации работников (в том числе бывших), учредителей (участников) должника, а также собственника имущества должника – унитарного предприятия в качестве «иных лиц» в смысле абз. 1 п. 4 ст. 20.4 Закона о банкротстве. Как было показано выше, указанные субъекты обладают материально-правовыми притязаниями к должнику, а сам Закон о банкротстве закрепляет специальные правила удовлетворения соответствующих требований в рамках конкурсного производства. Это позволяет констатировать наличие устойчивых нормативных

---

[1]Тай Ю. В. Указ. соч. С. 136.

[2]Постановление Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.ru/3SEjTD (дата обращения: 02.03.2026).

оснований для отнесения названных лиц к категории кредиторов в значении абз. 7 ст. 2 Закона о банкротстве. В связи с этим их квалификация в качестве «иных лиц» представляется методологически необоснованной.

В развитие данной позиции требует уточнения содержание понятия «кредиторы должника» в контексте рассматриваемой конструкции ответственности арбитражного управляющего. Под таковыми, то есть субъектами обязательственного правоотношения, перед которыми управляющий несет обязанности под угрозой возложения гражданско-правовой ответственности, следует понимать лиц, обладающих правами требования к должнику по денежным и иным обязательствам, включая требования об уплате обязательных платежей, о выплате выходных пособий и оплате труда работников (действующих и бывших), в соответствии со ст. 2 Закона о банкротстве. К числу таких лиц, помимо кредиторов по текущим платежам, конкурсных и залоговых кредиторов, а также уполномоченных органов, по нашему мнению, должны быть отнесены и учредители (участники) должника, равно как и собственник имущества должника – унитарного предприятия, а также лица, привлеченные к субсидиарной ответственности.

Возможные возражения против подобного подхода, как правило, основываются на тезисе об отсутствии у указанных субъектов обязательственных требований к должнику в формально-юридическом смысле: права участников носят корпоративный характер, тогда как связь унитарного предприятия с собственником его имущества обусловлена правом собственности последнего на закрепленное за предприятием имущество.

Однако подобное противопоставление не является непреодолимым. Во-первых, в силу п. 3 ст. 307 ГК РФ общие положения об обязательствах подлежат применению к требованиям, возникающим из корпоративных отношений, что свидетельствует об их сущностном сходстве с обязательственными притязаниями.

Во-вторых, правовая позиция, выраженная в абз. 3 п. 41 Постановления Пленума ВС РФ от 11 июня 2020 г. № 6, подтверждает, что участники ликвидированного юридического лица, равно как и его кредиторы, не вправе

самостоятельно реализовывать обязательственные требования юридического лица к третьим лицам, а должны руководствоваться процедурой распределения обнаруженного имущества, установленной п. 5.2 ст. 64 ГК РФ[1]. Вместе с тем анализ абз. 1 п. 4 ст. 20.4 Закона о банкротстве позволяет заключить, что обязанность арбитражного управляющего по возмещению убытков, равно как и корреспондирующее ей право требования, возникает лишь с момента вступления в законную силу соответствующего судебного акта. Следовательно, *de lege lata* имущественное требование к управляющему формируется у кредиторов именно с указанного момента. В силу этого обстоятельства в сложившейся судебной практике учредители (участники) должника фактически лишены возможности инициировать процедуру распределения имущества, располагая лишь предположением о наличии у них соответствующего требования. Это приводит к фактической блокировке реализации их права на возмещение убытков.

В данных условиях единственным последовательным способом обеспечения их правовой защиты является признание за ними статуса кредиторов применительно к положению абз. 1 п. 4 ст. 20.4 Закона о банкротстве. Такое решение позволит наделить их правом по завершении процедуры банкротства предъявлять требования о возмещении имущественных потерь, выражающихся, в частности, в уменьшении (утрате) или утрате возможности увеличения ликвидационной квоты вследствие противоправных действий (бездействия) арбитражного управляющего. Сходное по своей правовой природе положение занимает и собственник имущества должника – унитарного предприятия, чьи имущественные интересы в рассматриваемом контексте объективно соответствуют интересам кредиторов.

Аналогично, лица, привлеченные к субсидиарной ответственности, в силу п. 3 ст. 61.15 Закона о банкротстве приобретают право обратного требования к должнику по делу о банкротстве в размере выплаченной суммы, которое

---

[1] Постановление Пленума ВС РФ от 11.06.2020 № 6 "О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.ru/3ViM26 (дата обращения: 06.03.2026).

удовлетворяется после всех других требований, включенных в реестр требований кредиторов и требования, подлежащих удовлетворению после требований, включенных в такой реестр.

В отношении иных субъектов, имущественные потери которых могут быть вызваны действиями (бездействием) арбитражного управляющего (участники торгов по реализации имущества должника, проводимых в ходе производства по делу о банкротстве; потерпевшие от деликтов, совершённых должником в период производства по делу о банкротстве и т. д.) представляется, что абз. 1 п. 4 ст. 20.4 Закона о банкротстве не может формировать юридическое основание ответственности арбитражного управляющего перед такими лицами. Гражданско-правовая ответственность арбитражного управляющего связана с неисполнением (ненадлежащим исполнением) возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве. Указанные обязанности установлены законодателем в целях обеспечения защиты интересов конкретных субъектов, являющихся участниками обязательственного отношения «должник–арбитражный управляющий–кредиторы». Любые взаимодействия с третьими лицами в материально-правовой сфере арбитражный управляющий осуществляет в качестве представителя должника, не приобретая каких-либо прав и обязанностей для себя лично. В этой связи более правильным представляется утверждение о том, что обязанности перед такими лицами могут возникать исключительно у должника, следовательно, их нарушение должно приводить к ответственности должника.

Утверждение о допустимости гражданско-правовой ответственности арбитражного управляющего перед лицами, не входящими в состав участников обязательственного отношения «должник – арбитражный управляющий – кредиторы», может быть подвергнуто критической оценке с позиций как доктринального, так и политико-правового характера.

Гражданско-правовая ответственность арбитражного управляющего, предусмотренная абз. 1 п. 4 ст. 20.4 Закона о банкротстве, направлена на обеспечение надлежащего исполнения возложенных на него обязанностей в рамках процедуры банкротства. При этом ключевым ориентиром его

деятельности выступает обязанность действовать добросовестно и разумно в интересах должника и его кредиторов (п. 4 ст. 20.3 Закона о банкротстве). Указанная обязанность фактически выполняет функцию общего стандарта поведения арбитражного управляющего и служит критерием оценки правомерности его действий (бездействия), в том числе в ситуациях, не урегулированных прямо нормами Закона о банкротстве. Следовательно, в системе правового регулирования отношений несостоятельности приоритет в деятельности управляющего отводится именно защите интересов должника и его кредиторов.

Данный вывод подтверждается и системным анализом норм, регулирующих последствия причинения арбитражным управляющим убытков. В силу разъяснений, содержащихся в п. 56 Постановления Пленума ВАС РФ № 35, арбитражный управляющий подлежит отстранению в случае выявления обстоятельств, препятствующих его утверждению, в том числе при причинении убытков. В соответствии с п. 2 ст. 20.2 Закона о банкротстве таким обстоятельством признаётся, в частности, невозмещение в полном объёме убытков, причинённых должнику, его кредиторам и иным лицам. Вместе с тем законодатель устанавливает различные последствия причинения убытков в зависимости от потерпевшего субъекта: если управляющий причинил убытки должнику или кредиторам, он лишается возможности быть утверждённым в другом деле о банкротстве в течение года, тогда как в отношении случаев причинения вреда иным лицам аналогичное ограничение не установлено (абз. 8 п. 2 ст. 20.2 Закона о банкротстве). Это позволяет заключить, что нарушение имущественных интересов должника и кредиторов рассматривается законодателем как более существенное, свидетельствующее о несоответствии управляющего требованиям добросовестности, компетентности и независимости (п. 56 Постановления №35).

Из этого следует, что обязанность арбитражного управляющего действовать в интересах иных лиц, помимо должника и его кредиторов, лишь в той мере, в какой это соответствует интересам должника и его кредиторов. Такая

конструкция предопределяет возможность возникновения ситуаций, при которых права иных лиц могут быть нарушены, однако поведение управляющего не выходит за пределы установленного стандарта добросовестного и разумного осуществления полномочий.

Гипотетически возможна ситуация, при которой денежные средства, внесённые участниками торгов в качестве задатка и ошибочно зачисленные на основной счёт должника, используются арбитражным управляющим для покрытия неотложных расходов, направленных на предотвращение существенного вреда имуществу должника (например, на аварийный ремонт конструктивных элементов здания, принадлежащего должнику) при отсутствии иных средств в конкурсной массе. В таком случае право соответствующего участника торгов на возврат задатка будет нарушено, что образует основание для привлечения управляющего к ответственности. Однако с точки зрения оценки поведения управляющего в рамках его обязанностей перед должником и кредиторами его действия могут быть признаны соответствующими стандарту добросовестности и разумности.

В рамках предлагаемой концепции данная коллизия разрешается посредством разграничения внешних и внутренних отношений. Арбитражный управляющий, действующий как представитель должника, не должен нести самостоятельную ответственность перед третьими лицами; такая ответственность должна возлагаться на должника как на сторону соответствующего обязательства. В дальнейшем в рамках дела о банкротстве возможно предъявление к управляющему требования о возмещении убытков, причинённых должнику, однако при его рассмотрении подлежит установлению наличие всех условий ответственности, включая противоправность поведения управляющего. В приведённой ситуации, исходя из критерия добросовестного и разумного поведения в интересах должника и кредиторов, основания для привлечения управляющего к ответственности, по-видимому, будут отсутствовать.

Кроме того, предлагаемая модель в большей степени соответствует интересам контрагентов должника. В отношении юридических лиц действует

принцип ответственности без вины за нарушение обязательств при осуществлении предпринимательской деятельности (п. 2 ст. 401 ГК РФ), тогда как арбитражный управляющий не обладает статусом предпринимателя, и его привлечение к ответственности требует установления всех элементов состава гражданского правонарушения. Вследствие этого предъявление требований непосредственно к управляющему может оказаться для потерпевшего лица более затруднительным. Напротив, возложение ответственности на должника облегчает защиту нарушенных прав контрагента. Баланс интересов при этом обеспечивается за счёт того, что во внутренних отношениях стандарт поведения арбитражного управляющего является повышенным по сравнению с общим стандартом заботливости и осмотрительности, установленным гражданским законодательством.

Таким образом, ограничение гражданско-правовой ответственности арбитражного управляющего рамками обязательственного отношения «должник – арбитражный управляющий – кредиторы» представляется как доктринально обоснованным, так оправданным с точки зрения обеспечения баланса интересов участников оборота.

Как следствие, указание на «иных лиц» в норме абз. 1 п. 4 ст. 20.4 Закона о банкротстве представляется избыточным и не должно приниматься во внимание правоприменителем. В этой связи нельзя поддержать сложившийся в судебной практике подход, в соответствии с которым арбитражный управляющий может быть привлечён к ответственности за убытки, причинённые участникам торгов[1], контрагентам должника по сделкам, заключённым по поводу имущества последнего в период производства по делу[2] и т. д.

Резюмируя, считаем, что арбитражный управляющий *delegeferenda* несёт гражданско-правовую ответственность за убытки, причинённые в результате

---

[1] Определение ВС РФ от 23.10.2025 по делу № А40-159749/2024 // СудАкт. URL: https://clck.ru/3SEjpe (дата обращения: 02.03.2026); Определение ВС РФ от 03.09.2018 по делу № А32-38388/2016 // ЛегалАкт. URL: https://clck.ru/3SEk5R (дата обращения: 02.03.2026).

[2] Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 20.12.2024 по делу № А26-976/2010 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.ru/3SEkPp (дата обращения: 02.03.2026).

неисполнения (ненадлежащего исполнения) возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве, перед должником и его кредиторами, являющимися, наряду с арбитражным управляющим, участниками внедоговорного обязательственного отношения.

Господствующее мнение склоняется в пользу деликтной квалификации гражданско-правовой ответственности арбитражного управляющего. В единственном на данный момент специально посвящённом данной проблеме исследовании, выполненном Е. В. Мурашкиной, деликтная квалификация определяется как единственно возможная, при этом автор, к сожалению, не обосновывает данное утверждение. Как отмечает автор, «гражданско-правовая ответственность *(арбитражного управляющего – прим. И. З.)* является деликтной, т. е. возникает вследствие причинения вреда должнику, кредиторам, а также иным лицам, участвующим в деле о банкротстве» [1]. Другие исследователи также отстаивают деликтный характер ответственности арбитражного управляющего, отмечая при этом, что её основания и условия регулируются гл. 59 ГК РФ и Законом о банкротстве [2]. Арбитражные суды при рассмотрении споров о взыскании убытков с арбитражного управляющего регулярно ссылаются на положения ст. 1064 ГК РФ, устанавливающей основания деликтной ответственности в российском праве, что является косвенным подтверждением закрепления описываемого подхода на уровне судебной практики[3].

По нашему мнению, обозначенный подход не является обоснованным, так как между правонарушителем и потерпевшим до момента правонарушения имеется регулятивная правовая связь. В содержание такого правоотношения входят, в том числе, те обязанности арбитражного управляющего, нарушение

---

[1] Мурашкина Е. В. Гражданско-правовая ответственность арбитражного управляющего: дис. … канд. юрид. наук. М., 2008. С. 68.

[2] Банкротство хозяйствующих субъектов…; Шишмарева Т. П. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и практика его применения: учебное пособие для экзамена по Единой программе подготовки арбитражных управляющих. М.: Статут, 2015. 416 с.

[3] Определение ВС РФ от 29.03.2024 по делу № А32-57016/2017 // СудАкт. URL: https://clck.ru/3SEkut (дата обращения: 02.03.2026); Определение ВС РФ от 25.10.2023 по делу № А08-9430/2020 // ЛегалАкт. URL: https://clck.ru/3SEm7w (дата обращения: 02.03.2026).

которых и образует основание ответственности. В рамках деликтного подхода необходимо было бы признать, что данные обязанности представляют собой общие поведенческие предписания, направленные на защиту законных интересов неопределённого круга лиц[1], и, по всей видимости, наиболее приближённые по своей природе к обязанностям должностных лиц органов государственной власти.

С вышеуказанной позицией крайне сложно согласиться, ведь состав управомоченных требовать от арбитражного управляющего исполнения данных обязанностей лиц точно определён в каждый момент производства по делу о банкротстве и для каждого отдельного дела о банкротстве круг таких лиц является индивидуальным. Соответственно, такие обязанности не существуют по отношению ко всем третьим лицам (обществу), в отличие от обязанностей должностных лиц публичного права, но возникают исключительно по отношению к конкретным участникам конкретного дела о банкротстве. Таким образом, имеются основания для признания гражданско-правовой ответственности арбитражного управляющего разновидностью ответственности за нарушение обязательств и применения к ней норм гл. 25 ГК РФ.

Практические последствия такой квалификации кроятся в соотношении правил деликтной ответственности и ответственности за нарушение обязательств, предусмотренных соответственно в гл. 59 и 25 ГК РФ:

1. Из нормы абз. 2 п. 2 ст. 393 ГК РФ следует, что ответственность за нарушение обязательства построена по модели удовлетворения позитивного интереса: в результате возмещения убытков кредитор должен быть поставлен в такое положение, в каком он оказался бы, если бы обязательство было исполнено надлежащим образом. Напротив, в деликтном праве ответственность за причинённый вред характеризуется возмещением негативного интереса, т. е. в результате привлечения причинителя вреда к деликтной ответственности потерпевший должен быть поставлен в такое положение, в котором он бы находился, если бы нарушение не было совершено.

---

[1]Исполнение и прекращение обязательства…. С. 178.

2. Ответственность за нарушение обязательства, допущенное при осуществлении предпринимательской деятельности, является безвиновной (п. 3 ст. 401 ГК РФ). К деликтной ответственности данная норма не применяется[1].

3. В рамках обязательственной ответственности должник отвечает за действия любых третьих лиц, которых он привлёк для исполнения обязательства (ст. 403 ГК РФ). В деликтном праве, напротив, ответственность за действия третьих лиц должна быть прямо предусмотрена законом в силу абз. 2 п. 1 ст. 1064 ГК РФ[2].

Сложившийся в российской судебной практике подход к проблеме характера интереса, подлежащего возмещению при привлечении арбитражного управляющего к ответственности, свидетельствует в пользу отстаиваемой нами позиции. Согласно п. 11 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 22.05.2012 № 150[3] (далее – Письмо № 150), под убытками, причинёнными должнику, а также его кредиторам, понимается любое уменьшение или утрата возможности увеличения конкурсной массы, которые произошли вследствие неправомерных действий (бездействия) конкурсного управляющего. Реализация обозначенного подхода проявляется, главным образом, при рассмотрении споров о взыскании убытков с арбитражного управляющего, причинённых бездействием управляющего, связанного с непринятием мер по оспариванию сделок должника или взысканию дебиторской задолженности (пропуск исковой давности по указанным требованиям), в результате которого утрачивается возможность пополнения конкурсной массы и увеличения объёма удовлетворения требований кредиторов. Ответственность арбитражного управляющего, допустившего такое неправомерное бездействие, наступает в форме возмещения убытков, размер которых включает в себя, в сущности, все выгоды и преимущества, которые

---

[1]Основные положения гражданского права…. С. 1209.

[2]Керселян А. С. Деликтная квалификация серой зоны обязательственного права: практический анализ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2024. № 11. С. 84–113.

[3] Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 22.05.2012 № 150 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с отстранением конкурсных управляющих» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.ru/3SEoLT (дата обращения: 02.03.2026).

принесло бы должнику и его кредиторам надлежащее исполнение обязанностей арбитражного управляющего в этой части, что соответствует модели возмещения позитивного интереса[1].

В период действия Закона 1998 г. до изменений 2008 г.[2] арбитражным управляющим могло стать только лицо, зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя. Это положение отразилось на позиции отечественных учёных относительно значения вины в составе гражданско-правовой ответственности арбитражного управляющего. По мнению М. В. Телюкиной, Закон 1998 г. не придавал ей принципиального значения, «так как индивидуальный предприниматель (каковым является (в большинстве случаев) арбитражный управляющий) отвечает независимо от вины[3]. Аналогичное представление автор высказывал применительно к положениям Закона 2002 г. В пользу строгой ответственности арбитражного управляющего высказывались также Е. В. Мурашкина[4], Ю. В. Тай[5], Э. Н. Ренов[6]. Несмотря на это, ряд сторонников данной позиции всё же находили основания для деликтной квалификации ответственности арбитражного управляющего. Возражения против безвиновной ответственности также встречаются в научных работах того периода, однако их содержание не связывается с указанием на невозможность применения правила п. 3 ст. 401 ГК РФ к деликтам, но заключаются исключительно в

---

[1]Смаков В. М. Возмещение убытков по моделям защиты позитивного и негативного интереса: дис. … канд. юрид. наук. М., 2024. С. 34; Церковников М. А., Тололаева Н. В. Научно-практический комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» (начало) // Вестник гражданского права. 2023. № 5. С. 158.

[2]Федеральный закон от 30.12.2008 № 296-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 1. Ст. 4.

[3]Телюкина М. В. Временный управляющий. Его статус и полномочия // Законодательство и экономика. 1999. № 9.

[4]Мурашкина Е. В. Указ. соч. С. 78.

[5]Тай Ю. В. Указ. соч. С. 138.

[6] Научно-практический комментарий (постатейный) к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)» / под ред. В. В. Витрянского. М.: Статут, 2003. С. 1037.

отрицании предпринимательского характера деятельности арбитражного управляющего[1].

По вопросу об ответственности арбитражного управляющего за действия третьих лиц также наблюдается полное соответствие режиму обязательственной ответственности. Так, абз. 6 п. 1 ст. 20.3 Закона о банкротстве предоставляет арбитражному управляющему право привлекать для обеспечения исполнения возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве на договорной основе лиц с оплатой их деятельности за счёт средств должника. Кроме того, в процедурах, применяемых в деле о банкротстве, работники должника могут продолжать осуществлять свои трудовые функции. Наконец, арбитражный управляющий вправе заключать от имени должника договоры, направленные на обеспечение сохранности имущества должника, извлечение дохода от использования такого имущества третьими лицами и в иных целях, направленных на удовлетворение интересов должника и его кредиторов.

По мнению М. В. Телюкиной, арбитражный управляющий может нести ответственность за действия привлечённых им лиц с возможностью в дальнейшем взыскать с них сумму выплаченных им убытков в порядке регресса[2]. Данная позиция последовательно реализуется в судебной практике на уровне арбитражных судов апелляционной и кассационной инстанций по спорам о привлечении арбитражного управляющего к ответственности за утрату имущества должника лицом, которому оно передано на основании договора хранения[3] или под охрану[4]. В отношении работников должника и иных

---

[1] Дорохина Е. Г. Правовой статус арбитражного управляющего в деле о банкротстве организации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 43; Юхнин А. В. Правовые проблемы организации деятельности арбитражных управляющих: дис. … канд. юрид. наук. М., 2005. С. 113.

[2] Телюкина М. В. Конкурсное право: Теория и практика несостоятельности (банкротства). М.: Дело, 2002. С. 238.

[3] Определение Арбитражного суда Уральского округа от 22.06.2020 по делу № А07-17801/2015 // СудАкт. URL: https://clck.ru/3SEpfQ (дата обращения: 02.03.2026); Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23.11.2020 по делу № А40-68925/15 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.ru/3SEpqo (дата обращения: 02.03.2026); Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 28.07.2021 по делу № А78-8780/2012 // СудАкт. URL: https://clck.ru/3SEq26 (дата обращения: 02.03.2026); Постановление

привлекаемых арбитражным управляющим для обеспечения своей деятельности лиц в обзоре судебной практики ВС РФ сформирована универсальная позиция: «передача возложенных на арбитражного управляющего в деле о банкротстве обязанностей на третьих лиц не освобождает его от ответственности, предусмотренной абз. 1 п. 4 ст. 20.4 Закона о банкротстве»[1].

Наконец, именно в рамках обязательственной концепции правоотношения, складывающегося между арбитражным управляющим, должником и кредиторами, представляется возможным обосновать привлечение управляющего к гражданско-правовой ответственности за убытки, причинённые кредиторам несостоятельного должника, после прекращения производства по делу о банкротстве (завершения конкурсного производства, реализации имущества гражданина).

Как будет показано далее, убытки, причиняемые кредиторам вследствие неправомерных действий (бездействия) арбитражного управляющего, могут возникать по двум основным основаниям: во-первых, вследствие уменьшения или утраты возможности увеличения имущественной массы должника в период осуществления процедур банкротства; во-вторых, вследствие нарушения установленного Законом о банкротстве порядка удовлетворения требований кредиторов. Специфика первой группы убытков заключается в том, что на стадии производства по делу они выражаются в имущественных потерях самого должника как собственника имущества, находящегося под управлением. Однако по завершении процедуры банкротства неудовлетворённые вследствие недостаточности конкурсной массы требования кредиторов, в той части, в которой их неудовлетворение обусловлено неправомерным поведением арбитражного управляющего, образуют убытки на стороне кредиторов и могут быть взысканы ими в общеисковом порядке. В свою очередь, нарушение

Арбитражного суда Поволжского округа от 15.11.2018 по делу № А55-22048/2014 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.ru/3SEqC7 (дата обращения: 02.03.2026).

[4] Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 06.02.2020 по делу № А12-42281/2016 // СудАкт. URL: https://clck.ru/3SEqMn (дата обращения: 02.03.2026).

[1] Обзор судебной практики ВС РФ. 2016. № 3 (п. 3) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.ru/3SEqWb (дата обращения: 02.03.2026).

арбитражным управляющим порядка удовлетворения требований кредиторов непосредственно формирует основание его ответственности перед теми кредиторами, чьи имущественные права были нарушены соответствующими действиями.

Применение деликтной модели к рассматриваемым отношениям сопряжено с существенными затруднениями. Традиционно возникновение обязательства вследствие причинения вреда связывается с посягательством на абсолютные права[1]. Однако в анализируемых случаях имущественные потери кредиторов обусловлены неполучением причитающегося им исполнения по их материально-правовым требованиям к должнику, то есть затрагивают исключительно относительные имущественные права. В этой связи возникает вопрос о допустимости взыскания так называемых «чистых экономических потерь» (*pure economic loss*) посредством деликтного иска.

В российской доктрине данная проблема имеет, с формальной точки зрения, положительное решение. В силу п. 1 ст. 1064 ГК РФ подлежит возмещению вред, причинённый имуществу, при этом в соответствии со ст. 128 ГК РФ к имуществу относятся любые имущественные права, включая относительные[2]. Это позволяет допустить возможность взыскания чистых экономических потерь. Соответствующий подход находит подтверждение и в судебной практике[3]. Вместе с тем он подвергается обоснованной критике. В литературе указывается, что признание допустимости деликтной защиты при нарушении относительных прав способно привести к неоправданному расширению границ деликтного права[4].

---

[1]Иоффе О.С. Обязательство по возмещению вреда. Л., 1951. С. 7; Шевченко А.С., Шевченко Г.Н. Деликтные обязательства в российском гражданском праве: учеб. пособие. М., 2013. С. 2

[2]Гутников О.В. Деликтная ответственность за нарушение относительных прав: перспективы развития в российском праве // Закон. 2017. № 1. С. 22–37; Лугманов Р.Р. Деликтное право как средство взыскания чисто экономических убытков // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 2. С. 140

[3]Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 20.12.2018 по делу №305-ЭС18–14652 // Судакт. URL: https://clck.su/gWkPc (дата обращения: 31.05.2026).; Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 05.03.2019 по делу № 305-ЭС18-15540, А40-180646/201 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.su/eGKeV (дата обращения: 31.05.2026)

[4]Лугманов Р.Р. Указ. соч. С. 150

В числе основных возражений называются чрезмерное бремя для причинителя вреда, обусловленное потенциальной множественностью потерпевших, риск перегрузки судебной системы, а также сравнительно низкая социальная значимость сугубо экономических интересов[1]. В российской цивилистической доктрине высказываются позиции, допускающие возможность взыскания так называемых чисто экономических убытков посредством деликтного иска. Вместе с тем даже сторонники данного подхода, как правило, указывают на необходимость ограничения такой ответственности случаями, когда вред причинён умышленно[2].

В этих условиях представляется затруднительным обосновать деликтную ответственность арбитражного управляющего перед кредиторами за убытки, причинённые ненадлежащим исполнением обязанностей по увеличению конкурсной массы. Между тем в судебной практике широко распространён подход, допускающий взыскание с управляющего убытков, причинённых кредиторам вследствие непринятия мер по оспариванию сделок должника, взысканию дебиторской задолженности или привлечению контролирующих лиц к субсидиарной ответственности, что привело к утрате возможности увеличения конкурсной массы и недополучению кредиторами причитающегося им удовлетворения. При этом соответствующее бездействие управляющего нередко носит неумышленный характер, что при деликтной квалификации ответственности фактически лишало бы кредиторов возможности защиты.

Напротив, в рамках обязательственной концепции ответственность арбитражного управляющего связывается с нарушением субъективных прав кредиторов, вытекающих из обязательственного отношения с управляющим. Это позволяет устранить необходимость обращения к категории абсолютных благ как объекту посягательства и обеспечить надлежащее обоснование ответственности

---

[1] Копяков А.А. Проблема возмещения чистых экономических убытков в российском гражданском праве // Вестник гражданского права. 2020. № 1. С. 146-196 // СПС «КонсультантПлюс»

[2] Карапетов А.Г., Байбак В.В. С. 1198

независимо от формы вины, исходя из факта нарушения возложенных на управляющего обязанностей.

Таким образом, можно сделать вывод о наличии достаточных оснований для признания гражданско-правовой ответственности перед должником и его кредиторами разновидностью гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательств. Как следствие, дела о взыскании убытков с арбитражного управляющего представляет собой разновидность дел о привлечении к ответственности за нарушение обязательства. Надлежащими сторонами в нём являются исключительно участники сложного внедоговорного обязательственного отношения, в содержание которого входят, в том числе, обязанности арбитражного управляющего, установленные Законом о банкротстве, а их нарушение составляет основание соответствующего иска.

На основании вышеизложенного, руководствуясь необходимостью непротиворечивой системы регулирования, считаем возможным предложить внесение изменений в норму абз. 1 п. 4 ст. 20.4 Закона о банкротстве, изложив ее в следующей редакции: *«Арбитражный управляющий обязан возместить должнику и кредиторам убытки, которые причинены в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве, факт причинения которых установлен вступившим в законную силу решением суда».*

ГЛАВА 2. СУДОПРОИЗВОДСТВО ПО ДЕЛАМ О ВЗЫСКАНИИ УБЫТКОВ С АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО

§ 1. Причины, обусловливающие процессуальные особенности рассмотрения споров о взыскании убытков с арбитражного управляющего

Общепризнанным в науке цивилистического процесса является положение о том, что особенности материально-правового регулирования спорного правоотношения выступают одним из ключевых внешних факторов, влияющих на процессуальную форму рассмотрения отдельных категорий дел. Такое влияние проявляется, по меньшей мере, в двух основных направлениях. Во-первых, материально-правовая специфика спорных отношений способна обусловливать формирование специальных процессуальных норм, устанавливающих правила, отличные от общего порядка рассмотрения дел. Во-вторых, она наполняет конкретным содержанием общие процессуальные нормы при их применении к определённой категории споров [1]. Результат такого влияния выражается в формировании системы процессуальных правил, применяемых судом при рассмотрении определенной категории дел, т.е. процессуальных особенностей их рассмотрения[2].

В рамках указанного подхода принципиальное значение приобретает разграничение общих и специальных процессуальных норм. В процессуальной доктрине выработаны различные подходы к решению данной проблемы. Так, В.М. Шерстюк рассматривает в качестве общих такие нормы, которые на определённом уровне системы процессуального права регулируют общие элементы и признаки однородных процессуальных отношений. Специальными, соответственно, признаются нормы, направленные на регулирование элементов и признаков, характерных для отдельных групп процессуальных отношений либо

---

[1]Гражданский процесс : учебник для вузов / под ред. М. К. Треушникова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Городец, 2007. С. 352 (автор главы – В.М. Шерстюк)

[2]Баулин О.В. Специальные нормы в гражданском процессуальном праве. Воронеж, 1997. С. 25

для конкретного типичного правоотношения [1] . Сходная позиция получила развитие и в работах О.В. Баулина[2].

Наиболее последовательное разрешение данный вопрос получил в трудах Е.Г. Потапенко, который предлагает разграничивать общие и специальные нормы с учётом двух критериев: объёма предмета регулирования и содержания установленного правила. Общая норма, с этой точки зрения, представляет собой единое правило, рассчитанное на регулирование различных, как правило, сходных правоотношений. Специальная же норма закрепляет особое правило для отдельных правоотношений, конкретизируя или модифицируя содержание общей нормы. При этом существенным признаком специальной нормы является нетождественность её содержания содержанию общей нормы. Данное положение имеет особое значение для отграничения специальных норм от так называемых дублирующих предписаний, которые, будучи закреплёнными в материально-правовых актах, фактически воспроизводят содержание общих процессуальных правил[3].

Специальные процессуальные нормы могут содержаться как в процессуальных кодексах, так и в иных нормативных актах, в том числе преимущественно материально-правового характера. Однако вопрос о соотношении общей и специальной нормы может быть корректно решён лишь в пределах одного уровня правового регулирования. Иначе говоря, специальной может быть признана только такая норма, которая регулирует часть тех общественных отношений, которые на том же уровне системы права охватываются общей нормой. Поэтому при выявлении процессуальных особенностей конкретной категории дел необходимо прежде всего определить, по

---

[1] Шерстюк В. М. Теоретические проблемы развития гражданского процессуального, арбитражного процессуального права и исполнительного производства в Российской Федерации: монография. М.: Городец, 2021. С. 327–330.

[2] Баулин О.В. Специальные нормы в гражданском процессуальном праве. Воронеж.: Изд-во Воронеж. ун-та, 1997. С. 37-39.

[3] Потапенко Е.Г. Специализация и унификация цивилистического процессуального права: дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2023. С. 179-192

отношению к каким общим нормам соответствующее регулирование приобретает специальный характер.

Специальные процессуальные нормы, применяемые только при рассмотрении отдельных категорий дел, выступают наиболее очевидной формой выражения процессуальных особенностей. Их наличие свидетельствует о том, что законодатель признал специфику соответствующих материальных отношений настолько существенной, что она требует отступления от общего порядка судопроизводства или его дополнения. Вместе с тем влияние материального права на процессуальную форму этим не исчерпывается. Даже при отсутствии специальных процессуальных норм правовая природа спорного правоотношения способна определять особенности применения общих процессуальных положений: о подсудности, субъектном составе, предмете доказывания, распределении бремени доказывания, предмете и основании иска, содержании стадии подготовки дела к судебному разбирательству, судебном решении, обеспечительных мерах, сроках рассмотрения дела и иных процессуальных институтах[1].

Кроме того, самостоятельное значение имеет судебное толкование. Разъяснения высших судебных инстанций, не являясь самостоятельными источниками права, раскрывают действительный смысл как общих, так и специальных процессуальных норм, уточняя пределы и условия их применения к отдельным категориям споров[2]. В результате такого толкования формируется более конкретное содержание процессуальных правил применительно к определённой группе процессуальных отношений. Поэтому правовые позиции высших судов также участвуют в формировании процессуальных особенностей рассмотрения отдельных категорий дел.

Изложенное позволяет определить методологию выявления процессуальных особенностей конкретной категории споров. Она предполагает, во-первых,

---

[1]Гражданский процесс : учебник для вузов / под ред. М. К. Треушникова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Городец, 2007. С. 360 – 367 (автор главы – В.М. Шерстюк); Невоструев А.Г. Процессуальные особенности рассмотрения и разрешения жилищных дел: учебное пособие. М.: Статут, 2015. 174 с. // СПС «КонсультантПлюс»

[2]Баулин О.В. Специальные нормы в гражданском процессуальном праве. Воронеж.: Изд-во Воронеж. ун-та, 1997. С.4-24.

установление круга специальных процессуальных норм, закреплённых как в процессуальном законодательстве, так и в материально-правовых актах; во-вторых, анализ правовых позиций высших судебных инстанций, разъясняющих порядок применения соответствующих норм; в-третьих, конкретизация содержания общих процессуальных норм на основе норм материального законодательства, регулирующих спорное правоотношение. Тем самым указанные элементы в своей совокупности позволяют установить, каким образом материально-правовая природа дел соответствующей категории влияет на формирование процессуальных особенностей их рассмотрения. В дальнейшем использование данной методологии будет взято за основу характеристики процессуальных особенностей рассмотрения исследуемой категории дел.

Поскольку исполнение управляющим обязанностей ограничено, по меньшей мере, пределами производства по делу о банкротстве, само существование указанного обязательства и возможность его нарушения объективно обусловлены существованием дела о банкротстве, что предопределяет тесную связь дел о взыскании убытков, причиненных арбитражным управляющим должнику или его кредиторам, с делом о банкротстве. Специальным законодательным актом, регулирующим общественные отношения, возникающие при неспособности должника удовлетворить в полном объеме требования кредиторов, и содержащим как материальные, так и процессуальные нормы, выступающие специальными по отношению к общим нормам, содержащимся в кодифицированных актах материального и процессуального права, является Закон о банкротстве (п. 1 ст. 1 Закона о банкротстве). В сферу его регулирования входят, в том числе, отношения, возникающие в связи с осуществлением арбитражным управляющим своей профессиональной деятельности, а также с причинением убытков вследствие ненадлежащего исполнения возложенных на него обязанностей. На это прямо указывает п. 12 ст. 20 Закона о банкротстве, устанавливающий межсистемную подсудность соответствующих споров арбитражным судам и выступающий специальной нормой по отношению к общим положениям ч. 1-3 ст. 27 АПК РФ.

Как следствие, исследуемая разновидность споров рассматривается арбитражными судами по правилам, предусмотренным АПК РФ, являющимся общими процессуальными нормами, поскольку иное не предусмотрено Законом о банкротстве, закрепляющим специальные процессуальные нормы их рассмотрения.

Вместе с тем в данном контексте возникает самостоятельная проблема. Как установлено п. 1 ст. 20 Закона о банкротстве, арбитражным управляющим признаётся гражданин Российской Федерации, являющийся членом одной из саморегулируемых организаций. Избранный законодателем подход к определению арбитражного управляющего оставляет вопрос о том, изменяется ли межсистемная подсудность спора о взыскании убытков с управляющего, если к моменту возбуждения производства он утратил соответствующий статус.

Прекращение статуса арбитражного управляющего само по себе не влияет на ключевое обстоятельство, определяющее логику функционирования распределительного механизма, посредством которого государство обеспечивает отнесение различных категорий дел к компетенции различных юрисдикционных органов, а именно – на характер общественных отношений, из которых такие дела возникают [1] . Споры о взыскании убытков с арбитражного управляющего сохраняют своё материально-правовое содержание, представляя собой сложные экономические споры, разрешение которых требует высокой степени специальной профессиональной подготовки судей. Поэтому они подлежат рассмотрению судами, специализирующимися на разрешении экономических споров, то есть арбитражными судами. Согласно позиции Президиума ВАС, изложенной в постановлении №6962/11 по делу № А07-30069/2005 от 11.10.2011 г., заявления о взыскании убытков с арбитражного управляющего, независимо от утраты лицом статуса, подлежат рассмотрению в арбитражном суде.

[1]Осипов Ю. К. Подведомственность юридических дел: учеб. пособие. Свердловск, 1973. С. 121.

Нижестоящие суды придерживаются этой позиции[1], дополнительно обосновывая ее положениями, данными в разъяснениях ВАС РФ[2].

Следует отметить, что АПК РФ не содержит специальных процессуальных норм, регулирующих порядок производства по делам о взыскании убытков с арбитражного управляющего. Вследствие этого в контексте анализируемого направления влияния материально-правовой природы соответствующей категории дел на формирование процессуальных особенностей их рассмотрения выявление специального процессуального регулирования должно осуществляться прежде всего посредством обращения к положениям Закона о банкротстве.

Закон о банкротстве представляет собой комплексный нормативный правовой акт, объединяющий нормы материального и процессуального права. В науке данная особенность, как правило, объясняется смешанной материально-процессуальной природой отношений несостоятельности, в рамках которых используются как материально-правовые, так и процессуальные юридические процедуры[3].

Дела о банкротстве отнесены к компетенции арбитражных судов независимо от категории должника, за исключением специально предусмотренной законом внесудебной процедуры банкротства гражданина, осуществляемой через многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг. Особая правовая природа дел о банкротстве получила отражение и в арбитражном процессуальном законодательстве, где производству по данной категории дел посвящена самостоятельная глава (гл. 28 АПК РФ).

---

[1]Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29.08.2016 по делу № А40-48592/16 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.su/nbhHK (дата обращения: 31.05.2026).

[2]См. Постановление Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 60 «О некоторых вопросах, связанных с принятием Федерального закона от 30.12.2008 № 296-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.su/CKSsf (дата обращения: 31.05.2026).

[3]Сахнова Т.В. Банкротство как метапроцессуальная материя // Вестник гражданского процесса. 2024. № 1. С. 48 - 64.

Вместе с тем детализация процессуальной специфики дел о банкротстве сосредоточена именно в Законе о банкротстве. Данный закон содержит значительное число специальных норм, регулирующих порядок возбуждения дела, состав лиц, участвующих в деле, процессуальные сроки, порядок рассмотрения заявлений, жалоб и обособленных споров, а также иные особенности производства.

Особенностью производства по делу о банкротстве является его сложная структура, связанная с необходимостью разрешения в его рамках многочисленных, относительно независимых друг от друга, а также от основного дела о банкротстве споров. В соответствии с п. 14 Постановления № 35, рассмотрение дел о банкротстве включает в том числе разрешение отдельных относительно обособленных споров, в каждом из которых участвуют только отдельные участвующие в деле о банкротстве или в арбитражном процессе по делу о банкротстве лица. Впоследствии категория «обособленный спор» получила нормативное закрепление в ст. 60 Закона о банкротстве. Как отмечает Е. Е. Уксусова, именно необходимость разрешения разнообразных «мини-споров» в рамках консолидированного производства по делу о банкротстве придаёт последнему ярко выраженную специфику в части предмета и объёма судебной правоприменительной деятельности, организации судопроизводства[1].

Ю. Д. Подольский в своём исследовании выделяет следующие признаки обособленных споров[2]:

1. Это самостоятельные дела, нуждающиеся в разрешении судом, но неразрывно связанные с делом о банкротстве по основаниям возникновения спора, лицам, участвующим в деле, подведомственности и подсудности, материальным и процессуальным последствиям. Указанная связь проявляется также в воздействии результатов рассмотрения обособленного спора на ход и итоги дела о банкротстве.

---

[1] Уксусова Е. Е. Гражданское судопроизводство по делам о банкротстве: проблемы законодательного регулирования и правоприменения // Lexrussica, 2014. Т. 96. № 2. С. 211–227.
[2] Подольский Ю. Д. Обособленные споры в делах о несостоятельности (банкротстве): дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. С. 60–64.

2. Таким дела носят факультативный характер – необходимость их разрешения определяется конкретными обстоятельствами соответствующего дела о банкротстве. Так, гипотетически возможно представить дело о банкротстве, не осложнённое рассмотрением обособленных споров вообще.

3. Это отдельные дела, требующие разрешения спора о субъективном праве в порядке искового производства. Они, как и любые дела искового производства, характеризуются наличием спора о праве, а также наличием двух противоположных сторон. Кроме того, обращение в суд за защитой права в рамках обособленного спора реализуется путём предъявления иска.

Характеризуя связь обособленных споров с основным делом о банкротстве, А. В. Солодилов справедливо указывает на её иерархическую составляющую. Во-первых, обособленный спор может возникнуть и быть рассмотрен только в рамках дела о банкротстве, в то время как последнее может существовать независимо от наличия или отсутствия обособленных споров. Во-вторых, материальная и процессуальная специфика дела о банкротстве предопределяет содержание процессуальной формы рассмотрения обособленных споров в части определения круга лиц, участвующих в деле, подсудности обособленного спора. Таким образом, обоснованным будет утверждение о том, что обособленные споры находятся в подчинённом по отношению к делу о банкротстве состоянии[1].

В системе действующего законодательства такая позиция нуждается в корректировке. В соответствии с п. 2 ст. 60 Закона о банкротстве, некоторые обособленные споры рассматриваются судьёй единолично без проведения судебного заседания и вызова лиц, участвующих в деле о банкротстве. Применительно к данному положению Пленум ВС РФ в Постановлении от 17.12.2024 № 40 (далее – Постановление № 40) отмечает, что Закон о банкротстве устанавливает процессуальные особенности рассмотрения обособленных споров, производство по которым осуществляется в документарной форме посредством

---

[1]Солодилов А. В. К вопросу о понятии «обособленный спор» в арбитражном процессе (в связи с Постановлением Конституционного Суда РФ от 28.05.2024 № 26-П) // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2025. № 2. С. 90–102.

обмена процессуальными документами без проведения судебного заседания. Разрешение таких споров, получивших название «документарные обособленные споры», осуществляется в рамках особого процессуального порядка – «производства по документарным обособленным спорам»[1].

Правовая природа производства по документарным обособленным спорам (далее – документарное производство) в настоящий момент является малоисследованной. Современная доктрина обоснованно акцентирует внимание на концептуальном сходстве документарного производства с моделью упрощённого судопроизводства, выработанной в рамках цивилистического процесса[2]. Так, изначально рассмотрение происходит без проведения судебного заседания с возможностью при наличии определённых обстоятельств перейти к рассмотрению в судебном заседании без перехода на общий порядок рассмотрения дела. При наличии препятствий к документарному производству арбитражный суд также вправе перейти к рассмотрению обособленного спора в общем порядке. По результатам рассмотрения обособленного спора арбитражный суд выносит определение путём подписания резолютивной части.

В свою очередь Е. А. Царегородцева отвергает возможность их отождествления. По мнению исследователя, об их разной правовой природе свидетельствует, с одной стороны, нормативный запрет на рассмотрение в порядке упрощённого производства дел о несостоятельности (банкротстве) (ч. 4 ст. 227 АПК РФ), а с другой стороны, указание Пленума ВС РФ на субсидиарное применение правил об упрощённом производстве к рассмотрению документарных обособленных споров в части, не противоречащей существу документарного производства. Документарное производство, полагает Е. А. Царегородцева, стоит

---

[1]Постановление Пленума ВС РФ от 17.12.2024 № 40 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Федерального закона от 29 мая 2024 года № 107-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и статью 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.ru/3SFcWp (дата обращения: 03.03.2026).

[2]Лазарев С. В. Документарное производство рассмотрения отдельных обособленных споров по делам о несостоятельности: вопросы идентификации // Экономическое правосудие в Уральском округе. 2025. № 1. С. 95.

рассматривать в качестве одной из разновидностей упрощённых процедур, представляющей собой самостоятельный правовой институт[1].

Оставляя за рамками настоящей работы углублённый анализ проблемы правовой природы документарного производства, отметим ряд принципиальных для исследуемой проблематики положений.

В первую очередь, в связи с существованием соответствующего процессуального порядка рассмотрения отдельных категорий обособленных споров следует критически отнестись к утверждению о том, что всякий обособленный спор является делом искового производства. Ранее описанная специфика производства по делу о банкротстве предопределяет дифференциацию процессуальной формы рассмотрения обособленных споров, в том числе посредством упрощения порядка разрешения отдельных их категорий. Как отмечается в пояснительной записке к проекту Федерального закона от 29 мая 2024 г. № 107-ФЗ, упрощение банкротных процедур по отдельным категориям обособленных споров требуется потому, что существенная часть разрешаемых вопросов носит фактически бесспорный характер. Применение одинакового процессуального порядка при рассмотрении как фактически бесспорных дел, так и споров, характеризующихся наличием реального правового конфликта между сторонами, приводит к необоснованному повышению трудозатрат и расходов на проведение полноценного процесса[2]. Именно для решения данной проблемы были сформированы специальные процедуры рассмотрения отдельных категорий обособленных споров, что отвечает общей направленности на рационализацию судебной деятельности и согласуется с актуальными тенденциями развития цивилистического процесса[3].

---

[1] Царегородцева Е. А. Документарное производство как способ упрощения производства по делам о несостоятельности (банкротстве) // Арбитражный и гражданский процесс. 2025. № 8. С. 12–15.

[2] Законопроект № 516699-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и статью 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // СОЗД. URL: https://clck.ru/3SFcYY (дата обращения: 03.03.20206).

[3] Емалтынов А. Р., Боярский Д. А. Пределы документарного производства по включению требований в реестр кредиторов // Арбитражный и гражданский процесс. 2025. № 8. С. 37–40.

Основные отличительные черты производства по документарным обособленным спорам, как было отмечено ранее, заключаются в том, что судебное разбирательство осуществляется без проведения судебного заседания путём обмена процессуальными документами, итоговый судебный акт выносится в форме определения посредством подписания резолютивной части. Очевидно, такой процессуальный порядок не соответствует характеристике искового производства, что не позволяет отнести документарные обособленные споры к исковым делам.

Кроме того, подчеркнем, что в силу п. 2 ст. 60 Закона о банкротстве обособленные споры подлежат рассмотрению в порядке документарного производства только в случаях, указанных в законе. К ним относятся споры: о включении требований в реестр требований кредиторов (п. 2 ст. 71, п. 3 ст. 100 Закона о банкротстве); об истребовании документации и ценностей должника (абз. 2 п. 2 ст. 126 Закона о банкротстве); о продлении сроков внешнего управления, конкурсного производства (абз. 2 п. 2 ст. 108, п. 3 ст. 124 Закона о банкротстве) и т. д. В отношении же всех остальных обособленных споров остается справедливым вывод об их отнесении исковым спорам.

4. Наконец, обособленные споры характеризуются самостоятельным предметом доказывания и особым субъектным составом, который может выходить за пределы круга участников основного дела о банкротстве. Формирование такого состава обусловлено спецификой соответствующего материального правоотношения, поскольку судебный акт, принимаемый по результатам рассмотрения обособленного спора, способен затрагивать права и обязанности лиц, формально не отнесённых Законом о банкротстве ни к лицам, участвующим в деле о банкротстве, ни к лицам, участвующим в арбитражном процессе по делу о банкротстве.

Так, лица, в отношении которых подано заявление о привлечении к субсидиарной ответственности, не включены законом в число указанных категорий субъектов. Вместе с тем в силу специальных положений Закона о банкротстве такое лицо на основании мотивированного ходатайства может быть

привлечено арбитражным судом к участию в деле о банкротстве. При этом объём его процессуального участия ограничен рассмотрением тех вопросов, разрешение которых способно повлиять на привлечение его к ответственности или на размер такой ответственности.

Аналогичным образом саморегулируемая организация арбитражных управляющих, орган по контролю и надзору, а также кредиторы по текущим платежам могут наделяться процессуальными правами лишь применительно к тем обособленным спорам, которые затрагивают их права и обязанности. Следовательно, предоставление таким субъектам возможности участвовать в производстве по конкретному обособленному спору не означает их превращения в участников любого обособленного спора, возникающего в рамках дела о банкротстве.

Иной объём процессуальных возможностей принадлежит лицам, участвующим в деле о банкротстве. Согласно разъяснениям, содержащимся в Постановлении Пленума ВАС РФ № 35, такие лица вправе представлять доказательства при рассмотрении любого вопроса в деле о банкротстве, знакомиться со всеми материалами дела, получать копии судебных актов, обжаловать принятые судебные акты, а также осуществлять иные процессуальные права, предусмотренные ч. 1 ст. 41 АПК РФ. Другие субъекты, напротив, участвуют только в отдельных обособленных спорах, если их права и обязанности могут быть затронуты соответствующим судебным актом.

В связи с этим представляется обоснованной позиция, согласно которой право участия в обособленном споре определяется не отнесением лица к той или иной категории субъектов банкротного процесса (ст. 34-35 Закона о банкротстве), а влиянием судебного акта на его права и обязанности. Как справедливо отмечает В.Ю. Сильченко, по существу, субъектами процессуальных отношений в рамках обособленных споров выступают традиционные участники арбитражного процесса. Специфика производства по делу о банкротстве влияет преимущественно на порядок их вступления в процесс, но не формирует самостоятельной модели их процессуального положения, отличной от общих

правил арбитражного судопроизводства. Поэтому лица, имеющие юридически значимую заинтересованность в разрешении конкретного спора, приобретают процессуальные права лиц, участвующих в деле, в соответствии с характером такой заинтересованности и по общим правилам АПК РФ[1].

Из проведённого анализа следует, что, несмотря на признаваемую в доктрине относительную самостоятельность обособленных споров, их рассмотрение подчинено ряду процессуальных особенностей, обусловленных природой основного процессуального отношения, складывающегося в деле о банкротстве. В частности, такие споры рассматриваются тем арбитражным судом, в производстве которого находится основное дело о несостоятельности, а итоговым судебным актом, принимаемым по результатам их рассмотрения, выступает определение арбитражного суда.

К числу процессуальных особенностей рассмотрения обособленных споров относится установленный абз. 1 ст. 60 Закона о банкротстве сокращённый срок их рассмотрения. Соответствующие заявления, ходатайства и жалобы подлежат разрешению в течение одного месяца с даты их поступления в арбитражный суд. Данный срок является более коротким по сравнению с общим сроком рассмотрения дел в арбитражном процессе, предусмотренным п. 1 ст. 152 АПК РФ, что обусловлено необходимостью минимизации временных издержек при разрешении споров, способных повлиять на ход и результаты основного дела о банкротстве.

Процессуальная специфика обособленных споров проявляется также в порядке извещения участников дела. Согласно п. 35 Постановления Пленума ВС РФ № 40, лица, участвующие в деле о банкротстве, извещаются о нём однократно в порядке, предусмотренном ч. 1 ст. 121 АПК РФ, за исключением случаев, когда у суда имеются сведения об их осведомлённости о соответствующем деле. В дальнейшем на таких лиц возлагается обязанность самостоятельно отслеживать

---

[1] Сильченко В.Ю. Особенности рассмотрения дел о привлечении к субсидиарной ответственности в связи с невозможностью полного погашения требований кредиторов: дисс. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2024. С. 112-114

информацию о движении дела и принимаемых судебных актах в порядке ч. 6 ст. 121 АПК РФ, включая сведения о возбуждении новых обособленных споров. Судебные акты, в силу ч. 1 ст. 177 и ч. 1 ст. 186 АПК РФ, направляются лицам, участвующим в деле, посредством их размещения в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и считаются полученными по истечении дня, следующего за днём такого размещения. Указанный порядок применяется как к документарным, так и к иным обособленным спорам, рассматриваемым в рамках дела о банкротстве.

Иной подход должен применяться к лицам, которые не участвуют в основном деле о банкротстве, но привлекаются к участию в конкретном обособленном споре, например, в качестве ответчиков по требованиям о признании сделки недействительной или о привлечении к субсидиарной ответственности. Если у суда отсутствуют доказательства осведомлённости такого лица о деле о банкротстве, ему должны быть обеспечены все гарантии надлежащего судебного извещения, предусмотренные гл. 12 АПК РФ. При последующем возбуждении иного обособленного спора с участием того же лица оно также подлежит повторному извещению путём направления первого судебного акта по новому спору.

Особое регулирование установлено и в отношении обжалования судебных актов, принимаемых в деле о банкротстве. Судебные акты, предусмотренные Законом о банкротстве, но не предусмотренные АПК РФ, как правило, первоначально обжалуются в арбитражный суд апелляционной инстанции, а затем – в арбитражный суд округа в порядке, установленном п. 1 и 2 ст. 61 Закона о банкротстве. Исключение составляют судебные акты, указанные в п. 3 ст. 61 Закона о банкротстве: они могут быть обжалованы только в арбитражный суд апелляционной инстанции и не подлежат последующему кассационному пересмотру в арбитражном суде округа. Если апелляционная жалоба подана на определение, принятое путём подписания резолютивной части, срок направления жалобы и материалов дела в суд апелляционной инстанции исчисляется с момента изготовления определения в полном объёме.

Таким образом, специфика производства по делу о банкротстве предопределяет специализацию процессуальной формы рассмотрения обособленных споров. Это проявляется в специальных правилах определения субъектного состава, подсудности, формы итогового судебного акта, сроков рассмотрения, порядка извещения и обжалования, а также в формировании особого порядка производства по отдельным категориям обособленных споров, включая документарные обособленные споры.

Не возникает сомнений в том, что дела о взыскании убытков с арбитражного управляющего, возбуждённые в период производства по делу о банкротстве, соответствуют всем признакам обособленных споров. Прежде всего, при рассмотрении соответствующего дела разрешается спор о субъективном праве, в результате чего устанавливаются права и обязанности сторон спорного материального правоотношения. В условиях возбуждённого дела о банкротстве, в силу разъяснений, содержащихся в Постановлении № 35, указанное требование подлежит рассмотрению арбитражным судом, в производстве которого находится дело о банкротстве. Связь данного спора с основным делом о несостоятельности носит очевидный характер, поскольку удовлетворение требования о взыскании убытков направлено на пополнение имущественной массы должника, что, в свою очередь, оказывает влияние на объём удовлетворения требований кредиторов. Кроме того, указанное дело носит факультативный характер, поскольку возникновение оснований для привлечения арбитражного управляющего к ответственности не является обязательным элементом каждого дела о банкротстве. Таким образом, требование о возмещении убытков, причинённых арбитражным управляющим, которое заявлено в рамках уже возбуждённого дела о банкротстве, подлежит рассмотрению с применением процессуального порядка, установленного для обособленных споров, что отмечается на уровне разъяснений ВС РФ[1].

[1]Пункт 38 Постановление Пленума ВС РФ РФ от 17.12.2024 № 40 "О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Федерального закона от 29 мая 2024 года № 107-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и статью 223

В то же время необходимо учитывать, что возбуждение дела о возмещении убытков, причинённых арбитражным управляющим, допустимо как в период рассмотрения дела о банкротстве, так и после его прекращения (завершения конкурсного производства, реализации имущества гражданина). Данное правило прямо не закреплено в действующем Законе о банкротстве, в отличие, например, от регулирования порядка привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности (ст. 61.19 Закона о банкротстве). Вместе с тем соответствующий подход вытекает из разъяснений, содержащихся в п. 53 Постановления № 35. Как следствие, с утратой юридического факта-условия возникновения обособленного спора вследствие прекращения производства по делу о банкротстве (завершения конкурсного производства, реализации имущества гражданина) требование о взыскании убытков с арбитражного управляющего более не может быть рассмотрено в порядке, предусмотренном для обособленных споров. Иными словами, дело о взыскании убытков с арбитражного управляющего не приобретает в указанном случае признаков обособленного спора и подлежит рассмотрению в общеисковом порядке.

Таким образом, следует различать два процессуальных порядка рассмотрения дела о взыскании убытков с арбитражного управляющего:

1. В условиях возбуждённого дела о банкротстве дело о взыскании убытков с арбитражного управляющего подлежит рассмотрению по правилам, предусмотренным для обособленных споров, устанавливающим специальные правила подсудности; форму судебных актов, разрешающих дело по существу, срок рассмотрения дела, обжалования судебных актов, определения круга лиц, участвующих в деле, извещения лиц, участвующих в деле, и иных субъектов о возникшем споре и о результатах его рассмотрения. Так как в Законе о банкротстве нет прямого указания на документарную форму производства по спорам о взыскании убытков с арбитражного управляющего, рассмотрение таких

Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации»; Обзор судебной практики по вопросам участия арбитражного управляющего в деле о банкротстве// СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.su/ncqFo(дата обращения: 31.05.2026).

дел осуществляется в порядке искового производства с учётом особенностей, предусмотренных Законом о банкротстве.

2. После прекращения производства по делу о банкротстве (завершения конкурсного производства, реализации имущества гражданина) такое требование подлежит рассмотрению по общим правилам искового производства в арбитражном процессе.

Изложенное позволяет сделать несколько выводов. Прежде всего, Закон о банкротстве содержит совокупность специальных процессуальных норм, регулирующих порядок рассмотрения отдельных категорий споров, находящихся в особой юридической связи с делом о несостоятельности. По отношению к общим положениям АПК РФ, определяющим порядок рассмотрения исковых дел, указанные нормы обладают специальным характером. Вместе с тем они не подлежат применению к требованиям о взыскании убытков с арбитражного управляющего, заявленным вне рамок дела о банкротстве, поскольку после прекращения производства по делу о банкротстве (завершения конкурсного производства, реализации имущества гражданина) такие дела не сохраняют процессуальной природы обособленного спора. Следовательно, процессуальный порядок рассмотрения дел о взыскании убытков с арбитражного управляющего зависит от того, сохраняется ли их юридическая связь с основным делом о банкротстве.

В контексте настоящего исследования принципиальное значение имеет вопрос об основаниях такой процессуальной дифференциации. Представляется, что она не всегда обусловлена материально-правовой природой спорного правоотношения. В процессуальной науке справедливо отмечается, что специализация процессуальной формы может быть вызвана и иными факторами, включая необходимость сокращения временных и финансовых издержек, концентрации взаимосвязанных требований в одном производстве, обеспечения

эффективности судебной защиты и достижения целей соответствующего вида судопроизводства[1].

Производство по делу о банкротстве представляет собой сложную процессуальную конструкцию, в рамках которой посредством приёма процессуальной концентрации объединяются различные по своей материально-правовой природе споры. Такое объединение имеет не столько материально-правовые, сколько политико-правовые предпосылки: оно направлено на обслуживание целей основного дела о несостоятельности и на эффективное разрешение вопросов, способных повлиять на ход и результаты производства по делу о банкротстве[2]. Поэтому специальный порядок рассмотрения обособленных споров формируется не вследствие их единой материально-правовой природы, а вследствие того, что результаты их разрешения юридически связаны с делом о банкротстве и способны повлиять на достижение его целей. Именно этим объясняются сокращённые сроки их рассмотрения, специальное правило подсудности, необходимость привлечения к участию в споре лиц, участвующих в основном деле о банкротстве, а также особый порядок их извещения.

Данный вывод подтверждается тем, что материально-правовые требования, лежащие в основе таких споров, как правило, могут быть рассмотрены и за пределами дела о банкротстве после его завершения. Так, требование о взыскании убытков с арбитражного управляющего хотя и возникает в связи с осуществлением производства по делу о банкротстве, после завершения такого производства не прекращается и может быть предъявлено в общем исковом порядке. Аналогичная логика применима и к иным категориям споров, которые в период существования дела о банкротстве рассматриваются как обособленные, например, к требованиям о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности.

---

[1]Каратаев И.А. Процессуальная экономия в гражданском процессе: дисс. … канд. юрид. наук. Саратов, 2023. С. 106; Рассахатская Н.А. Оптимизация гражданской процессуальной формы как одно из направлений реализации правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. 2018. №2. С. 25-29.

[2]Балданов Р.В. Пределы концентрации обособленных споров в рамках дел о несостоятельности // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 11. С. 49–53.

Следовательно, процессуальные особенности рассмотрения обособленных споров не должны выводиться непосредственно из материально-правовой природы соответствующих спорных правоотношений. Их основанием выступает прежде всего юридическая связь таких споров с делом о банкротстве, выражающаяся во влиянии результатов их разрешения на ход, содержание и итоги процедуры. Именно эта связь служит основанием для формирования специального процессуального порядка.

В связи с этим следует выделять специальное по отношению к общему регулированию АПК РФ процессуальное регулирование порядка рассмотрения требований о взыскании убытков с арбитражного управляющего, предъявляемых в период производства по делу о банкротстве. Такое регулирование определяет их принадлежность к категории обособленных споров и обусловливает применение ранее обозначенных процессуальных особенностей. Эти особенности в большей мере связаны с функциональной и юридической связью соответствующих дел с производством по делу о банкротстве, чем с их собственно материально-правовой природой.

Вместе с тем на уровне регулирования процессуальных отношений, возникающих при рассмотрении споров, связанных с делом о банкротстве, указанные нормы могут выступать как общие по отношению к более специальным правилам, установленным для отдельных категорий обособленных споров. Речь идёт, в частности, о спорах об оспаривании сделок должника, взыскании убытков с арбитражного управляющего, привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности и иных сходных категориях. Иными словами, Закон о банкротстве формирует специальный процессуальный порядок рассмотрения связанных с банкротством требований, который, в свою очередь, может подвергаться дальнейшей дифференциации применительно к конкретным видам обособленных споров. Так, применительно к делам о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности законодатель устанавливает специальные правила предъявления заявления, доказывания, рассмотрения обеспечительных мер, содержания

судебного акта и иные особенности, предусмотренные, в частности, ст. 61.16 Закона о банкротстве.

Указанные особенности, как представляется, в большей степени обусловлены спецификой материально-правовой природы соответствующих спорных правоотношений. Так, требование о включении в заявление о привлечении к субсидиарной ответственности сведений, позволяющих с минимально необходимой степенью достоверности сделать обоснованное предположение о наличии у ответчика статуса контролирующего должника лица, связано с особенностями самого основания субсидиарной ответственности, предполагающего установление особой правовой связи между должником и ответчиком и т.п.

С учётом изложенного следует различать два уровня процессуальной специализации. Первый уровень образует специальное по отношению к АПК РФ регулирование порядка рассмотрения требований о взыскании убытков с арбитражного управляющего, предъявляемых в период производства по делу о банкротстве. Эти особенности связаны прежде всего с юридической связью соответствующего спора с делом о банкротстве, а не с материально-правовой природой самого требования о возмещении убытков.

Второй уровень процессуальной специализации связан с установлением специальных правил рассмотрения отдельных разновидностей обособленных споров. В отличие от первого уровня, такие правила предопределяются уже не самой принадлежностью спора к категории обособленных споров, а особенностями материально-правового отношения, лежащего в основе конкретного требования.

Применительно же к спорам о взыскании убытков с арбитражного управляющего Закон о банкротстве не содержит каких-либо специальных процессуальных норм, который отличали бы порядок их рассмотрения от порядка разрешения иных обособленных споров. Данный пробел в значительной мере восполняется судебной практикой. Как отмечается в доктрине, особенности рассмотрения отдельных категорий дел могут выражаться не только в

специальных процессуальных нормах, но и в правоприменительных положениях, формируемых судебной практикой [1]. Для споров о взыскании убытков с арбитражного управляющего это имеет принципиальное значение, поскольку именно судебная практика во многом определяет специфику их рассмотрения.

Одним из проявлений такой специфики является определение круга лиц, подлежащих привлечению к участию в соответствующем обособленном споре. Как отмечалось ранее, субъектный состав обособленных споров может быть шире субъектного состава основного дела о банкротстве. В процессуальной доктрине обоснованно указывается, что круг лиц, участвующих в деле, определяется структурой спорного материального правоотношения и связанных с ним отношений [2]. Следовательно, если судебный акт, выносимый по результатам рассмотрения дела, способен повлиять на права и обязанности лиц, находящихся в смежных правоотношениях, такие лица должны получить возможность участвовать в соответствующем деле.

Безусловный интерес в рассмотрении споров о взыскании убытков с арбитражного управляющего имеют лица, участвующие в деле о банкротстве. Их заинтересованность признаётся законом и судебной практикой, вследствие чего они вправе участвовать в рассмотрении обособленных споров в рамках дела о несостоятельности. Вместе с тем круг субъектов, юридически заинтересованных в исходе спора о взыскании убытков с управляющего, не исчерпывается лицами, участвующими в деле о банкротстве.

Особое значение в данном контексте имеют саморегулируемая организация арбитражных управляющих. Интерес саморегулируемой организации обусловлен тем, что арбитражный управляющий является её членом, а установление факта причинения им убытков в результате ненадлежащего исполнения обязанностей может повлечь применение к нему мер дисциплинарной ответственности вплоть до исключения из саморегулируемой организации. Кроме того, взыскание

---

[1] Баулин О.В. Специальные нормы в гражданском процессуальном праве. Воронеж.: Изд-во Воронеж. ун-та, 1997. С.4-24.

[2] Невоструев А.Г. Процессуальные особенности рассмотрения и разрешения жилищных дел: учебное пособие. М.: Статут, 2015. 174 с. // СПС «КонсультантПлюс»

убытков с управляющего способно повлечь обращение взыскания на средства компенсационного фонда, который служит финансовым обеспечением ответственности арбитражных управляющих (ст. 25.1 Закона о банкротстве).

Аналогичный юридический интерес имеется и у страховой организации, обеспечивающей ответственность арбитражного управляющего. Хотя такие организации не названы в ст. 35 Закона о банкротстве в числе лиц, участвующих в арбитражном процессе по делу о банкротстве, результат рассмотрения спора о взыскании убытков с управляющего непосредственно затрагивает их имущественную сферу, поскольку выплата соответствующего возмещения может осуществляться за счёт страхового покрытия (ст. 24.1 Закона о банкротстве).

Данная идея получила прямое закрепление в судебной практике. Так, ВС РФ неоднократно указывал на необходимость привлечения страховой организации и саморегулируемой организации к участию в обособленном споре о взыскании убытков с арбитражного управляющего[1].

Таким образом, специфика субъектного состава споров о взыскании убытков с арбитражного управляющего формируется не только общими правилами о лицах, участвующих в деле о банкротстве, но и правоприменительными положениями, учитывающими влияние судебного акта на права и обязанности иных субъектов, связанных с профессиональной ответственностью управляющего. В этом проявляется одна из самостоятельных процессуальных особенностей рассмотрения данной категории обособленных споров.

С обозначенным подходом судебной практики следует согласиться. По существу, соответствующие разъяснения представляют собой закрепление на уровне разъяснений высших судов доктринального положения о том, что

---

[1] Определение ВС Российской Федерации от 12.05.2021 № 304-ЭС21-5072 по делу № А46-17956/2019 // ВС РФ: официальный сайт. URL: https://clck.su/voIUy (дата обращения: 10.05.2026); Определение ВС Российской Федерации от 08.10.2020 № 305-ЭС20-14395(1, 2, 3) по делу № А40-141788/2015 // ВС РФ: официальный сайт. URL: https://clck.su/aoQrB (дата обращения: 10.05.2026); Обзор судебной практики по вопросам участия арбитражного управляющего в деле о банкротстве // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.su/ncqFo (дата обращения: 31.05.2026).

процессуальные особенности рассмотрения отдельных категорий дел могут формироваться посредством конкретизации общих процессуальных норм с учётом содержания спорного материального правоотношения.

В указанных положениях наиболее наглядно проявляется влияние материально-правовой природы дела на процессуальный порядок его рассмотрения. Данное обстоятельство имеет принципиальное значение, поскольку соответствующие процессуальные особенности сохраняют значение независимо от того, рассматривается ли требование о взыскании убытков с арбитражного управляющего в рамках дела о банкротстве как обособленный спор либо после прекращения производства по делу о банкротстве (завершения конкурсного производства, реализации имущества гражданина) в порядке общеискового производства.

Именно в данном направлении выявления процессуальных особенностей рассмотрения споров о взыскании убытков с арбитражного управляющего наиболее интенсивно проявляется влияние материально-правовой специфики спорного правоотношения. Даже если такие особенности не получают прямого закрепления в специальных процессуальных нормах, они подлежат учёту судом при рассмотрении любого дела данной категории.

Выявления таких особенностей предполагает извлечение процессуально значимой информации из норм материального права, регулирующих спорное правоотношения. В доктрине обоснованно отмечается, что материально-правовая природа спорного правоотношения способна конкретизировать общие процессуальные нормы применительно к различным институтам: подсудности, субъектному составу процесса, процессуальному соучастию, предмету и основанию иска, предмету доказывания, содержанию отдельных стадий процесса, особенностям судебного решения и иным элементам процессуальной формы[1]. В

[1] Невоструев А.Г. Процессуальные особенности рассмотрения и разрешения жилищных дел: учебное пособие. М.: Статут, 2015. 174 с. // СПС «КонсультантПлюс»; Шерстюк В. М. Теоретические проблемы развития гражданского процессуального, арбитражного процессуального права и исполнительного производства в Российской Федерации: монография. М.: Городец, 2021. С. 327–358; Вялых Е. И. Процессуальные особенности рассмотрения

конечном счёте возникновение процессуальных особенностей определяется характером правовой связи между сторонами спорного правоотношения и связанными с ним субъектами.

Следовательно, процессуальный порядок рассмотрения конкретной категории споров должен включать те процедурные элементы, которые необходимы для правильного разрешения соответствующих дел и обусловлены материально-правовыми особенностями спорного отношения.

Применительно к теме настоящего исследования это означает, что выявление процессуальных особенностей рассмотрения споров о взыскании убытков с арбитражного управляющего должно основываться на анализе нормативных, правоприменительных и доктринальных положений, раскрывающих специфику и структуру соответствующего материального правоотношения. Именно такой подход позволяет в условиях отсутствия самостоятельного комплекса специальных процессуальных норм, регулирующих порядок рассмотрения дел о взыскании убытков с арбитражного управляющего, определить, каким образом правовая природа данной категории дел влияет на формирование процессуальных особенностей их рассмотрения.

Как отмечалось ранее, предметом производства по делам о взыскании убытков с арбитражного управляющего является охранительное правоотношение, возникающее вследствие нарушения управляющим обязательственного правоотношения, связывающего его с должником и кредиторами и установленного, в конечном счёте, к выгоде последних. В силу этого ответственность арбитражного управляющего имеет обязательственный характер, а соответствующие дела по своей правовой природе относятся к делам о привлечении к ответственности за нарушение обязательства.

Специфика данного обязательственного отношения состоит в том, что на стороне выгодоприобретателей выступает широкий круг субъектов – кредиторов

корпоративных споров в Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 2018. С. 88–121.

должника, чьи требования подлежат удовлетворению за счёт имущества, находящегося под управлением арбитражного управляющего. Поэтому как надлежащее, так и ненадлежащее управление имуществом должника способно порождать имущественные последствия не только для самого должника, но и для множества лиц, заинтересованных в максимальном наполнении его имущества. Последствия допущенного управляющим правонарушения на имущественной сфере широкого круга субъектов, что ставит вопрос о необходимости использования процессуальных механизмов, обеспечивающих эффективную защиту коллективного интереса кредиторов.

При этом имущественные потери кредиторов возникают опосредованно: через уменьшение имущественной массы должника, сохраняющего право собственности на управляемое имущество. В сложившейся судебной практике признаётся возможность самостоятельного обращения кредиторов с требованием о взыскании убытков с арбитражного управляющего в пользу должника. Однако такая модель нуждается в отдельном обосновании, поскольку кредиторы фактически инициируют защиту имущественной сферы самостоятельного субъекта права, тогда как АПК РФ и Закон о банкротстве прямо не называют данную ситуацию среди случаев обращения в суд в защиту чужих прав и законных интересов (ч. 2 ст. 53 АПК РФ). В связи с этим возникает необходимость определить правовую природу соответствующего средства защиты.

Наиболее интенсивное влияние материально-правовая специфика рассматриваемого правоотношения оказывает на процесс доказывания. Привлечение арбитражного управляющего к гражданско-правовой ответственности требует установления традиционных элементов состава ответственности: противоправности поведения, вины, убытков и причинной связи между нарушением и наступившими имущественными последствиями. Вместе с тем содержание каждого из указанных элементов приобретает особенности, обусловленные правовым статусом арбитражного управляющего, характером осуществляемой им деятельности, множественностью затрагиваемых интересов, а

также тем, что причинённые убытки нередко выражаются не в прямом выбытии имущества, а в утрате возможности пополнения имущественной массы должника.

Таким образом, дальнейшее исследование предполагает последовательное раскрытие процессуальных особенностей, формирующихся под влиянием материально-правовой природы дел о взыскании убытков с арбитражного управляющего. Прежде всего подлежит рассмотрению вопрос о квалификации процессуальных средств защиты лиц, имущественная сфера которых затронута неправомерными действиями или бездействием арбитражного управляющего. Далее необходимо оценить применимость института группового производства к требованиям о взыскании таких убытков. Завершающим направлением анализа станет определение круга фактов, входящих в предмет доказывания по данной категории дел, с учётом специфики материального правоотношения гражданско-правовой ответственности арбитражного управляющего.

§ 2. Квалификация исков о взыскании убытков с арбитражного управляющего

Независимо от вида применяемой в деле о банкротстве процедуры, арбитражный управляющий в любом случае наделяется контролем над имуществом должника, выражающимся в совокупности правомочий, позволяющих оказывать влияние на его правовую судьбу. Данный контроль носит функциональный характер и направлен на достижение целей соответствующей процедуры банкротства, что обусловливает возложение на управляющего комплекса обязанностей по обеспечению сохранности и приумножения имущественной массы. Указанные обязанности формируют содержание обязательственного правоотношения, в рамках которого арбитражный управляющий несет ответственность как перед должником, так и перед его кредиторами.

Вместе с тем наличие у управляющего широких контрольных полномочий неизбежно сопряжено с риском их недобросовестного или ненадлежащего

осуществления. Нарушение возложенных на арбитражного управляющего обязанностей, равно как и злоупотребление предоставленными ему правами, объективно отражается на имущественной массе должника. Соответствующие последствия могут выражаться как в ее уменьшении (например, вследствие присвоения имущества, совершения заведомо невыгодных сделок, утраты или повреждения активов), так и в утрате возможности ее увеличения (в частности, при непринятии мер по оспариванию сделок должника или взысканию дебиторской задолженности).

Подобные нарушения затрагивают интересы всех участников рассматриваемого обязательственного отношения. Как правило, первоначально имущественные потери возникают на стороне должника как собственника имущества, составляющего предмет управления. Поскольку арбитражный управляющий несет обязанности перед должником, их нарушение при наличии причинно-следственной связи с наступившими неблагоприятными имущественными последствиями образует состав убытков, подлежащих возмещению в пользу должника с целью восстановления его нарушенных прав. Данный вывод сохраняет свою силу и в ситуациях, когда в ходе процедуры банкротства должник восстановил платежеспособность либо между сторонами было заключено мировое соглашение.

В восстановлении имущественной сферы должника объективно заинтересованы и кредиторы, поскольку объем удовлетворения их требований прямо зависит от величины имущественной массы должника. В связи с этим негативные последствия, вызванные неправомерными действиями арбитражного управляющего, затрагивают и их интересы, однако носят косвенный характер. Лишь после завершения производства по делу о банкротстве такие последствия составляют собственные имущественные потери кредиторов, приобретая форму убытков в виде неполученного удовлетворения их требований. Соответственно, именно с этого момента кредиторы становятся субъектами охранительного правоотношения по возмещению Хотя нарушение обязанностей управляющего

затрагивает права кредиторов на протяжении всей процедуры, лишь по ее завершении формируется полный состав убытков на их стороне.

В то же время в ряде случаев неблагоприятные последствия противоправных действий арбитражного управляющего непосредственно затрагивают имущественную сферу кредиторов уже в период производства по делу о банкротстве. Речь идет о ситуациях нарушения установленного законом порядка удовлетворения требований кредиторов – очередности и пропорциональности (календарной последовательности платежей в отношении кредиторов по текущим платежам). В подобных случаях уменьшение имущественной массы должника сопровождается соразмерным снижением его долговой нагрузки, что исключает наличие убытков на стороне должника. Вместе с тем прямые имущественные потери возникают у тех кредиторов, которые были лишены причитающегося им удовлетворения вследствие неправомерных действий управляющего.

Исходя из изложенного, представляется обоснованной необходимость классификации убытков, причиняемых арбитражным управляющим, по ряду критериев: характеру имущественных потерь, личности потерпевшего субъекта, а также стадии (состоянию) производства по делу о банкротстве. В этой связи предлагается выделять следующие группы:

1) убытки, причиняемые должнику и выражающиеся в уменьшении либо утрате возможности увеличения его имущественной массы:

а) в период производства по делу о банкротстве;

б) после прекращения производства – в случаях восстановления платежеспособности или заключения мирового соглашения, а также после завершения реализации имущества гражданина применительно к должнику-гражданину – в части, превышающей совокупный объем требований кредиторов;

2) убытки, причиняемые кредиторам:

а) в период производства по делу о банкротстве – в виде неполученной имущественной выгоды вследствие нарушения порядка удовлетворения требований;

б) после прекращения производства по делу о банкротстве (завершения конкурсного производства, реализации имущества гражданина) – в виде производных от убытков должника имущественных потерь, выражающихся в неполученном удовлетворении, которое могло бы быть достигнуто при надлежащем исполнении управляющим своих обязанностей.

Многообразие возможных нарушений, сложность субъектного состава (обусловленная множественностью участников и их связью в рамках единого обязательственного отношения), а также зависимость принадлежности права требования от стадии процедуры банкротства предопределяют необходимость формирования в российском правопорядке системной совокупности процессуальных средств защиты, учитывающих указанную специфику. Их характеристика должна осуществляться с опорой на предложенную классификацию убытков.

В период производства по делу о банкротстве гражданина требование о взыскании убытков, причиненных должнику арбитражным управляющим вследствие ненадлежащего исполнения им своих обязанностей и выражающихся в уменьшении либо утрате возможности увеличения имущественной массы **(1а)**, может быть заявлено самим должником, его законными представителями, а также вновь утвержденным финансовым управляющим. В деле о банкротстве юридического лица соответствующее право реализуется от имени должника его руководителем (до момента отстранения), а также вновь утвержденным арбитражным управляющим. Удовлетворение такого требования влечет присуждение в пользу должника, что обеспечивает восстановление его прав.

Вместе с тем последствия удовлетворения подобного иска выходят за пределы интересов исключительно должника и затрагивают более широкий круг субъектов, прежде всего кредиторов. Последние выступают выгодоприобретателями в рассматриваемом обязательстве, поскольку удовлетворение их требований осуществляется за счет имущества должника, а потому напрямую зависит от его объема. Более того, обязанности арбитражного управляющего по обеспечению сохранности и увеличению имущественной массы

адресованы не только должнику, но и кредиторам, вследствие чего их нарушение затрагивает и права последних.

Однако, несмотря на указанную заинтересованность, кредиторы в рассматриваемой ситуации не признаются надлежащими субъектами права требования о возмещении убытков, поскольку на их стороне отсутствуют непосредственные имущественные потери. Соответствующее право принадлежит должнику как самостоятельному субъекту гражданского права. Нарушение обязанностей арбитражного управляющего порождает охранительное правоотношение, в котором управляющий выступает обязанным, а должник – управомоченным субъектом, чьи права нарушены вследствие прямого причинения ему убытков.

Действующее законодательство о банкротстве не наделяет кредиторов статусом представителей должника и не предусматривает их права обращаться в арбитражный суд в защиту его прав и законных интересов (ч. 2 ст. 53 АПК РФ). Следовательно, кредиторы не являются надлежащими истцами по требованиям о взыскании убытков, причиненных должнику, и предъявление ими таких исков от собственного имени должно влечь отказ в их удовлетворении.

Вместе с тем в правоприменительной практике сформировался противоположный подход: несмотря на отсутствие прямого нормативного основания, суды устойчиво признают допустимым предъявление кредиторами требований о взыскании убытков с арбитражного управляющего в пользу должника в период производства по делу о банкротстве, что свидетельствует о наличии существенного расхождения между законодательной моделью и практикой ее применения.

Особенностью отечественного законодательства о несостоятельности (банкротстве) является то, что специфика отдельных материально-правовых требований к должнику предопределяет особый правовой статус их субъектов в деле о банкротстве. Так, учредители (участники) и работники (бывшие работники) должника, являющиеся, как отмечалось ранее, кредиторами должника, не отнесены к числу лиц, участвующих в деле о банкротстве и соответствующем

арбитражном процессе, защиту их прав и законных интересов осуществляют избираемые ими представители. Как отмечают КС РФ и ВС РФ, такое регулирование направлено в том числе на формирование и представление в рамках дела о банкротстве коллективных интересов всех (или большинства, если выработать единую позицию не представляется возможным) работников (в том числе бывших) должника[1], а также его учредителей (участников)[2] с целью предотвращения несогласованного участия большого количества лиц в деле о банкротстве. Однако в ряде случаев указанные субъекты вправе самостоятельно осуществлять свои процессуальные права, в том числе, обращаться в арбитражный суд с требованием о взыскании убытков с арбитражного управляющего.

Так, на уровне обзоров судебной практики ВС РФ закрепил позицию, согласно которой, в случае противопоставления законных интересов одних работников должника перед другими (например, преимущественного удовлетворения требований по оплате труда части трудового коллектива перед иными, имеющими приоритетную очерёдность погашения задолженности, работниками) осуществление своих прав через выборного представителя противоречит самой сути предназначения последнего, которая заключается исключительно в защите общих интересов[3]. Примечательно, что в модельном деле, взятом за основу для разъяснения, предметом рассмотрения было требование работников (бывших работников) должника о признании действий арбитражного управляющего незаконными и взыскании с него убытков[4].

---

[1] Определение ВС РФ от 03.06.2019 по делу № А12-18544/2015 // СудАкт. URL: https://clck.ru/3SFchf (дата обращения: 03.03.2026).

[2]Определение КС РФ от 24.04.2018 № 1008-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дроздова Владимира Викторовича на нарушение его конституционных прав статьями 34 и 35 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // ЛегалАкт. URL: https://clck.ru/3SFcjW (дата обращения: 03.03.2026).

[3]Обзор судебной практики ВС РФ. 2019. № 3 (п. 23) // СудАкт. URL: https://clck.ru/3SFckV (дата обращения: 03.03.2026).

[4]Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 03.06.2019 № 306-ЭС17-13670(10) по делу № А12-18544/2015 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.su/wCKQF (дата обращения: 31.05.2026).

В отношении учредителей (участников) должника также сформировались исключения из общего правила об осуществлении принадлежащих им прав через представителя. Так, согласно мнению высших судебных инстанций, участник должника вправе самостоятельно реализовывать предусмотренные законом процессуальные возможности при наличии корпоративного конфликта[1]. Кроме того, избрание представителя в принципе не предполагается при наличии у должника единственного участника, который пользуется всей полнотой процессуальных прав[2].

Существенное значение результаты рассмотрения данного дела имеют и для лиц, привлеченных к субсидиарной ответственности за невозможность полного погашения требований кредиторов, поскольку размер такой ответственности в силу статьи 61.11 Закона о банкротстве определяется размером оставшихся непогашенными в результате производства по делу требований кредиторов. Данные лица также являются кредиторами должника, участниками рассматриваемого обязательственного отношения. Вместе с тем характер принадлежащего им материально-правового требования, по оценке российского законодателя, обусловливает необходимость установления определённых ограничений в объёме предоставляемых им прав в производстве по делу о несостоятельности (банкротстве) по сравнению с иными кредиторами. Как отмечает ВС РФ, на правовое положение таких субъектов влияют два ключевых обстоятельства: 1) совокупный размер требований кредиторов к должнику и 2) объём конкурсной массы. Разница между двумя названными величинами и составляет размер субсидиарной ответственности контролирующего лица. Соответственно, ему должны быть предоставлены полномочия тем или иным

---

[1]Обзор судебной практики ВС РФ. 2016. № 3 (п. 2). Постановление Президиума ВАС РФ от 18.02.2014 № 8457/13 // Федеральные арбитражные суды. URL: https://clck.ru/3SFcoN (дата обращения: 03.03.2026).

[2]Рекомендации научно-консультативного совета при Арбитражном суде Восточно-Сибирского округа от 29.09.2015 г. (п. 11) // Контур.Норматив. URL: https://clck.ru/3SFcp4 (дата обращения: 03.03.2026); Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 03.06.2019 по делу № А55-19804/2018 // СудАкт. URL: https://clck.ru/3SFcpn (дата обращения: 03.03.2026).

образом влиять на две указанные величины, так как они ему объективно противопоставляются[1].

Таким образом, с точки зрения сложившейся российской судебной практики, требование о взыскании с арбитражного управляющего причинённых должнику убытков при установлении соответствующего основания подлежит удовлетворению арбитражным судом не только в том случае, если оно заявлено должником как лицом, чьё право нарушено неправомерными действиями арбитражного управляющего и в пользу которого будет осуществляться присуждение, и его представителем, но и кредиторами, имеющими заинтересованность в пополнении имущественной массы должника в результате удовлетворения такого иска. Иными словами, хотя выгода от благоприятного судебного решения относится к имущественной сфере должника, право требовать присуждения соответствующей выгоды в его пользу принадлежит не только ему, но и иным лицам, которые наряду с должником состоят в обязательственном отношении с арбитражным управляющим и выступают в нём в качестве выгодоприобретателей. В силу своего положения в данном обязательстве кредиторы способны извлекать производные имущественные выгоды из восстановления имущественных прав должника.

Обращая внимание на данное обстоятельство, российские арбитражные суды указывают, что иски кредиторов и лиц, привлеченных к субсидиарной ответственности, о взыскании убытков с арбитражного управляющего являются косвенными исками, поскольку они направлены на защиту нарушенных прав должника как непосредственного потерпевшего, в то время как интересы инициаторов спора удовлетворяются лишь опосредованно, через восстановление имущественной сферы должника[2].

---

[1] Определении ВС РФ от 30.09.2021 по делу № А56-17680/2017 // ЛегалАкт. URL: https://clck.ru/3SFcqV (дата обращения: 03.03.2026).

[2]Определение ВС РФ от 31.10.2017 № 304-ЭС17-15459 по делу № А27-15115/2013 // Судакт. URL: https://clck.su/KjJHh (дата обращения: 31.05.2026); Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 20.03.2024 по делу № А74-2718/2017 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.ru/3SFcsr (дата обращения: 03.03.2026).

В российской цивилистической доктрине косвенные иски традиционно выделяются в рамках классификации исков по характеру защищаемого интереса наряду с личными, групповыми, исками в защиту публичных и государственных интересов, а также исками в защиту прав других лиц [1]. Отличительной особенностью косвенных исков является опосредованный характер защиты интересов лица, инициирующего соответствующий спор. Такая защита реализуется посредством восстановления прав и законных интересов иного лица.

Наибольшую доктринальную разработку институт косвенных исков получил применительно к требованиям, возникающим из корпоративных правоотношений, что нашло своё отражение и в его определениях. Так, Г. О. Аболонин рассматривает производный иск как обращение в защиту нарушенного права акционерного общества или обществ с ограниченной ответственностью от лица одного или нескольких акционеров или участников данного общества, осуществляемое на основании положений гражданского права[2]. По мнению Л. А. Бурцевой, косвенный иск представляет собой обращение участника юридического лица с требованием о защите нарушенного или оспариваемого права или охраняемого законом интереса юридического лица, а также охраняемого законом косвенного интереса самого участника путём разрешения спора о праве[3].

М. А. Рожкова и вовсе указывает на то, что предназначение косвенного иска исчерпывается корпоративными отношениями [4]. Г. Л. Осокина, выражая критическое отношение к использованию терминов «косвенный» и «групповой иск» для обозначения соответствующего способа защиты, предлагает именовать

---

[1]Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства / под ред. В. В. Яркова. М.: Статут, 2021 (автор параграфа – Ю.А. Тимофеев).

[2]Аболонин Г. О. Групповые иски. М.: Норма, 2001. С. 43–44.

[3] Бурцева Л. А. Гражданско-правовые проблемы применения косвенного иска как способа защиты хозяйственных товариществ: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2011. С. 8.

[4]Рожкова М. А. И вновь о групповых и косвенных исках // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2007. № 5. С. 29.

такие иски корпоративными, поскольку это позволит наиболее адекватно отразить сущность и предназначение образующих их предмет требований[1].

Вместе с тем, Т. А. Васильева отмечает необоснованность ограничения сферы применения косвенного иска исключительно корпоративными отношениями. По мнению автора, косвенный иск может быть определён как требование к суду о защите субъективного гражданского права, предъявленное лицом, за которым на уровне судебного прецедента (в странах, следующих парадигме *actio-ius*) или на уровне законодательства (в странах, следующих парадигме *ius-actio*) признана возможность сформировать волю на предъявление и поддержание иска в интересах другого лица. Общим условием косвенного иска служит косвенная заинтересованность, необходимость в которой возникает при наличии дефектов в прямом механизме формирования воли[2]. Ключевую роль в рамках данной концепции играет не характер заинтересованности в получении какой-либо имущественной выгоды от защиты прав и интересов потерпевшего, но необходимость преодоления конфликта интересов на стороне лиц, выступающих от его имени (и в то же время являющихся потенциальными причинителями ущерба)[3]. В тех случаях, когда защита прав и законных интересов потерпевшего объективно затруднена либо становится невозможной вследствие того, что обязанность по принятию соответствующих мер возложена на лицо, одновременно являющееся причинителем ущерба и потому находящееся в состоянии конфликта интересов с самим потерпевшим, правопорядок предусматривает предоставление иным субъектам экстраординарного средства защиты в виде косвенного иска.

Данный подход вызывает интерес, так как не рассматривает материальное содержание правоотношения, формирующего предпосылки для возникновения права на косвенный иск в качестве конституирующего признака, что позволяет

---

[1]Осокина Г. Л. Иск (теория и практика). М.: Городец, 2000. С. 98–99.

[2] Васильева Т. А. Косвенный иск в цивилистическом процессе: сравнительно-правовое исследование: дис. … канд. юрид. наук. Красноярск, 2019. С. 93.

[3]Глазунов А. Ю. Защита имущественных прав и интересов участников хозяйственных обществ на примере отдельных институтов гражданского права: дис. … канд. юрид. наук. М., 2021. С. 62–64.

говорить о возможности использовать данное средство защиты вне корпоративных правоотношений.

Такая позиция разделяется и другими специалистами. В частности, Д. А. Нагоева указывает, что в качестве косвенных могут выступать иски организации по управлению интеллектуальными правами на коллективной основе, а также аккредитованной организации (ст. 1244 ГК РФ), предъявленные в защиту интересов правообладателей (ч. 5 ст. 1242 ГК РФ). Иски граждан о возмещении вреда, причинённого окружающей среде и её компонентам, независимо от причинения вреда их здоровью или имуществу также предлагается считать косвенными, поскольку присуждение по соответствующему судебному решению осуществляется в пользу государства[1].

Ответ на вопрос о возможности применения модели косвенного иска для защиты прав и законных интересов субъектов общественных отношений, лежащих за пределами предмета корпоративного права, зависит от концептуального представления о существенных свойствах данного инструмента. Так, согласно наиболее распространённой в литературе точке зрения, отличительными свойствами косвенного иска, одновременно формирующими основание для его выделения в качестве самостоятельной разновидности исков, являются характер защищаемого им интереса и личность выгодоприобретателя[2]. В полной мере существо данной позиции раскрыто Е. И. Вялых, по мнению которого, косвенный иск представляет собой обращение за судебной защитой лицом, не являющимся участником спорного правоотношения, в защиту не собственных интересов и прав, а в пользу другого самостоятельного субъекта правоотношений, которое является выгодоприобретателем, так как присуждение по иску на основании судебного решения будет осуществляется в пользу последнего. При этом подача такого иска обеспечивает опосредованную защиту

---

[1] Нагоева Д. А. Проблема определения производного (косвенного) иска // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. № 3. С. 59–63.

[2] Ярков В. В. Косвенные иски: проблемы теории и практики // Корпоративный юрист. 2007. № 11. С. 52–58.

собственных прав и законных интересов заявителя за счёт присуждения в пользу другого лица[1].

Аналогичное представление закрепилось на уровне судебной практики ВС РФ, отмечающего, что при предъявлении требования о признании недействительной сделки с заинтересованностью, совершённой во вред интересам корпорации, участник корпорации действует не только в интересах самой корпорации, но и преследует свой опосредованный (косвенный) интерес (а поэтому, по сути, является косвенным истцом), который обосновывается наличием у участника как истца материально-правового требования, обусловленного недопущением причинения ему ущерба, как субъекту гражданско-правовых отношений. Объект защиты по косвенному иску не может определяться как категоричный выбор в пользу защиты субъективного права юридического лица либо его участников[2]. Как поясняют Д. И. Степанов и Ю. С. Михальчук, при таком понимании участник, обращаясь с косвенным иском, одновременно защищает и себя, и корпорацию: себя, поскольку от того, как идут дела у корпорации, зависит финансовое благосостояние и самого участника; корпорацию потому, что, во-первых, сама она, видимо, этого сделать не в силах, а во-вторых, интерес корпорации определяется не кем иным, как её участниками[3].

При этом, ранее упомянутая концепция, связывающая право на предъявление косвенного иска с дефектом механизма формирования воли субъекта, на защиту нарушенного или оспариваемого права которого направлен косвенный иск, не отрицает, но дополняет приведённые теоретические положения. Именно перспектива извлечения производной выгоды от присуждения в пользу прямого выгодоприобретателя предопределяет заинтересованность лица, инициирующего соответствующий спор, в преодолении препятствий к восстановлению прав (законных интересов) прямого выгодоприобретателя и тем

---

[1]Вялых Е.И. Процессуальные особенности рассмотрения корпоративных споров: дисс. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2021. С.

[2] Определение ВС РФ от 26.08.2016 по делу № А41-8876/2015 // СудАкт. URL: https://clck.ru/3SFczo (дата обращения: 03.03.2026).

[3]Степанов Д. И., Михальчук Ю. С. Указ. соч. С. 138–146.

самым служит основанием легитимации его процессуальной активности. С указанной позицией следует согласиться, подчеркнув, что при таком теоретическом осмыслении природы косвенного иска его искусственное ограничение рамками корпоративных правоотношений лишено достаточных оснований.

В связи с изложенным особый научный интерес представляет вопрос о допустимости применения института косвенного иска в отношениях, возникающих вследствие причинения арбитражным управляющим убытков должнику в период производства по делу о банкротстве. Как отмечалось ранее, правоприменительная практика исходит из допустимости предъявления соответствующих требований кредиторами; косвенным подтверждением наличия у них подобного процессуального средства служит, в частности, п. 12 Постановления Пленума ВАС РФ № 62.

С доктринальной точки зрения оценка обоснованности такого подхода должна осуществляться с позиций теоретических предпосылок формирования института косвенного иска в российском правопорядке. Существенным признаком данного института является то, что иск предъявляется лицом, не являющимся участником материального (спорного) правоотношения, в интересах лица, непосредственно в нем участвующего. Основанием предоставления такого способа защиты выступает наличие у инициатора спора косвенной заинтересованности, выражающейся в получении имущественных выгод, производных от восстановления нарушенных прав лица, в интересах которого заявлено требование.

Представляется, что именно такая конфигурация правоотношений складывается между арбитражным управляющим, должником и кредиторами. Кредиторы, будучи участниками обязательственного отношения, нарушаемого вследствие причинения должнику убытков, одновременно не выступают субъектами охранительного правоотношения, в рамках которого реализуется требование о возмещении убытков. Субъектный состав последнего ограничивается арбитражным управляющим как обязанным лицом и должником

как потерпевшим, на стороне которого возникают непосредственные имущественные потери.

В условиях установления невозможности восстановления платежеспособности должника и перехода к ликвидационным процедурам ключевым становится интерес кредиторов в максимальном наполнении конкурсной массы. Удовлетворение требования о взыскании убытков с арбитражного управляющего, с одной стороны, непосредственно восстанавливает имущественную сферу должника, а с другой – опосредованно увеличивает объем удовлетворения требований кредиторов за счет прироста имущественной массы должника. Тем самым достигается производная имущественная выгода для кредиторов, обусловленная восстановлением прав должника.

Применительно к ситуациям, при которых имеется реальная возможность восстановления платёжеспособности должника, характер интереса кредиторов принципиально не изменяется. Интерес кредиторов сводится к удовлетворению предъявленных требований вне зависимости от того, будет ли деятельность должника продолжена или прекращена. Однако и в этом случае кредиторы сохраняют интерес в максимально возможном увеличении имущественной массы должника, поскольку именно это обусловливает полноту удовлетворения их требований.

Таким образом, кредиторы в действительности имеют интерес в восстановлении имущественных прав должника, поскольку это повлияет на их имущественное положение при удовлетворении их требований в деле о банкротстве. В связи с этим следует согласиться с мнением В. Ю. Сильченко о том, что поскольку при банкротстве интерес акционеров (участников) в приросте имущества должника замещается интересом кредиторов, предъявление иска кредиторами от имени должника можно было бы объяснить через конструкцию косвенного иска [1] . Поскольку прямым выгодоприобретателем от соответствующего судебного решения выступает не кредитор, предъявляющий

[1]Сильченко В. Ю. Указ. соч. С. 59.

иск, но сам должник, становится невозможным определение данного средства защиты в качестве личного иска, ведь в последнем случае истец предъявляет соответствующее требование в защиту собственных интересов, являясь непосредственным выгодоприобретателем по судебному решению.

Указанная позиция представляется обоснованной и с точки зрения альтернативного обоснования природы косвенного иска, в рамках которой в качестве его общего условия рассматривается наличие дефекта в механизме формирования воли должника. В системе отношений несостоятельности (банкротства) арбитражный управляющий выступает субъектом, который наряду с лицами, входящими в органы управления должника, либо вместо них осуществляет текущее руководство его деятельностью, а также действует от имени должника во внешних правоотношениях с третьими лицами. Надлежащее исполнение возложенных на арбитражного управляющего обязанностей предполагает принятие им совокупности необходимых мер, направленных на обеспечение сохранности и защиту имущества должника.

В ситуациях, когда именно арбитражный управляющий причиняет должнику убытки, реализация защиты интересов последнего оказывается под угрозой неосуществления. Это обусловлено тем, что в ряде процедур, применяемых в деле о банкротстве (в частности, во внешнем управлении и конкурсном производстве), арбитражный управляющий фактически является единственным субъектом, обеспечивающим формирование и выражение воли юридического лица. В иных процедурах не исключается причинение убытков в результате согласованных или взаимосвязанных действий арбитражного управляющего и действующего руководителя должника. В обоих указанных случаях допустимость предъявления кредитором должника косвенного иска может быть аргументирована наличием дефекта в механизме формирования воли должника, препятствующего самостоятельной и эффективной защите его имущественных интересов.

Вместе с тем, как отмечается в научной литературе, предъявление косвенного иска связано с наличием ряда ограничений, обусловленных действием

гражданско-правовых принципов недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела и автономию воли. Будучи самостоятельным субъектом гражданского права, юридическое лицо должно иметь возможность самостоятельно приобретать и осуществлять принадлежащие ему материальные и процессуальные права. Любое расширение круга действий, которые вправе совершать участник от имени юридического лица, будет означать ограничение автономии юридического лица[1]. Именно исключительность косвенных исков предопределяет необходимость создания ограничений, препятствующих произвольному заявлению подобного рода требований участниками юридического лица.

Однако применительно к отношениям несостоятельности указанное положение утрачивает самостоятельное значение. Возбуждение дела о банкротстве влечёт установление в отношении должника системы запретов и ограничений, объём и интенсивность которых последовательно возрастают по мере смены процедур, применяемых в рамках дела о банкротстве. Введение таких процедур изначально направлено на ограничение автономии должника до пределов, объективно необходимых для достижения целей соответствующей процедуры, поскольку до возбуждения дела о банкротстве должник, обладая полной свободой усмотрения в распоряжении своим имуществом и в организации хозяйственной деятельности, не реализовал её надлежащим образом, что и обусловило необходимость возбуждения в отношении него производства по делу о банкротстве.

Принятие исчерпывающих мер, направленных на сохранение и увеличение имущественной массы должника, составляет ключевую задачу любой процедуры, применяемой в деле о банкротстве. В этих условиях поддержание самостоятельности должника не может рассматриваться в качестве приоритетной цели правового регулирования. Данный вывод подтверждается, в частности, тем, что решение об оспаривании сделок должника в ходе производства по делу о

---

[1]Кузнецов А. А. Косвенные иски в корпоративном праве России: материально-правовой аспект // Закон. 2020. № 11. С. 79–82.

банкротстве может быть принято собранием либо комитетом кредиторов, а соответствующее заявление подлежит подаче представителем собрания (комитета) кредиторов либо иным лицом, уполномоченным таким решением, а также конкурсным кредитором или уполномоченным органом в предусмотренных законом случаях (п. 1-2 ст. 61.9 Закона о банкротстве).

Таким образом, следует отметить, что иски о взыскании убытков с арбитражного управляющего, причинных должнику, предъявленные в условиях возбуждённого дела о банкротстве **(1а)**, подлежат рассмотрению по правилам, предусмотренным для обособленных споров в деле о банкротстве. Личный иск о взыскании убытков с арбитражного управляющего в деле о банкротстве может быть предъявлен должником-физическим лицом самостоятельно, а также должником-юридическим лицом в лице его органов или в лице арбитражного управляющего. Кроме того, в российском правопорядке такой иск может быть предъявлен лицами, имеющими косвенный интерес в восстановлении имущественных прав должника – кредиторами должника, являющимися выгодоприобретателями в обязательственном отношении «должник-арбитражный управляющий-кредиторы». В последнем случае предоставленное таким лицам процессуальное средство защиты подлежит квалификации в качестве косвенного иска.

Выделение косвенного иска в качестве самостоятельного элемента в системе классификации средств процессуальной защиты подразумевает наличие специальной процессуальной формы их рассмотрения. Ранее рассмотренная позиция сужения сферы применения косвенных исков исключительно спорами, возникающими из корпоративных правоотношений, поддерживается процессуальными нормами, устанавливающими процессуальный порядок рассмотрения косвенных исков в российском праве. Так, они содержатся не только в гл. 28.1 АПК РФ, но и в статьях гражданского законодательства, регулирующих правовое положение участников юридического лица (ст. 65.2 ГК РФ). Вместе с тем ключевые аспекты производства по косвенным искам, касающиеся права на повторное обращение в суд с тождественным иском другим

участником корпорации; порядка оповещения об обращении с соответствующим иском в суд; процессуальных последствий совершения участниками процесса распорядительных действий и т. д., могут и должны быть распространены на обособленные споры о взыскании убытков с арбитражного управляющего в деле о банкротстве по косвенному иску заинтересованных лиц.

Таким образом, не возникает сомнений, что требования кредиторов о взыскании убытков с арбитражного управляющего в деле о банкротстве подлежат рассмотрению по общим правилам производства по косвенному иску, установленным гл. 28.1 АПК РФ и ст. 65.2 ГК РФ. Одновременно с этим, правовая природа производства по делу о банкротстве, как указывалось ранее, оказывает непосредственное влияние на процессуальную форму рассмотрения обособленных споров. С учётом этой специфики необходимо проанализировать процессуальный порядок рассмотрения обособленных споров о взыскании убытков с арбитражного управляющего в деле о банкротстве по косвенному иску кредиторов.

В первую очередь, несмотря на то что АПК РФ устанавливает исключительную подсудность дел по косвенным искам арбитражному суду по адресу юридического лица (ч. 4.1 ст. 38 АПК РФ), косвенные иски о взыскании убытков с арбитражного управляющего подлежат рассмотрению судом, рассматривающим дело о банкротстве, как было обосновано в предшествующем параграфе. Это обусловлено и специальным характером процессуальных норм, регламентирующих порядок рассмотрения обособленных споров, по отношению к нормам АПК РФ. Аналогичное положение распространяется и на проблему определения срока рассмотрения таких исков, составляющего один месяц с момента получения арбитражным судом соответствующего заявления.

Особое внимание в доктрине уделяется вопросу о процессуальном положении лица, предъявляющего косвенный иск. Данная проблема породила множественные дискуссии в литературе, по результатам которых сформировалось две конкурирующих позиции. По мнению одних специалистов, лицо, обращающееся с косвенным иском в защиту интересов другого лица, является

представителем последнего[1]. Такой подход, в частности, нашёл поддержку в позиции ВС РФ, выраженной в п. 32 Постановления Пленума от 23.06.2015 № 25 (далее – Постановление № 25)[2]. Другие специалисты отмечают, что участник корпорации, обратившийся в суд с косвенным иском, является истцом[3]. При этом утверждается, что именно такое понимание заложено в ряде положений АПК РФ (ч. 3 ст. 225.2, ч. 1 ст. 225.8). Не углубляясь в подробности данной дискуссии, отметим, что представительская концепция косвенного иска видится нам более предпочтительной. При таком понимании должник занимает в процессе процессуальное положение истца, а вновь назначенный арбитражный управляющий (руководитель должника), наравне с лицом, обратившимся в арбитражный суд с косвенным иском, является представителем должника.

Потенциальная многочисленность заинтересованных в результатах рассмотрения данного спора лиц предопределяет необходимость создания специальных правил, касающихся извещения участников дела о банкротстве о предстоящем процессе. Применительно к косвенным искам из корпоративных правоотношений участники юридического лица обязаны принять разумные меры по заблаговременному уведомлению других участников корпорации и, в соответствующих случаях, корпорации о намерении обратиться с такими требованиями в суд (п. 2 ст. 65 ГК РФ). В случае с обособленными спорами в деле о банкротстве такой порядок нуждается в корректировке. Специальные правила оповещения в корпоративных спорах созданы, исходя из необходимости обеспечения прав и законных интересов потенциально заинтересованных в разрешении соответствующего спора лиц (участников корпорации и самой

---

[1] Кузнецов А. А. Косвенные иски…. С. 76–86; Егоров А. В. Косвенные иски участников к директору: процессуальные сложности // Журнал РШЧП. 2020. № 1. С. 174–184; Васильева Т. А. Указ. соч. С. 183; Ярков В. В. Косвенные иски…. С. 52–58.

[2] Постановление Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.ru/3SFd9e (дата обращения: 03.03.2026).

[3] Беккер А., Беккер Д. Косвенные иски в корпоративном праве России: критика действующей модели и возможная смена концепции // Цивилистика. 2021. № 1. С. 140–181; Моисеев С. В. Косвенный иск … как много в этом звуке… // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 9. С. 58–71.

корпорации), а также недопущения производств по тождественным искам. С одной стороны, будучи извещёнными о предстоящем процессе, участники получают возможность подготовиться к нему, сформировать свою позицию по делу. С другой стороны, узнав о предстоящем обращении другого участника, участник не станет обращаться в суд с тождественным требованием.

Данные соображения должны учитываться и при формировании правового регулировании порядка оповещения по косвенным искам в деле о банкротстве. Закон о банкротстве и АПК РФ не содержат специальных правил об извещении участников обособленных споров. Однако на уровне судебной практики такой порядок установлен п. 35-38 Постановления № 40: лица участвующие в деле о банкротстве (ст. 34 Закона о банкротстве) извещаются о таком деле однократно в порядке ч. 1 ст. 121 АПК РФ, после чего в дальнейшем они самостоятельно принимают меры по получению информации о движении дела и принятых судебных актах в порядке, предусмотренном ч. 6 ст. 12 АПК РФ, в том числе о каждом новом обособленном споре. Как можно отметить, данные разъяснения содержат указания на порядок извещения лиц, участвующих в деле, об уже возбуждённых обособленных спорах, тогда как предварительное оповещение вовсе не предусмотрено процессуальным законодательством и судебной практикой.

Между тем, представляется обоснованным формирование такого порядка, при котором оповещение охватывало бы всех лиц, участвующих в деле о банкротстве, а также лиц, участвующих в арбитражном процессе по делу о банкротстве (далее – участники дела о банкротстве). Безусловно, численность участников дела о банкротстве может быть значительной, что потенциально повлечёт существенные издержки, связанные с их индивидуальным оповещением, и, как следствие, дополнительную финансовую нагрузку на имущественную массу должника. Однако непреодолимые препятствия для формирования модели оповещения, основанной на размещении в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве (ЕФРСБ) соответствующего сообщения, отсутствуют. Указанный информационный ресурс уже используется для уведомления участников дела о

всех юридически значимых обстоятельствах процедуры банкротства (ст. 28 Закона о банкротстве), что позволяет рассматривать включение в него сведений о предъявлении соответствующего иска в качестве функционально оправданного и экономически рационального механизма.

Дополнительно следует отметить, что множественность лиц, заинтересованных в разрешении спора по косвенному иску, обусловливает необходимость формирования специальных процессуальных правил, регламентирующих условия и пределы их участия в судебном разбирательстве. В силу ст. 225.1 АПК РФ участник, присоединяющийся к косвенному иску, вступает в процесс на стороне истца. В рамках представительской модели такой участник приобретает процессуальный статус одного из представителей истца. В этом аспекте проявляется особое процессуальное регулирование производства по косвенному иску. В данных условиях непременно возникает вопрос о порядке согласования позиций представителей друг с другом. Однако действующее законодательство не содержит специальных норм, направленных на урегулирование разногласий между ними, что порождает существенные процессуальные риски. В частности, недобросовестные участники либо органы управления корпорации могут использовать предоставленные им процессуальные возможности для совершения распорядительных действий, способных привести к неблагоприятному исходу спора для корпорации, включая полный или частичный отказ от иска, заключение мирового соглашения на заведомо невыгодных условиях либо совершение иных действий, направленных на утрату перспектив удовлетворения заявленных требований.

Решение данной проблемы было выработано судебной практикой. Так, в абз. 3 п. 32 Постановления № 25 разъяснено, что, по смыслу статьи 65.2 ГК РФ, корпорация в лице соответствующего органа, а равно участники, присоединившиеся к иску, не вправе без согласия участника, первоначально предъявившего косвенный иск, полностью или частично отказаться от иска, изменить его предмет или основание, а также заключить мировое соглашение либо соглашение по фактическим обстоятельствам дела. В то же время ВС РФ

указывает, что и участник корпорации, обратившийся в суд с косвенным требованием, в случае присоединения к иску иных участников также лишён возможности совершать указанные распорядительные действия без согласия всех присоединившихся лиц. Тем самым судебная практика исходит из необходимости согласования позиции всех представителей для совершения распорядительных процессуальных действий, что позволяет минимизировать риск злоупотреблений и обеспечить защиту интересов корпорации как носителя материального права и иных участников корпорации.

Дела о взыскании убытков с арбитражного управляющего нуждаются в применении сходных концептуальных решений. С точки зрения принципов арбитражного процесса, недопустимо такое построение процессуальной модели, при котором права заинтересованных лиц на участие в рассмотрении спора были бы неоправданно ограничены. Напротив, указанным лицам должна быть обеспечена возможность вступления в дело в качестве сопредставителя истца, что позволило бы существенно снизить риск недобросовестного поведения иных участников дела о банкротстве, предъявивших соответствующее требование и потенциально ориентированных на проигрыш дела.

Наконец, как отмечалось, ранее в ходе производства по делу о банкротстве арбитражный управляющий может причинить убытки кредиторам **(2а)**. Поскольку субъективное право требовать возмещения причиненных вследствие нарушения порядка удовлетворения требования кредиторов принадлежит соответствующему кредитору, иск о взыскании убытков, предъявленный таким лицом является личным, а удовлетворение такого иска означает присуждение непосредственно в пользу такого лица.

После прекращения производства по делу о банкротстве (завершения конкурсного производства, реализации имущества гражданина) описанная модель претерпевает существенные изменения. Если должник (физическое или юридическое лицо) в результате производства по делу о банкротстве восстановил свою платёжеспособность или заключит мировое соглашение с кредиторами, несмотря на допущенное арбитражным управляющим в ходе проведения

процедуры правонарушение, причинившее ему имущественные потери, он сохраняет статус субъекта права требования к арбитражному управляющему о возмещении убытков **(1б)**. В таком случае должник вправе обратиться с личным иском.

Иная ситуация складывается в случаях, когда должник-юридическое лицо ликвидирован и, следовательно, утратил правосубъектность, а потому принадлежащие ему имущественные права прекращаются. Аналогичный по своему экономико-правовому эффекту результат имеет место и при банкротстве должника-физического лица, если его имущество реализовано в полном объёме, а сам он освобождён от дальнейшего исполнения обязательств перед кредиторами. В таком случае имущественная масса должника может оказаться недостаточной для полного удовлетворения требований кредиторов, в том числе вследствие неисполнения (ненадлежащего исполнения) арбитражным управляющим возложенных на него обязанностей.

Неполученный кредиторами в такой ситуации объём удовлетворения их требований становится упущенной выгодой кредиторов **(2б).** Соответственно, они вправе заявить личный иск о её взыскании с арбитражного управляющего в порядке искового производства. Таким образом, по прекращении производства по делу о банкротстве (завершении конкурсного производства, реализации имущества гражданина) кредиторы должника приобретают самостоятельное материально-правовое требование к арбитражному управляющему о возмещении причинённых им убытков и, соответственно, право на личный иск к арбитражному управляющему по соответствующему основанию. Аналогичным образом требование кредитора о взыскании убытков с арбитражного управляющего, обусловленных нарушением установленного порядка удовлетворения требований кредиторов и не заявленное в ходе производства по делу о банкротстве, подлежит квалификации в качестве личного иска. Соответственно, такое требование может быть предъявлено кредитором после прекращения производства по делу о банкротстве (завершения конкурсного

производства, реализации имущества гражданина) в пределах установленного срока исковой давности.

Наряду с этим следует учитывать, что имущественные потери, причиненные должнику арбитражным управляющим в период осуществления процедуры банкротства, в отдельных случаях могут превышать совокупный объем неудовлетворенных требований кредиторов. В подобной ситуации должник-гражданин после прекращения производства по делу о банкротстве (завершения конкурсного производства, реализации имущества гражданина) вправе реализовать самостоятельное требование о возмещении убытков в части, превышающей размер требований кредиторов, путем предъявления личного иска.

Изложенные положения позволяют сделать ряд предложений по совершенствованию российского законодательства. Представляется необходимым добавить в ст. 20.4 Закона о банкротстве пункт 4.1 следующего содержания: «*До завершения конкурсного производства, реализации имущества гражданина или прекращения производства по делу о банкротстве кредиторы вправе обратиться в арбитражный суд с иском о возмещении убытков, причиненных арбитражным управляющим должнику вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве. Кредиторы имеют право требовать принудительное исполнение решения арбитражного суда в пользу должника.*

Решение об удовлетворении требования по иску о возмещении убытков принимается в пользу должника в интересах которого был предъявлен иск. По ходатайству лица, участвующего в деле, исполнительный лист направляется для исполнения непосредственно арбитражным судом».

Кроме того, в целях устранения неопределенности в части наличия у кредиторов права на иск о взыскании убытков, причиненных им непосредственно в период производства по делу о банкротстве, а также убытков, причиненных им в результате уменьшения или утраты возможности увеличения доли в удовлетворении их требований к должнику представляется необходимым добавить в ст. 20.4 Закона о банкротстве пункт 4.2: «*Кредитор вправе*

обратиться в арбитражный суд иском о возмещении убытков, причиненных ему арбитражным управляющим вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве. Решение об удовлетворении требования по такому иску принимается в пользу истца.

С даты введения первой процедуры банкротства и далее в ходе любой процедуры банкротства такое требование может быть предъявлено и рассмотрено только в рамках дела о банкротстве. После завершения конкурсного производства, реализации имущества гражданина или прекращения производства по делу о банкротстве такие требования, если они не были предъявлены и рассмотрены в рамках дела о банкротстве, могут быть заявлены в общеисковом порядке в пределах оставшегося срока давности».

§ 3. Групповое производство по делам о взыскании убытков с арбитражного управляющего

Разрешение проблемы потенциальной множественности заинтересованных лиц не во всех случаях может быть обеспечено посредством института процессуального соучастия. Как мы отмечали ранее, в условиях возбужденного дела о банкротстве иски кредиторов о взыскании убытков с арбитражного управляющего представляют собой косвенные иски, направленные на защиту имущественных прав должника. Аналогично ситуации, складывающейся при рассмотрении косвенных исков в защиту интересов крупных корпораций с большим составом участников, в делах о банкротстве круг субъектов, заинтересованных во взыскании убытков с арбитражного управляющего, может быть крайне широким. Допущение участия всех таких лиц в процессуальном статусе сопредставителей истца по делу о косвенном иске способно привести к дезорганизации производства по делу, что противоречит принципу процессуальной экономии и требованиям надлежащего отправления правосудия.

Процессуальная форма рассмотрения дел данной категории должна быть сформирована исходя из необходимости учёта указанного обстоятельства и

предусматривать такие механизмы участия заинтересованных лиц, которые, с одной стороны, обеспечивали бы реализацию их процессуальных прав и защиту охраняемых законом интересов, а с другой стороны, не препятствовали бы правильному и своевременному рассмотрению дела.

По этой причине АПК РФ допускает возможность обращения участников корпорации с требованием о взыскании убытков с директора в защиту прав и законных интересов группы лиц (п. 3 ст. 225.2 АПК РФ). При этом присуждение по такому иску будет осуществляться в пользу юридического лица, т. е. направлено на защиту права должника. В теории и судебной практике такие иски получили название групповых косвенных исков [1], в том числе найдя своё отражение в делах о взыскании убытков с арбитражного управляющего[2]. Чтобы проанализировать обоснованность такого подхода законодателя представляется необходимым в общих чертах описать концепцию группового иска в российском праве.

Групповой иск занимает самостоятельное место в системе классификации исков по характеру защищаемого интереса. Как отмечает Ю. А. Тимофеев, групповые иски направлены на защиту интересов большой группы лиц, персональный состав которой неизвестен в момент возбуждения дела. Групповой иск является процессуальным средством, которое позволяет эффективно защищать интересы больших групп граждан и организаций, оказавшихся в одинаковой юридико-фактической ситуации, если их права и интересы нарушены общим ответчиком[3]. Аналогичную точку зрения высказывают и другие учёные[4].

---

[1]Сильченко В. Ю. Иски о привлечении к субсидиарной ответственности в делах о банкротстве с точки зрения характера защищаемого интереса // Вестник гражданского процесса. 2023. № 2. С. 179–201; Домшенко В. Г. Защита ответчика против группового иска: дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2023. С. 106; Определение ВС РФ от 13.01.2025 по делу № А44-1127/2019 // ЛегалАкт. URL: https://clck.ru/3SFdv8 (дата обращения: 03.03.2026).

[2] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 03.05.2023 по делу № А76-23149/2015 // СудАкт. URL: https://clck.ru/3SFdwt (дата обращения: 03.03.2026); Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 29.06.2022 по делу № А45-18478/2018 // СудАкт. URL: https://clck.ru/3SFdxn (дата обращения: 03.03.2026).

[3]Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства. С. 241.

[4] Звиер П., Ярков В. В. Групповые иски в правовой истории США и России: в поисках оптимальной модели // Вестник гражданского процесса. 2020. № 1. С. 143–197; Ярков В. В.

По мнению В. В. Яркова, основные признаки группового иска сводятся к следующему: 1) это иск о защите большой группы лиц, 2) оказавшейся в одинаковой юридико-фактической ситуации, 3) общие права и интересы которой нарушены одним ответчиком (соответчиками); 3) подаётся истцом – представителем группы от имени участников группы; 4) состав группы либо не известен на момент возбуждения дела, но персонифицируется в судебном решении, либо столь многочисленный, что не позволяет обеспечить фактическое участие в деле всех участников группы; 5) группа имеет общее требование с единым способом правовой защиты, общим предметом доказывания – групповой иск рассматривается в рамках группового производства, т. е. искового производства с особенностями, установленными в гл. 28.2 АПК «Рассмотрение дел о защите прав и законных интересов группы лиц»; 6) по судебному решению участники группы получают общий положительный результат (в случае удовлетворения иска)[1].

Групповой иск отличается рядом особенностей, касающихся условий и порядка возбуждения дела, способа вступления заинтересованных лиц в процесс, процессуального положения участников. В рамках настоящего исследования представляется целесообразным сосредоточить внимание именно на указанных аспектах, хотя институт группового иска обладает и иными значимыми характеристиками (порядок исполнения судебных актов, распределение судебных расходов и др.).

Принципиальное значение имеет такая характеристика группы как её объективность. Основанием возникновения группы является нарушение прав значительного количества лиц одним и тем же действием (бездействием) ответчика, а значит потенциальные участники группы образуют её в силу

Групповой иск в проекте единого ГПК России // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 8. С. 100–111.

[1]Ярков В. В. Юридические факты…. С. 238.

объективного сходства их юридико-фактического положения[1]. Принадлежность лица к группе определяется его соответствием предусмотренным законом критериям, являющимся одновременно условиями образования группы лиц. Закон (ч. 1 ст. 225.10 АПК РФ) определяет следующие условия образования группы лиц для целей группового производства в арбитражном процессе:

1) общий по отношению к каждому члену группы лиц ответчик;

2) предметом спора являются общие либо однородные права и законные интересы членов группы лиц;

3) в основании прав членов группы лиц и обязанностей ответчика лежат схожие фактические обстоятельства;

4) все члены группы лиц используют одинаковый способ защиты своих прав.

Отвечающее вышеуказанным критериям лицо вправе самостоятельно обратиться в суд с требованием в защиту прав и законных интересов группы лиц или до перехода к судебным прениям присоединиться к соответствующему требованию, заявляемому другим лицом, которое может быть как членом группы, так и посторонним по отношению к ней лицом (ч. 3 ст. 225.10 АПК РФ).

Однако наличие множественности лиц, оказавшихся в схожем юридико-фактическом положении, само по себе не образует достаточных условий для рассмотрения требования, вытекающего из соответствующих фактических обстоятельств, в порядке группового производства. В частности, необходимо, чтобы на момент обращения в арбитражный суд к требованию о защите прав и законных интересов группы лиц присоединились не менее 5 членов группы без учёта заявителя (ч. 5 ст. 225.10 АПК РФ).

На основе этих положений современные процессуалисты приходят к обоснованному выводу о том, что в действующем законодательстве реализована т. н. «opt-in» («возможность войти») модель группового иска, предусматривающая необходимость выражения членами группы активными

[1] Шварц М. З. Об императивном и диспозитивном в регулировании процессуальных форм защиты групповых интересов // Закон. 2021. № 2. С. 31.

действиями волеизъявления на присоединение к групповому иску. Соответственно, численность группы определяется исходя из количества лиц, изъявивших соответствующее желание.

Модели «opt-in» противопоставлена модель «opt-out» («возможность выйти»), согласно которой все потенциальные члены группы предполагаются в её составе, но у каждого из них имеется право выйти из группы[1], что с очевидностью не нашло отражения в российском законодательстве.

Производство по групповому иску также отличается рядом особенностей в части определения процессуального статуса субъектов. Ведение дела по групповому иску в интересах участников группы возлагается на истца-представителя, пользующегося всей полнотой прав и несущего процессуальные обязанности истца. Такое лицо может быть членом группы или посторонним по отношению к ней лицом. Эффективное управление множественностью в рамках группового производства достигается за счёт существенного ограничения процессуальных прав всех остальных членов группы до определённого законом объёма (ст. 225.10-2 АПК РФ). В частности, члены группы лиц вправе ходатайствовать о замене истца-представителя, в том числе после принятия судебного акта, которым заканчивается рассмотрение дела по существу (п. 2 ч. 1 ст. 225.10-2 АПК РФ). Такое ходатайство подлежит удовлетворению при наличии двух условий: 1) установленной судом неспособности истца-представителя к ведению дела; 2) поддержки данного ходатайства большинством членов группы (ч. 4 ст. 225.10-1 АПК РФ). Неспособность истца-представителя к ведению дела может быть установлена на основании фактов его длительного отсутствия ввиду болезни, отпуска и иных обстоятельств, а также других фактов, подтверждающих обоснованность сомнений в его добросовестном и разумном ведении дела. Таким образом, законодатель устанавливает механизм противодействия неисполнению истцом-представителем обязанностей действовать добросовестно и разумно в

[1] Домшенко В. Г. Условия сертификации группового иска // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 3. С. 121–151; Долганичев В. В. «Opt-in» против «Opt-out»: две различные модели формирования группы в групповом производстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 2. С. 20–24.

интересах группы, дополняемый полномочием арбитражного суда по наложению на истца-представителя судебного штрафа за нарушение им своих процессуальных обязанностей и допущение злоупотребления своими процессуальными правами (ч. 4 ст. 225.10-1 АПК РФ).

На основе данной характеристики необходимо рассмотреть возможность применения модели группового иска в делах о несостоятельности (банкротстве). В научной литературе высказываются позиции в пользу широкого применения модели группового производства при рассмотрении различных категорий споров в деле о банкротстве [1]. Многие специалисты обнаруживают определённые структурные сходства между производством по делу о банкротстве и групповым производством[2]. В. В. Ярков, например, рассуждая о возможности выделения на доктринальном уровне в системе средств процессуальной защиты конкурсного иска, отмечает, что наилучшим образом для объяснения содержания конкурсного производства подходит конструкция группового иска[3]. По мнению специалиста, оба вида производства в конечном счёте преследуют одни и те же цели – уравнять шансы потерпевших на возмещение ущерба[4].

Вместе с тем Закон о банкротстве не содержит прямого указания на применимость правил гл. 28.2 АПК РФ при рассмотрении каких-либо обособленных споров. Применительно к заявлениям о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности абз. 2 п. 4 ст. 61.19 Закона о банкротстве указывает, что такое требование, поданное по результатам завершения процедуры банкротства, подлежит рассмотрению по правилам гл. 28.2 АПК РФ независимо от количества присоединившихся к требованию лиц. Как отмечается в Постановлении Пленума ВС РФ от 21.12.2017

---

[1]Шевченко И. М. Идеи косвенного и группового исков в делах о банкротстве // Закон. 2021. № 2. С. 71–82.

[2]Смирных А. Г. Групповые иски и банкротство: проблемы и перспективы // Групповые иски: сложности и перспективы: коллективная монография / под ред. В. Г. Домшенко. М.: Статут, 2025. С. 237.

[3] Ярков В. В. Правовая природа и источники конкурсного производства // Гражданский и арбитражный процесс. 2002. № 11. С. 18.

[4]Арбитражный процесс: учебник.

№ 53, такое заявление, поданное вне рамок дела о банкротстве, считается предъявленным в интересах всех кредиторов, имеющих право на присоединение к иску, независимо от того, какой перечень кредиторов содержится в тексте заявления [1]. При этом необходимо подчеркнуть, что такой процессуальный порядок установлен для рассмотрения соответствующих дел, возбуждённых после прекращения дела о банкротстве (завершения конкурсного производства, реализации имущества гражданина), то есть такие дела не являются обособленными спорами по смыслу Закона о банкротстве [2]. В то же время в судебной практике последовательно поддерживается позиция, согласно которой рассмотрение должно происходить с учётом правил гл. 28.2 АПК РФ и в тех случаях, когда соответствующее требование заявлено в рамках дела о банкротстве[3].

Таким образом, возможность использования модели группового производства при рассмотрении обособленных споров в деле о банкротстве подтверждается исключительно на основании материала сложившейся судебной практики. Между тем, принципиальных препятствий к применению правил гл. 28.2 АПК РФ при рассмотрении отдельных разновидностей обособленных споров российское законодательство не содержит. Поскольку право на обращение с иском в защиту прав и законных интересов группы лиц связывается с образованием такой группы в количестве не менее 5 членов, отвечающих требованиям, предусмотренным ч. 1 ст. 225.10 АПК РФ, наличие данных условий формирует достаточные процессуальные предпосылки для рассмотрения поданного иска в порядке группового производства.

Необходимо отметить, что в системе действующего российского законодательства использование группового иска как процессуального средства защиты является правом, но не обязанностью участников оборота. В этом смысле

---

[1] Постановлении Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.ru/3SFeAa (дата обращения: 03.03.2026).

[2] См. также: Смирных А. Г. Указ. соч. С. 237–238.

[3] Определение ВС РФ от 28.09.2020 по делу № А23-6235/2015 // СудАкт. URL: https://clck.ru/3SFeGh (дата обращения: 03.03.2026).

групповое производство не представляет собой исключительный порядок, предусмотренный для производства по конкретным категориям дел. Потенциальный член группы сохраняет право на обращение в арбитражный суд с самостоятельным иском даже в тех случаях, когда в производстве арбитражного суда уже находится групповой иск к тому же ответчику и о том же предмете, кроме случаев, предусмотренных ч. 7 ст. 225.16 АПК РФ. Арбитражный суд лишь обязан разъяснить такому лицу его право присоединиться к требованию о защите прав и законных интересов группы лиц, но не осуществить принудительное присоединение такого лица к производству по групповому иску. Указанные положения характеризуют диспозитивность группового иска в российском арбитражном процессе. По этой причине мы считаем невозможным согласиться со сформировавшимся в судебной практике походом, в соответствии с которым «в деле о банкротстве в силу закона требования имеют всегда групповой характер, и кредиторы присоединяются к заявлению инициатора обособленного спора вынужденно и автоматически»[1]. «Групповой характер требования» не означает императивное применение правил группового производства, поскольку такой механизм не следует ни из действующего российского законодательства, ни из доктринальных основ регулирования соответствующего института.

С другой стороны, представляет интерес вопрос о концептуальной возможности сочетания моделей косвенного и группового иска в рамках единого процессуального механизма. Такая возможность может быть обоснована положениями ч. 3 ст. 225.2 АПК РФ, содержащей указание на право участника юридического лица присоединиться к требованию о возмещении убытков, причинённых юридическому лицу, направленному на защиту прав и законных интересов группы лиц. Кроме того, абз. 2 п. 2 ст. 65.2 ГК РФ предусматривает последствие неприсоединения участника к такому требованию в виде лишения права на обращение в суд с тождественным требованием, если только суд не признает причины этого обращения уважительными. На уровне разъяснений

[1] Определение ВС РФ от 17.03.2021 по делу № А19-14083/2015 // ЛегалАкт. URL: https://clck.ru/3SFeJy (дата обращения: 03.03.2026).

Пленума ВС РФ данные положения закона дополняются указанием на то, что при наличии обстоятельств, указанных в статье 225.10 АПК РФ, требования участников юридического лица о взыскании убытков в пользу последнего рассматриваются также с учётом положений главы 28.2 АПК РФ. Таким образом, с точки зрения российского законодательства косвенный иск участников юридического лица о взыскании убытков в его пользу может быть рассмотрен в порядке группового производства при наличии условий, предусмотренных ст. 225.10 АПК РФ.

Такое положение вызывает сомнения по нескольким причинам, связанным с предусмотренными законом условиями рассмотрения иска в порядке группового производства. В первую очередь, как было установлено ранее, конструкция косвенного иска подразумевает, что в результате его удовлетворения осуществляется защита прав лица, являющегося участником спорного правоотношения, но не выступающего в качестве инициатора соответствующего спора. Однако групповой иск, по смыслу ч. 1 ст. 225.10 АПК РФ, направлен именно на защиту прав и законных интересов членов группы[1]. Таким образом, отечественная модель группового иска подразумевает, что данное процессуальное средство защиты используется заинтересованными лицами для устранения спорности в принадлежащем им праве и законном интересе, что не согласуется с моделью косвенного иска. По этой причине нельзя обнаружить правовое основание для возникновения группы лиц по косвенному иску участников юридического лица в положениях п. 2 и 4 ч. 1 ст. 225.10 АПК РФ.

Приведённое противоречие отмечается и в современной доктрине. Так, М. А. Ерохова указывает, что условие общности (однородности) прав и законных интересов членов группы (п. 2 ст. 1 ст. 225.10 АПК РФ) не может быть применено к косвенным искам участников юридического лица, поскольку непосредственно нарушены только права корпорации, нет прямого нарушения прав участников, только косвенное, так как от финансового благополучия корпорации зависит

[1]Сахнова Т. В. О защите интересов группы лиц: законодательные концепты // Российский судья. 2018. № 6. С. 25–29.

получение ими благ. По этой же причине не следует считать, что возникновение группы может быть обосновано на основании п. 4 ч. 1 ст. 225.10 АПК РФ, поскольку в данном случае члены группы должны использовать одинаковый способ защиты «своих прав». Кроме того, как указывает специалист, в силу п. 2 ст. 65.2 ГК РФ участник действует от имени и в интересе корпорации и все присоединяющиеся лица тоже поддерживают иск от имени корпорации. Таким образом, по отношению к каждому члену группы отсутствует единый ответчик, поскольку единственный ответчик по данному иску является ответчиком по отношению к корпорации. Наконец, не может выступать в качестве обстоятельства, образующего группу лиц для целей группового производства, и схожесть фактических обстоятельств, лежащих в основании прав членов группы лиц и обязанностей ответчиков, ведь основание иска в данном случае образуют тождественные фактические обстоятельства[1].

Кроме того, следует согласиться с позицией В.Ю. Сильченко о том, что одновременное признание иска и групповым, и косвенным, по меньшей мере, является дискуссионным. Признание обоснованности представительской модели косвенного иска (а именно такой подход на сегодняшний день закреплен в разъяснениях ВС РФ) влечет невозможность признания такого иска одновременно групповым, поскольку для группового иска характерно множество истцов, а не множество представителей истца. Как отмечает ученый, в случае косвенного иска можно вести речь лишь о составе и количестве правомочных представителей, что иррелевантно групповому производству[2].

По нашему мнению, приведённые положения в достаточной мере отражают фундаментальные противоречия, лежащие в основе концепции объединения косвенного и группового иска в рамках единого института. Подход законодателя, в соответствии с которым процессуальная форма рассмотрения косвенного иска требует применения правил, установленных для группового производства,

---

[1]Ерохова М. А. Групповые и коллективные иски в корпоративных спорах: подход российской юрисдикции // Групповые иски: сложности и перспективы: коллективная монография / под ред. В. Г. Домшенко. М.: Статут, 2025. С. 218.

[2]Сильченко В.Ю. Там же. С. 59

является не чем иным, как применением аналогии закона в условиях отсутствия надлежащего регулирования порядка рассмотрения косвенных исков. Вместе с тем в ряде случаев такой подход является неуместным и способствует чрезмерному усложнению производства по делу.

Так, согласно ч. 3 ст. 225.2 АПК РФ участник юридического лица вправе присоединиться к групповому иску о взыскании убытков с директора в пользу юридического лица или самостоятельно выступить в деле на стороне истца. Если причиной применения процессуальных норм, регулирующих производство по групповому иску, является потребность в надлежащем управлении множественностью на стороне истца, эта проблема не получает своего решения, поскольку желающие проявить процессуальную активность участники не имеют стимула присоединяться к соответствующему требованию, ведь такое действие приведёт лишь к возникновению у них крайне ограниченного объёма процессуальных прав члена группы. Такой участник во всяком случае выберет соучастие на стороне истца, а многочисленность таких соучастников будет зависеть от обстоятельств конкретного дела и не будет подвергнута ограничению. Аналогичным образом в условиях повышенной конфликтности производства по делу о банкротстве заинтересованные лица при распространении соответствующей регламентации на порядок рассмотрения косвенных исков о взыскании убытков с арбитражного управляющего не пожелают ограничивать свои процессуальные права до пределов, установленных для членов группы в групповом производстве, и выберут возможность вступить в дело самостоятельно на стороне истца.

Таким образом, аналогичное применение правил о групповом производстве к процессуальному порядку рассмотрения косвенных исков является избыточным и не соответствующим существу законодательного регулирования указанных институтов. На этой основе представляется возможным отвергнуть сложившийся в судебной практике подход к квалификации косвенного иска о взыскании убытков с арбитражного управляющего в качестве группового косвенного иска.

Иной подход, напротив, подлежит применению к требованиям о взыскании убытков, причиненных непосредственно кредиторам. Речь идет о случаях нарушения арбитражным управляющим установленного порядка удовлетворения требований кредиторов как в ходе производства по делу о банкротстве, так и после его прекращения (завершения конкурсного производства, реализации имущества гражданина), а также о требованиях кредиторов о возмещении убытков, выражающихся в неполученном объеме удовлетворения их требований по итогам процедуры банкротства.

С учётом потенциальной многочисленности потерпевших в результате соответствующих правонарушений арбитражного управляющего лиц возникает вопрос о возможности применения ими процессуального средства защиты в виде группового иска. Поскольку материально-правовое притязание к арбитражному управляющему в вышеуказанных случаях принадлежит кредиторам, согласно ч. 1 ст. 225.10 АПК РФ, один из них может обратиться в арбитражный суд в защиту прав и законных интересов группы кредиторов, поскольку: 1) у них наличествует общий ответчик – арбитражный управляющий; 2) предметом спора являются однородные права – право требования возмещения причинённых арбитражным управляющим убытков; 3) в основании прав членов группы лиц и обязанностей ответчика лежат схожие, но не тождественные фактические обстоятельства (факт наличия материально-правового требования к должнику в период производства по делу о банкротстве, а также факт неправомерного поведения арбитражного управляющего, ставшего причиной невозможности его удовлетворения); 4) все члены группы лиц используют одинаковый способ защиты своих прав – возмещение убытков.

Дополнительно следует отметить, что групповое производство по требованиям о взыскании убытков после прекращения производства по делу о банкротстве (завершения конкурсного производства, реализации имущества гражданина) может быть инициировано также должником при наличии обстоятельств, свидетельствующих о причинении ему убытков, превышающих совокупный размер требований кредиторов. В таком случае должник выступает

равноправным участником группы лиц, пострадавших от противоправных действий арбитражного управляющего, наряду с кредиторами, чьи требования остались неудовлетворенными вследствие соответствующего правонарушения. Соответственно, должник вправе присоединиться к уже заявленному либо предъявить совместно с иными лицами требование о взыскании убытков в защиту прав и законных интересов группы в порядке, предусмотренном ст. 225.14 АПК РФ.

Закреплённая в российском законодательстве модель группового иска «opt-in» подразумевает право кредитора или должника присоединиться к групповому иску или предъявить личный иск в защиту собственных интересов вплоть до момента вступления в законную силу решения арбитражного суда по групповому иску. Таким образом, выбор в пользу рассмотрения дела в порядке группового производства находится в сфере усмотрения членов группы кредиторов (должника) и не предписан правопорядком императивно. По этой причине представляется обоснованным утверждение о том, что групповое производство является факультативным порядком рассмотрения дела о взыскании убытков с арбитражного управляющего после прекращения основного дела о банкротстве, а равно и до прекращения производства по делу о банкротстве (завершения конкурсного производства, реализации имущества гражданина) по требованиям, основанным на нарушении арбитражным управляющим порядка удовлетворения требований кредиторов.

ГЛАВА 3. ОСОБЕННОСТИ ПРЕДМЕТА ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О ВЗЫСКАНИИ УБЫТКОВ С АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО

§ 1. Основные материально-правовые факты противоправного поведения и вины арбитражного управляющего

Доказывание можно назвать ядром любого судебного процесса, в связи с чем на нём считаем необходимым остановиться отдельно. Вместе с тем, наиболее интенсивное влияние на процесс доказывания оказывают материально-правовые особенности спорных отношений сторон, так как именно последнее составляет предмет (объект) судебного познания в цивилистическом процессе[1]. Только установив фактические обстоятельства спорного правоотношения и определив соответствующую данным обстоятельствам норму материального права, суд может сделать вывод о содержании познаваемого правоотношения и разрешить спор по существу. Доказывание, в свою очередь, служит опосредованной формой судебного познания, обеспечивает получение судом знания о фактических обстоятельствах спорного правоотношения с помощью судебных доказательств[2].

Объём фактических обстоятельств, которые должны быть установлены судом для правильного разрешения дела, образует предмет доказывания[3], точное установление границ которого на начальных стадиях производства по делу способствует предотвращению неоправданного усложнения судебной деятельности, а также обеспечивает соблюдение принципа процессуальной экономии за счёт исключения обстоятельств, не имеющих значения для правильного разрешения дела[4]. В свою очередь, вынесенное судом по результатам

---

[1] Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс. Административное судопроизводство / под ред. М. А. Фокиной. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. С. 74; Сахнова Т. В. Курс гражданского процесса. С. 392.

[2] Треушников М. К. Судебные доказательства. 5-е изд., доп. М.: Городец, 2021. С. 14–15.

[3] Решетникова И. В. Доказывание в гражданском процессе: учебно-практическое пособие для вузов. 7-е изд. перераб. и доп. М.: Юрайт, 2022. С. 38

[4] Юдельсон К. С. Проблема доказывания в советском гражданском процессе. М.: Госюриздат, 1951. С. 151.

рассмотрения дела судебное решение, основанное на неполном выяснении обстоятельств, имеющих значение для дела, подлежит изменению или отмене (п. 1 ч. 1 ст. 270 АПК РФ).

В отечественной процессуальной доктрине вопрос о составе предмета доказывания на протяжении длительного времени сохраняет дискуссионный характер, что обусловило формирование различных подходов к его определению. В обобщенном виде данные подходы могут быть сведены к двум основным направлениям – узкому и широкому. В рамках узкого подхода предмет доказывания ограничивается исключительно материально-правовыми фактами, имеющими значение для правильного разрешения дела по существу[1]. В свою очередь, сторонники широкого подхода исходят из того, что содержание предмета доказывания не исчерпывается материально-правовыми обстоятельствами и включает также юридически значимые факты процессуального характера.[2]. Подробное рассмотрение аргументации, лежащей в основе данного доктринального спора, не входит в задачи настоящего исследования, тем более что указанная проблематика получила всестороннее освещение в научной литературе. Вместе с тем представляется более обоснованной именно широкая трактовка предмета доказывания. В этой связи заслуживает поддержки позиция И. В. Решетниковой, обоснованно указывающей на недопустимость исключения процессуальных фактов из его содержания. Игнорирование обстоятельств процессуального характера, в том числе свидетельствующих об отсутствии у

---

[1]Ванеева Л. А. Проблемы теории судебных доказательств // Актуальные проблемы теории и практики гражданского процесса. Ленинград: Издательство ЛГУ, 1979. С. 125; Клейнман А. Ф. Основные институты советского гражданского процесса и принципы диспозитивности и состязательности. М.: Городец, 2025. С. 234; Курылев С. В. Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск: Издательство БГУ, 1969. С. 39; Лилуашвили Т. А. Предмет доказывания и распределение бремени доказывания между сторонами в советском гражданском процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1961. С. 14–16; Юдельсон К. С. Проблема доказывания…. С. 147–190.

[2] Советский гражданский процесс / под. ред. К. И. Комиссарова, В. М. Семенова. М.: Юридическая литература, 1978. С. 177–179; Советский гражданский процесс / отв. ред. Н. А. Чечина, Д. М. Чечот. Ленинград: Издательство ЛГУ, 1984. С. 136; Сахнова Т. В. Указ. соч. С. 434; Решетникова И. В. Доказывание в гражданском процессе: учебно-практическое пособие для вузов. 7-е изд. перераб. и доп. М.: Юрайт, 2022. С. 38; Нахова Е. М. Концепция предмета доказывания в гражданском процессе: дис. … д-ра. юрид. наук. М., 2024. С. 93

истца права на иск либо о наличии оснований для приостановления или прекращения производства по делу, неизбежно влечет вынесение незаконного судебного акта, поскольку препятствует достижению цели доказывания – установлению всех юридически значимых обстоятельств.[1]. С другой стороны, доказывание ответчиком определённых процессуальных фактов может привести к оставлению заявления истца без рассмотрения или прекращению производства по делу, и дело рассмотрено по существу не будет[2].

Кроме того, включение таких обстоятельств в предмет доказывания по отдельным категориям дел, как справедливо указывает Е. М. Нахова, не может В. В. Яркова о том, что в ряде случаев предмет доказывания включает в себя практически только процессуальные юридические факты, как это имеет место в производствах, связанных с признанием и приведением в исполнение судебных и арбитражных решений, с признанием юридической силы или проверкой решения третейского суда[3].

С учетом изложенного в рамках настоящего исследования под предметом доказывания предлагается понимать совокупность обстоятельств как материально-правового, так и процессуального характера, установление которых необходимо суду для правильного рассмотрения и разрешения дела, а обязанность их доказывания возлагается на лиц, участвующих в деле.[4].

Учитывая вышеизложенное, следует уделить внимание вопросу об источниках формирования предмета доказывания. Согласно ч. 2 ст. 65 АПК РФ, обстоятельства, имеющие значение для правильного рассмотрения дела, определяются арбитражным судом на основании требований и возражений лиц, участвующих в деле, в соответствии с подлежащими применению нормами материального права. Такой подход законодателя согласуется с традиционным представлением, сложившимся в отечественной науке, где к источникам предмета доказывания относят основание иска и возражение против него, а также гипотезу

---

[1]Решетникова И. В. Там же.
[2]Сахнова Т. В. Там же. С. 432; Ярков В. В. Там же. С. 157.
[3]Ярков В. В. Там же.
[4]Нахова Е. М. Там же. С. 93; Решетникова И. В. Там же. С. 47.

и диспозицию нормы или ряда норм материального права, подлежащих применению [1]. Кроме того, разделяемая нами точка зрения по вопросу о включении в предмет доказывания фактов, имеющих процессуальное значение, обусловливает учёт также и норм процессуального права[2].

Обращаясь к проблеме классификации фактов, составляющих предмет доказывания, необходимо констатировать, что в доктрине до настоящего времени не выработано единообразного подхода[3]. В целях выявления процессуальных особенностей рассмотрения дел о взыскании убытков с арбитражного управляющего в части определения фактов, образующих предмет доказывания по данной категории дел, методологически оправданным представляется использование классификации, предложенной С. Л. Дегтяревым. Данный подход позволяет выявить специфику доказательственной деятельности в рамках производства по рассматриваемой категории споров. Определяя предмет доказывания по делам о возмещении убытков, учёный предложил выделить две группы юридических фактов: 1) основные материально-правовые факты, которые выводятся из норм материального права (норм, раскрывающих понятие убытков, содержащихся в общих положениях ГК РФ, а также норм, регулирующих конкретные спорные материальные правоотношения); 2) иные факты, в том числе процессуального характера, включаемые в предмет доказывания[4].

По мнению автора, юридические факты предмета доказывания по делам о возмещении убытков целесообразно делить на обязательные (учитываемые арбитражным судом при рассмотрении любого дела подобного рода) и факультативные (включение в предмет доказывания которых зависит от материально-правовых особенностей конкретного правоотношения). К числу обязательных элементов предмета доказывания по делам данной категории учёный относит следующие основные материально-правовые юридические факты:

---

[1]Треушников М. К. Указ. соч. С. 17.

[2]Данная позиция высказывается и в современных учебниках по арбитражному процессу. См. например: Арбитражный процесс: учебник. С. 153.

[3]Обзор литературы по данному вопросу см.: Нахова Е. М. Концепция предмета доказывания в гражданском процессе: дис. … д-ра. юрид. наук. М., 2024. С. 127-155

[4]Дегтярев С. Л. Указ. соч. С. 68–85.

1) факт наличия убытков, 2) факт противоправного поведения, 3) факт причинно-следственной связи между противоправным поведением и возникшими убытками, 4) факт вины лица, противоправно причинившего убытки[1].

По нашему мнению, данный подход в наибольшей степени соответствует задаче выявления процессуальных особенностей рассмотрения отдельных категорий дел, связанных с взысканием убытков, поскольку уделяет внимание ключевым материально-правовым особенностям спорного правоотношения, предопределяющим содержание доказательственной деятельности по делам данной категории, независимо от обстоятельств конкретного спора.

Определение предмета доказывания по делам о взыскании убытков с арбитражного управляющего на концептуальном уровне должно основываться прежде всего на анализе обязательных материально-правовых фактов предмета доказывания. Иные фактические обстоятельства, в том числе процессуального характера, не образуют устойчивых элементов предмета доказывания по данной категории споров, в связи с чем их самостоятельный анализ не представляется методологически целесообразным. В рамках настоящего исследования также не ставится задача определения фактов, не подлежащих доказыванию, поскольку при взыскании убытков с арбитражного управляющего действуют общие правила арбитражного судопроизводства.

Резюмируя, источниками основных материально-правовые фактов предмета доказывания по исследуемой категории дел являются нормы материального права, устанавливающие основание гражданско-правовой ответственности арбитражного управляющего перед должником и его кредиторами. Главным образом, речь идёт о специальной норме абз. 1 п. 4 ст. 20.4 Закона о банкротстве. С учётом родовой принадлежности рассматриваемого вида ответственности к гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательств определение предмета доказывания следует осуществлять, основываясь на положениях главы 25 ГК РФ. Поскольку ответственность арбитражного управляющего перед

[1] Дегтярев С. Л. Доказывание убытков в арбитражном процессе: дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000. С. 94–95.

должником и (или) его кредиторами наступает в форме убытков, арбитражному суду необходимо при установлении объёма фактов, подлежащих доказыванию по делу, опираться на ст. 15 ГК РФ. Наконец, источником формирования предмета доказывания по делам данной категории выступают материально-правовые нормы Закона о банкротстве, устанавливающие обязанности арбитражного управляющего, нарушение которых формирует основания его гражданско-правовой ответственности.

С учетом изложенного в рамках настоящего исследования предмет доказывания по делам о взыскании убытков с арбитражного управляющего определяется как совокупность юридически значимых материально-правовых обстоятельств, вытекающих из норм, закрепляющих условия его гражданско-правовой ответственности. К числу таких обстоятельств относятся: 1) противоправность поведения арбитражного управляющего; 2) его вина; 3) наличие причинно-следственной связи между соответствующим поведением и наступившими неблагоприятными имущественными последствиями; 4) факт наличия убытков. Последовательное исследование каждого из указанных элементов позволяет выявить особенности формирования и содержания предмета доказывания применительно к данной категории споров.быть подвергнуто сомнению потому, что такие факты имеют значение для рассмотрения и разрешения отдельных категорий дел по существу (производство по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений) [1] . Наконец, необходимо согласиться с утверждением В. В. Яркова о том, что в ряде случаев предмет доказывания включает в себя практически только процессуальные юридические факты, как это имеет место в производствах, связанных с признанием и приведением в исполнение судебных и арбитражных решений, с признанием юридической силы или проверкой решения третейского суда[2].

[1]Нахова Е. М. Там же.
[2]Ярков В. В. Там же.

С учетом изложенного в рамках настоящего исследования под предметом доказывания предлагается понимать совокупность обстоятельств как материально-правового, так и процессуального характера, установление которых необходимо суду для правильного рассмотрения и разрешения дела, а обязанность их доказывания возлагается на лиц, участвующих в деле.[1].

Учитывая вышеизложенное, следует уделить внимание вопросу об источниках формирования предмета доказывания. Согласно ч. 2 ст. 65 АПК РФ, обстоятельства, имеющие значение для правильного рассмотрения дела, определяются арбитражным судом на основании требований и возражений лиц, участвующих в деле, в соответствии с подлежащими применению нормами материального права. Такой подход законодателя согласуется с традиционным представлением, сложившимся в отечественной науке, где к источникам предмета доказывания относят основание иска и возражение против него, а также гипотезу и диспозицию нормы или ряда норм материального права, подлежащих применению [2] . Кроме того, разделяемая нами точка зрения по вопросу о включении в предмет доказывания фактов, имеющих процессуальное значение, обусловливает учёт также и норм процессуального права[3].

Обращаясь к проблеме классификации фактов, составляющих предмет доказывания, необходимо констатировать, что в доктрине до настоящего времени не выработано единообразного подхода[4]. В целях выявления процессуальных особенностей рассмотрения дел о взыскании убытков с арбитражного управляющего в части определения фактов, образующих предмет доказывания по данной категории дел, методологически оправданным представляется использование классификации, предложенной С. Л. Дегтяревым. Данный подход позволяет выявить специфику доказательственной деятельности в рамках производства по рассматриваемой категории споров. Определяя предмет

[1]Нахова Е. М. Там же. С. 93; Решетникова И. В. Там же. С. 47.
[2]Треушников М. К. Указ. соч. С. 17.
[3]Данная позиция высказывается и в современных учебниках по арбитражному процессу. См. например: Арбитражный процесс: учебник. С. 153.
[4]Обзор литературы по данному вопросу см.: Нахова Е. М. Концепция предмета доказывания в гражданском процессе: дис. … д-ра. юрид. наук. М., 2024. С. 127-155

доказывания по делам о возмещении убытков, учёный предложил выделить две группы юридических фактов: 1) основные материально-правовые факты, которые выводятся из норм материального права (норм, раскрывающих понятие убытков, содержащихся в общих положениях ГК РФ, а также норм, регулирующих конкретные спорные материальные правоотношения); 2) иные факты, в том числе процессуального характера, включаемые в предмет доказывания[1].

По мнению автора, юридические факты предмета доказывания по делам о возмещении убытков целесообразно делить на обязательные (учитываемые арбитражным судом при рассмотрении любого дела подобного рода) и факультативные (включение в предмет доказывания которых зависит от материально-правовых особенностей конкретного правоотношения). К числу обязательных элементов предмета доказывания по делам данной категории учёный относит следующие основные материально-правовые юридические факты: 1) факт наличия убытков, 2) факт противоправного поведения, 3) факт причинно-следственной связи между противоправным поведением и возникшими убытками, 4) факт вины лица, противоправно причинившего убытки[2].

По нашему мнению, данный подход в наибольшей степени соответствует задаче выявления процессуальных особенностей рассмотрения отдельных категорий дел, связанных с взысканием убытков, поскольку уделяет внимание ключевым материально-правовым особенностям спорного правоотношения, предопределяющим содержание доказательственной деятельности по делам данной категории, независимо от обстоятельств конкретного спора.

Определение предмета доказывания по делам о взыскании убытков с арбитражного управляющего на концептуальном уровне должно основываться прежде всего на анализе обязательных материально-правовых фактов предмета доказывания. Иные фактические обстоятельства, в том числе процессуального характера, не образуют устойчивых элементов предмета доказывания по данной

---

[1] Дегтярев С. Л. Указ. соч. С. 68–85.

[2] Дегтярев С. Л. Доказывание убытков в арбитражном процессе: дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000. С. 94–95.

категории споров, в связи с чем их самостоятельный анализ не представляется методологически целесообразным. В рамках настоящего исследования также не ставится задача определения фактов, не подлежащих доказыванию, поскольку при взыскании убытков с арбитражного управляющего действуют общие правила арбитражного судопроизводства.

Резюмируя, источниками основных материально-правовые фактов предмета доказывания по исследуемой категории дел являются нормы материального права, устанавливающие основание гражданско-правовой ответственности арбитражного управляющего перед должником и его кредиторами. Главным образом, речь идёт о специальной норме абз. 1 п. 4 ст. 20.4 Закона о банкротстве. С учётом родовой принадлежности рассматриваемого вида ответственности к гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательств определение предмета доказывания следует осуществлять, основываясь на положениях главы 25 ГК РФ. Поскольку ответственность арбитражного управляющего перед должником и (или) его кредиторами наступает в форме убытков, арбитражному суду необходимо при установлении объёма фактов, подлежащих доказыванию по делу, опираться на ст. 15 ГК РФ. Наконец, источником формирования предмета доказывания по делам данной категории выступают материально-правовые нормы Закона о банкротстве, устанавливающие обязанности арбитражного управляющего, нарушение которых формирует основания его гражданско-правовой ответственности.

С учетом изложенного в рамках настоящего исследования предмет доказывания по делам о взыскании убытков с арбитражного управляющего определяется как совокупность юридически значимых материально-правовых обстоятельств, вытекающих из норм, закрепляющих условия его гражданско-правовой ответственности. К числу таких обстоятельств относятся: 1) противоправность поведения арбитражного управляющего; 2) его вина; 3) наличие причинно-следственной связи между соответствующим поведением и наступившими неблагоприятными имущественными последствиями; 4) факт наличия убытков. Последовательное исследование каждого из указанных

элементов позволяет выявить особенности формирования и содержания предмета доказывания применительно к данной категории споров.

Факт противоправного поведения арбитражного управляющего. В российской литературе сложилось несколько подходов к пониманию противоправности как условия гражданско-правовой ответственности: 1) нарушение нормы объективного права[1]; 2) нарушение норм права или общих правовых принципов гражданского права, его отдельных институтов [2]; 3) нарушение субъективного права [3]; 4) одновременное нарушение нормы объективного права и субъективного права потерпевшего лица [4]. Указанные подходы разрабатывались, главным образом, применительно к деликтной ответственности. В современном учебнике по гражданскому праву предлагается разделять критерий противоправности, обязательный к установлению при привлечении к договорной ответственности (противоправность составляет нарушение договора) и деликтной ответственности (противоправность заключается в умалении абсолютного права потерпевшего или в нарушении предписания нормы права[5] (принципов права[6]).

В рамках отстаиваемого нами подхода к квалификации гражданско-правовой ответственности арбитражного управляющего за убытки, причиненные должнику и (или) его кредиторам, представляется обоснованным рассматривать материально-правовой факт противоправного поведения как нарушение внедоговорного обязательства, связывающего его с должником и кредиторами. Такое нарушение выражается в неисполнении или ненадлежащем исполнении

---

[1] Тархов В. А. Ответственность по советскому гражданскому праву. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1973. С. 74-76.

[2] Грибанов В. П. Указ. соч. С. 326.

[3] Смирнов В. Т., Собчак А. А. Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве: учебное пособие. Ленинград: Издательство ЛГУ, 1983. С. 66.

[4] Флейшиц Е. А. Избранные труды по гражданскому праву. В 2 т. Т. 2. М.: Статут, 2015. С. 360; Матвеев Г. К. Основания гражданско-правовой ответственности. М.: Юридическая литература, 1970. С. 22.

[5] Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. I / отв. ред. Е. А. Суханов. С. 567–568.

[6] Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. IV: Отдельные виды обязательств / отв. ред. Е. А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2023. С. 544.

арбитражным управляющим входящих в содержание такого обязательства обязанностей.

Юридическая техника, используемая в Законе о банкротстве, подразумевает несколько форм закрепления обязанностей арбитражного управляющего: 1) через прямое указание на обязанность совершения определённых действий (в структуре самостоятельных норм о правах и обязанностях арбитражного управляющего или в нормах, регулирующих отдельные процедурные аспекты производства по делу о банкротстве); 2) посредством использования косвенных оборотов «представляет», «предъявляет», «передает» и др.

В соответствии с п. 4 ст. 20.3 Закона о банкротстве, на арбитражного управляющего возлагается обязанность при проведении процедур, применяемых в деле о банкротстве, действовать добросовестно и разумно в интересах должника, кредиторов и общества. Данная обязанность не сводится к совершению управляющим конкретных действий или воздержанию от их совершения, но устанавливает абстрактные требования к его поведению, несоблюдение которых при причинении убытков должнику и его кредиторам влечёт привлечение управляющего к гражданско-правовой ответственности.

Справедливость данного суждения подчёркивается и в судебной практике. Так, согласно буквальному толкованию норм Закона о банкротстве (абз. 7 п. 4 ст. 84, абз. 6 п. 3 ст. 129, абз. 5 п. 1 ст. 99, абз. 2 п. 7 ст. 213.9 и др.), оспаривание сделок должника составляет лишь право управляющего, но не его обязанность. Вместе с тем ВС РФ, обосновывая наличие оснований для взыскания убытков с арбитражного управляющего, справедливо квалифицирует оспаривание сделок, последствия применения которых влекут пополнение конкурсной массы должника или освобождают должника от исполнения его обязательств, в качестве обязанности[1].

[1]п. 16 Обзора судебной практики по вопросам участия арбитражного управляющего в деле о банкротстве // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.su/ncqFo (дата обращения: 31.05.2026).

Таким образом, нарушение обязательства со стороны управляющего имеет место и в тех случаях, когда он совершает недобросовестные и (или) неразумные действия, противоречащие интересам должника и его кредиторов, но не связанные с неисполнением прямо предусмотренных для него Законом о банкротстве обязанностей. Это означает, что в соответствующих случаях содержание материально-правового факта противоправного поведения управляющего составляет неисполнение (ненадлежащее исполнение) им обязанностей действовать добросовестно и (или) разумно в интересах должника и его кредиторов.

Вместе с тем точное определение содержания указанного факта предполагает установление юридического значения категорий «добросовестность» и «разумность», которые по своей природе носят оценочный характер. Как справедливо отмечает В.Г. Голубцов, одним из основополагающих признаков оценочных понятий является отсутствие каких-либо формализованных границ для целей их интерпретации в процессе правореализации и правоприменения[1]. В то же время именно судебная практика выполняет значимую роль в их конкретизации с учетом оценки фактической обстановки в конкретном деле[2]. Кроме того, отсутствие легального определения данных категорий в Законе о банкротстве предопределяет активную роль доктрины в раскрытии их правового содержания.

Мотивы избранного законодателем подхода могут быть раскрыты с опорой на концепции, сформировавшиеся в рамках зарубежной научной дискуссии, условно обозначаемой как «Rules vs. Standarts» («Правила против Стандартов»). В ней, как обоснованно отмечает А. В. Дёмин, ключевое значение приобретает анализ целесообразности правового регулирования общественных отношений посредством двух юридических форм: 1) общих стандартов, требующих от правоприменителя дополнительной конкретизации adhoc с учётом специфики

---

[1] Голубцов В.Г. Гражданско-правовая отсылка к существу обязательства // Пермский юридический альманах. 2022. № 5. С. 169

[2] Алексеев С. С. Право. Азбука. Теория. Философия: Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. С. 105.

конкретного дела, и 2) норм-предписаний, точно определяющих модели правомерного поведения[1]. Норма-предписание позволяет предварительно понять, какое поведение допустимо, оставляя за судьёй рассмотрение лишь фактических обстоятельств. Стандарт же может предусматривать, что судье, помимо установления фактов дела, надлежит установить модель допустимого поведения в спорной ситуации[2]. Таким образом, презюмируется, что законодатель при формировании правового регулирования конкретных отношений пользуется дискрецией в вопросе выбора между установлением строгого нормативного предписания и введением относительно абстрактного стандарта. Установление стандарта чаще всего имеет место в тех случаях, когда представляется невозможным или чрезмерно затруднительным сформировать такое правило, которое учитывало бы все возможные обстоятельства, имеющие значение для регулируемой ситуации[3].

Деятельность арбитражного управляющего состоит в управлении участником гражданского оборота, испытывающим финансовые трудности, в интересах кредиторов последнего, что обусловливает её повышенную сложность. На всём протяжении процедуры, применяемой в деле о банкротстве, управляющему приходится действовать в условиях правовой неопределённости и постоянно изменяющейся экономической обстановки, а потому его деятельность не может быть сведена к соблюдению заранее заданного набора формально определённых правил, но предполагает необходимость регулярных оценки изменяющейся экономической ситуации, анализа рисков, прогнозирования последствий принимаемых решений и выбора оптимальных моделей поведения из нескольких правомерных альтернатив. По этой причине попытка определить на

---

[1]Демин А. В. Дискуссия «Rulesvs. Standards» в доктрине общего права: общетеоретические и налогово-правовые аспекты // Финансовое право. 2014. № 4. С. 33.

[2]Kaplow L. Rules versus Standards: An economic analysis / Duke Law Journal. 1992. Vol. 42. № 3. P. 559–560.

[3] Лашков Н. С. Строгая ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности. Проблема выбора между правилами и стандартами / Договоры и обязательства: Сборник работ выпускников Российской школы частного права при Исследовательском центре частного права имени С. С. Алексеева при Президенте Российской Федерации: В 2 т. / сост. и отв. ред. А. В. Егоров и А. А. Новицкая. Т. 2: Особенная часть. М.: РШЧП, 2018. С. 80.

законодательном уровне исчерпывающий перечень обязанностей арбитражного управляющего была бы методологически ошибочной и заведомо нежизнеспособной[1].

С учетом описанных положений представляется обоснованным обратиться к анализу содержания обязанностей действовать и разумно в интересах должника и его кредиторов по отдельности.

Обязанность действовать добросовестно. В российском праве термин «добросовестность» понимается в двух значениях. Во-первых, она может восприниматься в субъективном смысле как извинительное незнание лица об определённых обстоятельствах. Как правило, указание на субъективную добросовестность обнаруживается в нормах гражданского законодательства, содержащих формулу «лицо не знало или не должно было знать», например, о наличии оснований для признания сделки недействительной (п. 1 ст. 167 ГК РФ), об отсутствии у продавца права распоряжаться проданной ему вещью (п. 1 ст. 302 ГК РФ) и т. д. Во-вторых, добросовестность может означать обязанность лица действовать в соответствии со стандартами честного и порядочного поведения, принятыми в гражданском обороте, а также с учётом прав и законных интересов своего контрагента (объективная добросовестность)[2].

Объективная добросовестность, по мнению И. Б. Новицкого, выступает в роли «внешнего мерила», которое принимается законом, судом, применяющим закон, и которое рекомендуется членам гражданского оборота в их взаимных сношениях друг с другом[3]. В таком значении, как принято считать, понятие добросовестного поведения раскрывается в п. 1 Постановления № 25: «Оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота,

---

[1]Михеева Л. Ю. Управлять = опекать = заботиться // Закон. 2024. № 2. С. 17–25.

[2]Основы цивилистики: учебное пособие / под ред. А. В. Егорова и Э. А. Евстигнеева. М.: Ассоциация выпускников РШЧП, 2020. С. 125; Новицкий И. Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 2006. № 1. С. 124–181; Основные положения гражданского права…. С. 170–175.

[3]Новицкий И. Б. Там же.

учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации».

В научных исследованиях подчёркивается, что содержание добросовестности изменяется в зависимости от специфики тех гражданско-правовых отношений, в которые вступают участники оборота[1]. Так, по мнению Д. В. Новака, применительно к п. 3 ст. 53.1 ГК РФ обязанность директора действовать добросовестно приобретает более узкое, по сравнению с общегражданской обязанностью добросовестного поведения, значение. Такая обязанность замыкается на обязанности действовать добросовестно в интересах юридического лица[2]. О. В. Гутников указывает, что общая добросовестность в судебной практике понимается как обязанность всего лишь учитывать права и законные интересы других лиц, в то время как обязанность действовать в интересах компании предполагает особую «усиленную добросовестность, выражающуюся в обязанности быть преданным интересам юридического лица и не допускать конфликта интересов»[3].

И. С. Чупрунов, разделяя описанную точку зрения, указывает, что обязанность директора действовать добросовестно по своему содержанию сопоставима с английским понятием dutyofloyalty (обязанность лояльности (верности))[4]. А. Е. Ананьев и А. В. Егоров также отмечают, что п. 3 ст. 53 ГК РФ, Постановление № 62 и судебная практика называют обязанность по верному (лояльному) поведению обязанностью добросовестности[5]. Большинство современных авторов разделяют обозначенную позицию, отмечая, что требование

---

[1] См. также: Принцип формального равенства и взаимное признание права: коллективная монография / под общ. ред. В. В. Лапаевой, А. В. Полякова, В. В. Денисенко. М.: Проспект, 2016. С. 151.

[2] Новак Д. В. Добросовестность в корпоративном праве // Вестник гражданского права. 2017. № 2. С. 13–23.

[3] Гутников О. В. Фидуциарные обязанности в российском корпоративном праве // Гражданское право. 2019. № 6. С. 25–29.

[4] Чупрунов И. С. Указ. соч. С. 134–137; Степанов Д. И., Михальчук Ю. С. Указ. соч. С. 14.

[5] Ананьев А., Егоров А. Постановление Пленума ВАС РФ об ответственности директоров (2013): научно-практический комментарий. Продолжение // Цивилистика. № 6. 2023. С. 158.

добросовестности, адресованное директору, не исчерпывается тем содержанием, которое придается данной категории в ГК РФ[1].

Аналогичным образом специфика отношений, складывающихся в связи с осуществлением арбитражным управляющим профессиональной деятельности в деле о банкротстве, может оказывать влияние на представление законодателя, правоприменителя и участников гражданского оборота о надлежащем образе деятельности арбитражного управляющего, который и наполняет конкретным содержанием обязанность его добросовестного поведения. Косвенное свидетельство этому обнаруживается в подтверждённой судебной практикой возможности применения правил об ответственности лиц, входящих в состав органов юридического лица, при рассмотрении арбитражными судами дел о взыскании убытков с внешнего или конкурсного управляющих (п. 12 Постановления № 62). Более того, как отмечается в доктрине и судебной практике, не обнаруживается каких-либо препятствий к тому, чтобы применять соответствующие разъяснения к иным разновидностям управляющих в деле о банкротстве[2]. В сравнительно-правовом контексте интересно отметить, что в ряде стран (Австралия, Южно-Африканская Республика), нормы, относящиеся к управляющим в деле о банкротстве юридических лиц (corporateinsolvencypractitioners), включаются в положения, регулирующие обязанности директоров компаний[3].

---

[1]Тычинская Е. В. Указ. соч. С. 110; Степанов Д. И., Михальчук Ю. С. Там же; Гутников О. В. Там же.

[2]Чупрунов И. С. Указ. соч. С. 332; Колесникова С. Г. Гражданско-правовая ответственность арбитражного управляющего за убытки, причиненные неисполнением (ненадлежащим исполнением) возложенных на него обязанностей // Арбитражные споры. 2018. № 1. С. 32–82. Суды применяют положения Постановления № 62 при рассмотрении споров о взыскании убытков с временного управляющего (Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 13.04.2021 № 13АП-5470/2021 по делу № А56-67039/2018/уб.10 //; Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 25.08.2021 по делу № А55-505/2016), финансового управляющего (Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 31.10.2024 по делу №А43-5316/2021 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.ru/3SFrnK (дата обращения: 03.03.2026); Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 05.09.2024 по делу № А13-1935/2023 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.ru/3SFrs8 (датаобращения: 03.03.2026))

[3]Jacobs L. Corporate insolvency practitioners: Ethics and fiduciary duties // Research Handbook on Corporate Restructuring / ed. by P.J. Omar, J.L.L. Gant. Cheltenham: Edward Elgar, 2021. P. 457–458.

Обязанность лица, которое в силу закона, иного правового акта или учредительного документа юридического лица уполномочено выступать от его имени, следует из норм гражданского законодательства (п. 3 ст. 53, абз. 2 п. 1 ст. 53.1 ГК РФ). Легальное определение обязанности директора действовать добросовестно, как и в случае с соответствующей обязанностью арбитражного управляющего, законодатель не приводит. В разъяснениях, данных в п. 2 Постановления № 62, Пленум ВАС РФ реализовал негативный подход к определению добросовестности (объяснение от противного) через указание обстоятельств, свидетельствующих о нарушении данной обязанности [1], без установления её сущностных признаков. Во многом аналогичный подход сложился и в зарубежных правопорядках, где создание и конкретизация сущности данной обязанности директоров исторически составляло задачу судебной практики[2].

В этой связи надлежит обратиться к доктрине. Обязанность директора действовать добросовестно Д. И. Степанов и Ю. С. Михальчук связывают с запретом конфликта интересов, а именно, запретом директору отождествлять интерес управляемого им юридического лица с личным интересом физического лица-управленца [3]. Такое понимание основывается на положениях пп. 1 п. 2 Постановления № 62, в соответствии с которыми недобросовестность действий директора считается доказанной, когда директор действовал при наличии конфликта интересов между его личными интересами (интересами аффилированных лиц директора) и интересами юридического лица. А. Е. Ананьев и А. В. Егоров приводят несколько более широкую трактовку. По их мнению, директор должен избегать конфликта интересов, при этом неважно, чьи конкретно интересы предпочитает директор, если они превалируют над интересами юридического лица, будь то собственные интересы директора,

---

[1]СтепановД. И., МихальчукЮ. С. Указ. соч. С. 54.

[2]Ключарева Е. М. Обязанности и ответственность членов органов управления юридических лиц в праве России, Германии, Великобритании и штата Делавэр (США): дис. … канд. юрид. наук. М., 2023. С. 48–94.

[3]Степанов Д. И., Михальчук Ю. С. Указ. соч. С. 53.

интересы сторонних лиц, приближённых к директору, интересы третьих лиц или интересы одного из участников юридического лица[1]. Наиболее удачно, на наш взгляд, обязанность директора действовать добросовестно описал И. С. Чупрунов. По мнению учёного, её можно свести к обязанности директора при любом конфликте интересов предпочесть именно интересы юридического лица[2].

Представляется, что подобная интерпретация обязанности действовать добросовестно в корпоративном праве предопределена следующими обстоятельствами.

Юридическое лицо, являясь искусственным субъектом права, формирует и выражает свою волю посредством действий физических лиц, входящих в состав его органов управления. Поэтому решения директора или иного органа управления признаются решениями самого юридического лица и непосредственно влекут для него юридические последствия. Такая конструкция обусловливает особую зависимость юридического лица от управляющего субъекта и, как следствие, его уязвимость перед возможным недобросовестным осуществлением управленческих полномочий.

Как правило, соответствующая правовая связь оформляется договором между юридическим лицом и лицом, осуществляющим управление. Заключая такой договор, юридическое лицо стремится подчинить деятельность управляющего собственным интересам, а управляющий, принимая на себя соответствующие обязанности, соглашается действовать в пределах данного стандарта поведения.

При этом содержание управленческого обязательства не может быть исчерпывающе определено заранее. В условиях изменчивости гражданского оборота невозможно установить полный перечень действий, которые директор должен совершать в каждой конкретной ситуации. Поэтому деятельность органов управления неизбежно предполагает наличие дискреционных полномочий, а её регулирование основывается на абстрактных стандартах, ключевым из которых

---

[1]Ананьев А., Егоров А. Указ. соч. С. 156.
[2]Чупрунов И. С. Указ. соч. С. 138.

является обязанность действовать в интересах юридического лица[1]. Ключевое значение при формировании таких стандартов приобретает категория интереса юридического лица, соотносимая с целями его деятельности[2].

Поскольку заранее определить соответствие каждого управленческого решения интересам юридического лица невозможно, корпоративное право формулирует более определённое по своему содержанию предписание, согласно которому орган управления, по меньшей мере, обязан воздерживаться от осуществления своих полномочий в интересах, отличных от интересов юридического лица[3]. Дальнейшая конкретизация этого стандарта в доктрине и судебной практике позволила выделить основные проявления обязанности добросовестного поведения: недопустимость конфликта интересов, запрет конкуренции, запрет использования корпоративных возможностей и обязанность сохранения конфиденциальной информации.[4].

Особенность обязанности действовать добросовестно состоит в том, что она возлагается на лицо, обладающее управленческим усмотрением и возможностью влиять на деятельность юридического лица. Такое влияние может выражаться в представлении его интересов во внешних отношениях, участии в формировании его воли, осуществлении контрольных функций либо фактическом определении принимаемых решений. При этом не имеет решающего значения, выступает ли соответствующий субъект от имени юридического лица вовне; достаточно наличия формальной или фактической возможности определять его поведение либо контролировать деятельность его органов. Именно этим объясняется распространение аналогичных стандартов не только на формального директора, но и на членов коллегиальных органов, а также на лиц, фактически определяющих действия юридического лица (п. 1 Постановления Пленума №62).

---

[1]Чупрунов И.С. Указ. Соч.С. 35

[2]Юридические лица – субъекты гражданского права: учебное пособие / под ред. В.А. Усановой. Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2018. С. 41 (автор раздела – М.Ю. Козлова)

[3]Махалин И.Н. Доктрина фидуциарных обязанностей: защита доверия под маской английской шпионки // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 1. С. 152-200

[4]Чупрунов И.С. Указ. соч. С. 138-139

Следовательно, обязанность добросовестного поведения в корпоративном праве представляется собой более строгий по сравнению с общегражданским требованием добросовестности стандарт поведения, предполагающий подчинение управленческого усмотрения исключительно интересу юридического лица.

Описанные выше положения закономерно актуализируют вопрос о пределах применимости корпоративно-правового подхода к пониманию обязанности действовать добросовестно в контексте деятельности арбитражного управляющего с учётом специфики складывающихся между ним, должником и кредиторами отношений.

На первый взгляд применение такого подхода сопряжено с рядом теоретических затруднений. Во-первых, объём его полномочий различается в зависимости от процедуры банкротства: в одних случаях он фактически замещает органы управления должника, в других – преимущественно осуществляет контрольные функции. Во-вторых, соответствующая обязанность возникает не из договора, а непосредственно из закона. В-третьих, управляющий действует не в интересах одного субъекта, как директор юридического лица, а в условиях множественности и конкуренции интересов должника, кредиторов и иных участников дела о банкротстве. Дополнительную сложность представляет применение данного стандарта при банкротстве гражданина.

Однако указанные различия не исключают использования базовых положений корпоративного подхода, а лишь требуют их уточнения.

В первую очередь, различие в объёме полномочий само по себе не является препятствием в возложении на арбитражного управляющего обязанности добросовестного поведения аналогичного содержания. В корпоративном праве данный стандарт также применяется не только к лицам, обладающим широкими представительскими полномочиями, но и к членам коллегиальных органов, контролирующим субъектам и лицам, фактически влияющим на управление. Поэтому как при фактическом замещении органов управления должника, так и при осуществлении контрольных функций арбитражный управляющий сохраняет возможность влиять на имущественное и правовое положение должника, что

обосновывает применение к нему специального стандарта добросовестного поведения.

Во-вторых, отсутствие договорной связи не имеет решающего значения. Основанием такой обязанности является не столько соглашение сторон, сколько предоставление лицу возможности воздействовать на чужую имущественную сферу, формирование воли другого субъекта или контроль за принятием юридически значимых решений. В этом смысле положение арбитражного управляющего сопоставимо с положением лица, осуществляющего управление чужими интересами.

В отношении множественности преследуемых интересов следует отметить следующее. Как было показано ранее, законные интересы кредиторов образуют основной ориентир деятельности арбитражного управляющего, связанного с ними обязательственным правоотношением, и именно этим интересам управляющий обязан отдавать приоритет по отношению к интересам иных участников дела о банкротстве. Интересы должника в процедуре несостоятельности с позиции системного понимания правового регулирования соответствующих отношений замещаются интересами кредиторов таким образом, что правомерный интерес должника, как правило, состоит в удовлетворении интересов кредиторов. Вместе с тем следует учитывать, что интересы самих кредиторов не являются однородными и нередко вступают в конкуренцию друг с другом, что сопоставимо с ситуацией столкновения интересов отдельных участников юридического лица в корпоративных правоотношениях.

Данная специфика убедительно описана Л. Джейкобсом, по мнению которого процедура банкротства нередко воспринимается как «игра с нулевой суммой», при которой увеличение объёма удовлетворения требований одного участника неизбежно приводит к сокращению имущественных возможностей других. В этих условиях деятельность арбитражного управляющего требует обеспечения баланса между конкурирующими интересами кредиторов при

строгом соблюдении установленных законом правил удовлетворения требований[1]. С учётом этого обстоятельства обязанность арбитражного управляющего действовать добросовестно должна пониматься как обязанность действовать в интересах всего сообщества кредиторов, но не отдельных кредиторов. Изложенное представление подтверждается и сложившейся судебной практикой[2].

Наконец, применение данного подхода к формированию содержания обязанности действовать добросовестно в отношении арбитражного управляющего в процедурах, применяемых в деле о банкротстве должника-физического лица, не представляется проблематичным, поскольку ключевое значение для такого понимания имеет передача управляющему контроля над имущественной сферой должника, оказываемое им влияние на механизм формирования и выражения воли должника в обороте, а также реализация соответствующих полномочий на основе усмотрения в условиях экономической и правовой неопределенности.

Таким образом, представляется обоснованным вывод о том, что обязанность арбитражного управляющего действовать добросовестно в интересах должника и его кредиторов следует понимать в специальном, обусловленном природой отношений несостоятельности значении. Такая обязанность не может быть сведена к общегражданскому требованию добросовестности, предъявляемому к любому участнику гражданского оборота, учитывающему права и законные интересы другой стороны, содействующему ей, в том числе в получении необходимой информации.

При этом в отличие от корпоративных отношений, где приоритет отдается интересу управляемого субъекта, институт несостоятельности, с точки зрения системы действующего регулирования, направлен преимущественно на защиту интересов иных лиц, являющихся выгодоприобретателями процедуры, а именно

---

[1] JacobsL. Op. cit. P. 464; Костин Е. В. Отраженные убытки: понятие и содержание // Юрист. 2024. № 11. С. 13–19; Шиткина И. С. Исполнительные органы хозяйственного общества: монография. М.: Статут, 2022. 314 с.

[2] Определение ВС РФ от 24.08.2020 по делу № А40-64173/2017 // СудАкт. URL: https://clck.ru/3SFsMG (дата обращения: 03.03.2026).

кредиторов должника. Должник в данном случае выступает не столько носителем приоритетного интереса, сколько объектом управленческого воздействия, осуществляемого в интересах кредиторов.

В этом смысле становится возможным соотнести содержание данной обязанности с пониманием арбитражного управления как производной от института несостоятельности правовой конструкцией. Арбитражное управление функционально связано с достижением целей процедуры банкротства, которые вне зависимости от подхода отдельных исследователей неизменно связываются с удовлетворением интересов наличных кредиторов должника. Иными словами, добросовестный арбитражный управляющий обязан осуществлять предоставленное ему дискреционное усмотрение исключительно для обеспечения реализации институционального назначения института банкротства. Это, в свою очередь, предполагает обязанность арбитражного управляющего воздерживаться от использования предоставленных ему полномочий в целях удовлетворения каких-либо частных интересов, кроме интересов кредиторов.

Таким образом, обязанность действовать добросовестно предлагается определить как обязанность арбитражного управляющего действовать в интересах сообщества кредиторов, но не в собственных интересах, интересах отдельных кредиторов, должника, или интересах третьих лиц. С учётом признаваемого сходства содержания обязанности действовать добросовестно, вменяемой директору и арбитражному управляющему, представляется также целесообразным обратиться к анализу ряда ситуаций, отражающих типовые аспекты обязанности действовать добросовестно и позволяющих конкретизировать её содержание.

Обязанность не совершать действий с конфликтом интересов. Как отмечалось ранее, стандарт добросовестного поведения директора предполагает приоритет интересов юридического лица над любыми иными интересами. Из этого следует, что в ситуации, когда личные интересы директора либо интересы третьих лиц способны повлиять на принимаемое им решение, возникает риск деформации его усмотрения и утраты объективности при оценке последствий

такого решения для юридического лица. В подобных условиях на директора возлагается обязанность воздержаться от принятия соответствующего решения, поскольку сам факт наличия конфликта интересов ставит под сомнение его способность к независимой и беспристрастной оценке его целесообразности для юридического лица. [1] . Нарушение указанного запрета способно повлечь возникновение оснований для привлечения директора к гражданско-правовой ответственности в форме возложения на него обязанности по возмещению убытков, причинённых совершением действий в условиях конфликта интересов. Вместе с тем совершение директором соответствующих действий может быть признано допустимым при условии надлежащего раскрытия конфликта интересов и последующего одобрения таких действий уполномоченным органом, что прямо вытекает из положений подп. 1 п. 2 Постановления № 62.

Представляется, что в сфере отношений несостоятельности (банкротства) указанное правило не может применяться в неизменном виде и требует определённой конкретизации. Очевидно, что в любой из процедур банкротства арбитражный управляющий потенциально сталкивается с ситуациями конфликта интересов. К числу таких ситуаций могут относиться, в частности, совершение или согласование сделок должника в пользу самого управляющего, аффилированных лиц с ним лиц[2], получение вознаграждения от третьих лиц за совершение неправомерных действий (бездействия) [3] , осуществление корпоративных прав должника в интересах отдельных кредиторов или аффилированных с ними лиц[4], а также организация хозяйственной деятельности должника с перераспределением прибыли в свою пользу или в пользу отдельных

---

[1]Чупрунов И.С. С. 146

[2]Определение СКЭС ВС РФ от 21.11.2022 № 305-ЭС22-15431 по делу № А41-89099/2019 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.su/wWXgr (дата обращения: 31.05.2026).

[3]Определение ВС РФ от 31.03.2022 № 305-ЭС16-16302(5) по делу № А41-54740/2014 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.su/uyxGO (дата обращения: 31.05.2026).

[4]Определение ВС РФ от 17.05.2018 № 305-ЭС17-20073 по делу № А40-2204/2016// Судакт. URL: https://clck.su/pcKTi (дата обращения: 31.05.2026).; Определение ВС РФ от 06.10.2020 № 304-ЭС19-25794(3,4) по делу № А70-380/2018 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.su/jUYYq (дата обращения: 31.05.2026).

кредиторов [1] . В соответствующих делах российские суды, обосновывая противоправность поведения арбитражного управляющего, справедливо обращаются к доктрине конфликта интересов, применяя базовые подходы, выработанные корпоративным правом.

Однако возникает вопрос о пределах применения механизма преодоления конфликта интересов, основанного на его раскрытии и последующем одобрении, традиционно используемого в корпоративном праве. Как обоснованно отмечается в доктрине, назначение раскрытия конфликта интересов состоит в том, чтобы предоставить иным уполномоченным органам юридического лица возможность осуществить независимую оценку того, в какой мере предполагаемые действия соответствуют интересам данного юридического лица[2].

Вместе с тем применительно к статусу арбитражного управляющего возникают принципиальные затруднения. Прежде всего, требует разрешения проблема допустимости применения аналогичного механизма преодоления конфликта интересов в рамках производства по делу о банкротстве: какой субъект уполномочен давать согласие на совершение действий в условиях такой заинтересованности. В корпоративном праве механизм одобрения основан на замкнутости корпоративных отношений: решения принимаются органами управления, состоящими, как правило, из экономических собственников, самостоятельно определяющих допустимость тех или иных действий.

В процедуре банкротства потенциальным функциональным аналогом таких органов могли бы выступать собрание кредиторов или комитет кредиторов. Будучи основными выгодоприобретателями от деятельности арбитражного управляющего, кредиторы объективно заинтересованы в увеличении конкурсной массы и уже наделены полномочиями по согласованию отдельных действий управляющего. Одновременно при оценке пределов управленческого усмотрения арбитражного управляющего необходимо учитывать выраженный публично-

---

[1]Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 14.11.2022 № 307-ЭС17-10793(26-28) по делу № А56-45590/2015 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://707.su/5gzM (дата обращения: 31.05.2026).

[2]Чупрунов И.С. Указ. соч. С. 146

правовой элемент производства по делу о банкротстве. В отличие от корпоративной сферы, где принятие управленческих решений во многом опосредуется автономией воли участников корпорации, деятельность арбитражного управляющего осуществляется под судебным контролем и при наличии специальных требований к его независимости и незаинтересованности.

Так, арбитражный суд, рассматривающий дело о банкротстве, при наличии обоснованных сомнений в независимости или беспристрастности управляющего вправе принять меры к его отстранению (п. 56 Постановления Пленума ВС РФ № 35). Это свидетельствует о том, что российское банкротное право предъявляет к арбитражному управляющему более строгие требования, чем те, которые обычно применяются к лицам, принимающим управленческие решения в корпоративной сфере. Ключевое значение имеют требования независимости, беспристрастности и отсутствия заинтересованности, предполагающие, что решения управляющего не должны определяться посторонними влияниями, личными интересами либо интересами отдельных участников процедуры. Эти требования выполняют не только оценочную, но и превентивную функцию, поскольку направлены на предупреждение потенциальных злоупотреблений ещё до наступления неблагоприятных имущественных последствий.

Кроме того, для российского правопорядка характерен подход, согласно которому одобрение действий арбитражного управляющего органами кредиторов само по себе не освобождает его от ответственности. Следовательно, даже при наличии поддержки со стороны собрания или комитета кредиторов управляющий сохраняет самостоятельную обязанность не допускать конфликта интересов[1].

Обязанность не конкурировать. В наиболее общем виде обязанность директоров не конкурировать с управляемыми ими юридическими лицами сводится к следующим положениям. Во-первых, директор должен полностью отдавать свои силы на благо компании. Во-вторых, директор обязан

[1]Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 21.11.2022 № 305-ЭС22-15431 по делу № А41-89099/2019 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://707.su/XoGg (дата обращения: 31.05.2026).

предпринимать достаточные меры, направленные на защиту интересов юридического лица, и воспрепятствование всему, что может эти интересам повредить. Поэтому не может быть признано совместимым с надлежащим исполнением этих обязанностей осуществление директором деятельности в деловой сфере компании или оказание значительной поддержки ее конкуренту[1].

В российской доктрине вопросы применения указанных запретов к арбитражному управляющему не получили самостоятельной разработки, однако представляется очевидным, что соответствующие ограничения должны применяться к нему в равной мере. В связи с этим научный интерес представляют случаи утверждения одного и того же лица в качестве арбитражного управляющего в делах о банкротстве организаций, действующих в одной хозяйственной сфере. Как справедливо отмечает У. Беккер, при наличии у таких предприятий потенциала к восстановлению и продолжению деятельности под управлением одного лица неизбежно возникает конкуренция за идентичные ресурсы. В результате арбитражный управляющий, наделённый правом распоряжения имуществом каждого из этих должников, оказывается в положении «слуги двух господ», объективно неспособного обеспечить нейтральное и равноориентированное управление в интересах каждого из них[2]. Сходная оценка представляется обоснованной и в отношении ситуаций, когда арбитражный управляющий параллельно ведёт предпринимательскую деятельность в той же хозяйственной сфере, что и должник, поскольку это объективно порождает конфликт интересов. Подобно тому, как осуществление директором платёжеспособного юридического лица конкурирующей деятельности ставит под угрозу экономический успех данной организации, и, опосредованно, имущественные интересы участников юридического лица, аналогичное поведение арбитражного управляющего способно привести к уменьшению имущественной

---

[1]Малкина В. И. Конфликт интересов в юридических лицах: монография. М.: Юстицинформ, 2022. 195 с.; Ключарева Е. М. Запрет на конкуренцию директора с обществом: опыт Великобритании, штата Дэлавэр (США), Германии и России // Закон. 2018. № 6. С. 115–127.
[2]BeckerU. Op. cit. S. 220.

массы должника, утрате возможности её увеличения, снижению объёма удовлетворения требований кредиторов.

Обязанность воздерживаться от использования деловых возможностей. В корпоративном праве её исходным теоретическим положением является признание того, что орган управления не вправе извлекать личную выгоду из возможностей заключения перспективных сделок либо получения иных экономических преимуществ, о которых ему стало известно в процессе исполнения своих функций. Такие возможности рассматриваются как принадлежащие самому юридическому лицу[1].

Ключевая проблема в рамках данной конструкции состоит в определении того, следует ли конкретную деловую возможность относить к сфере интересов общества. В доктрине для решения этого вопроса выработан ряд критериев, среди которых центральное значение имеет наличие у компании конкретного интереса в отношении соответствующей возможности. Такой интерес может выражаться в принятии формального решения, подтверждающего намерение воспользоваться деловой возможностью, вступлении в соответствующие переговоры, а равно в любом ином проявлении намерения реализовать соответствующую возможность. Кроме того, к деловым возможностям компании относятся и такие, которые потенциально охватываются предметом её хозяйственной деятельности. Соответствующий интерес прекращается лишь в случае прямого отказа общества от реализации данной возможности[2].

В российской правовой доктрине данный аспект обязанности арбитражного управляющего действовать добросовестно также остаётся практически неразработанным. Между тем его практическое значение не вызывает сомнений. Показательным в этом отношении является гипотетический пример, приводимый

---

[1] Ильин Д. В. Применение доктрины корпоративных возможностей в России // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019 № 8. С. 197–222; Ильин Д. В. Доктрина корпоративных возможностей как экономически эффективный способ разрешения конфликта с топ-менеджером // Вестник экономического правосудия РФ. 2019. № 7. С. 163–201.

[2] Голованов Е. Эксплуатирование корпоративных возможностей директором, членом совета директоров хозяйственного общества // Корпоративное право: проблемы и решения: Сборник работ / сост. и отв. ред. И. С. Чупрунов. М.: Ассоциация выпускников РШЧП, 2020. С. 175-190.

У. Беккером. Управляющая недвижимостью компания признаётся неплатёжеспособной, при этом в ходе производства по делу выявляется возможность восстановления её платёжеспособности, реализация которой возлагается на арбитражного управляющего. В процессе управления возникает возможность приобретения земельного участка по заниженной цене с последующей перепродажей и увеличением стоимости имущественной массы должника. Однако арбитражный управляющий использует данную возможность в личных интересах, приобретая участок за счёт собственных средств, а не для компании. В результате потенциальное увеличение имущества должника не происходит, что приводит к снижению уровня удовлетворения требований кредиторов[1].

По нашему мнению, деловую возможность следует рассматривать в качестве особого актива, относящегося к имущественной массе должника. Признание допустимости её присвоения арбитражным управляющим означало бы наделение его правом произвольного распоряжения имущественной массой должника, что несовместимо с интересами сообщества кредиторов и целями института несостоятельности (банкротства).

Обязанность сохранять конфиденциальность. В соответствии с п. 3 ст. 20.3 Закона банкротстве на арбитражного управляющего возлагается обязанность сохранять конфиденциальность сведений, охраняемых федеральным законом, включая служебную и коммерческую тайну, ставших ему известными в связи с исполнением возложенных на него обязанностей.

Арбитражный управляющий получает доступ к значительному массиву экономически и коммерчески значимой информации должника, включая клиентские базы, внутреннюю финансовую отчётность, условия договорных отношений и сведения о деловых переговорах, которые в современных условиях могут рассматриваться как ценные нематериальные активы компании. В этой связи в Руководстве ЮНСИТРАЛ предлагается ограничивать использование

[1]BeckerU. Opcit. S. 221.

такой информации целями производства по делу о несостоятельности, а также распространять обязанность соблюдения конфиденциальности на сотрудников и агентов управляющего, а также иных лиц, определяемых судом[1].

Соблюдение конфиденциальности, на что указывает и ВС РФ[2], выступает одной из ключевых обязанностей арбитражного управляющего. Он должен воздерживаться как от разглашения соответствующих сведений третьим лицам, в том числе по неосторожности, так и от использования полученной информации в личных интересах либо в интересах аффилированных лиц. Нарушение конфиденциальности способно причинить существенный ущерб имущественным интересам и деловой репутации должника и тем самым негативно отразиться на имущественных правах кредиторов.

Обязанность действовать разумно. Наряду с требованием добросовестности, обязанность арбитражного управляющего действовать в интересах должника и кредиторов включает также критерий разумности. Аналогичное требование формулируется и в корпоративном праве применительно к обязанностям директора действовать в интересах управляемого юридического лица. Если обязанность добросовестности ориентирует поведение управляющего субъекта на приоритетное удовлетворение интересов управляемого лица (бенефициара управления), то требование разумности конкретизирует содержание такого поведения, устанавливая критерии того, каким образом должны осуществляться действия для достижения указанных целей. Преданность интересам управляемого субъекта, хотя и является необходимым элементом, сама по себе не обеспечивает их эффективной реализации без надлежащего уровня прилагаемых усилий и профессиональной компетентности со стороны управляющего. Именно совокупность минимально необходимых требований

---

[1] ЮНСИТРАЛ. Руководство для законодательных органов по вопросам законодательства о несостоятельности. Нью-Йорк: Организация Объединенных Наций, 2005. 451 с.

[2] Определение ВС РФ от 13.12.2018 по делу № А40–185433/2017 // СудАкт. URL: https://clck.ru/3SFtdN (дата обращения: 03.03.2026); Обзор судебной практики ВС РФ. 2019. № 1 (п. 16) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.ru/3SFtpF (дата обращения: 03.03.2026)

правопорядка к качеству таких усилий и уровню компетентности образует содержание обязанности действовать разумно.

В системе разграничения обязанностей органов управления юридических лиц обязанность действовать разумно рассматривается российскими учёными как функциональный эквивалент английской конструкции dutyofcare (обязанность заботливости, осмотрительности)[1].

Особенность деятельности директора состоит в том, что, независимо от уровня его квалификации, опыта и интенсивности осуществляемой управленческой деятельности, он объективно лишён возможности гарантировать достижение конкретного результата, поскольку итог деятельности юридического лица зависит от совокупности внешних и внутренних факторов, значительная часть которых находится вне сферы его контроля. По этой причине правопорядок рассматривает в качестве надлежащего исполнения директором его обязанностей лишь приложение достаточных усилий для достижения целей деятельности юридического лица.

Обязанность действовать разумно в указанном контексте выполняет функцию нормативного критерия, посредством которого правоприменитель оценивает соответствие деятельности директора приемлемому, с точки зрения правопорядка, уровню прилагаемых управленческих усилий. На протяжении длительного времени в доктрине корпоративного права ведётся дискуссия относительно определения нижней границы данного стандарта, иными словами, относительно того, какое поведение должно рассматриваться в качестве ориентира. В результате в научной литературе сформировалось несколько концептуальных подходов к решению данного вопроса.

Согласно одному из них, оценка действий директора должна осуществляться на основе объективного стандарта поведения «доброго и

---

[1]Ананьев А., Егоров А. Указ. соч. С. 82; Степанов Д. И., Михальчук Ю. С. Указ. соч. С. 14; Чупрунов И. С. Указ. соч. С. 40; Гутников О. В. Гражданско-правовая ответственность в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2018. С. 210; Егоров А. В. Ответственность директора и корпоративный конфликт // Цивилистика. 2022. № 2. С. 173.

заботливого хозяина», предполагающего сопоставление его действий и уровня знаний с моделью поведения среднего участника оборота, или среднестатистического директора[1]. Таким образом, директор не может быть признан действующим неразумно в случае, если его поведение соответствует тому уровню заботливости и осмотрительности, который в обычных условиях делового оборота ожидается от типичного руководителя юридического лица. Как отмечает И. С. Чупрунов, указанный подход может быть нормативно обоснован абз. 2 п. 1 ст. 53.1 ГК РФ, в соответствии с которым директор несёт ответственность, если он действовал недобросовестно или неразумно, в том числе в случаях, когда его действия (бездействие) не соответствовали обычным условиям гражданского оборота или обычному предпринимательскому риску[2].

Специфической чертой объективного подхода является отказ от учёта индивидуальных характеристик конкретного директора, а также особенностей управляемого им юридического лица при определении разумности его поведения. В результате формируется единый стандарт, применимый ко всем директорам независимо от уровня их образования, профессионального опыта и иных индивидуальных качеств, равно как и независимо от масштаба, организационных и экономических параметров управляемого бизнеса.

Принципиально иное представление сформулировано сторонниками субъективного подхода к оценке разумности. В данном случае определение требуемого уровня управленческих усилий осуществляется судом индивидуально в каждом конкретном случае с учётом особенностей бизнеса, которым руководит директор, его профессиональных знаний, опыта и иных релевантных обстоятельств[3]. Классическим выражением субъективного подхода традиционно считается сформулированное английским судьёй М. Ромером положение:

---

[1]Степанов Д. И., Михальчук Ю. С. Указ. соч. С. 16; Ананьев А., Егоров А. Там же.
[2]Чупрунов И. С. Указ. соч. С. 190.
[3]Ананьев А., Егоров А. Указ. соч. С. 81; Ключарева Е. М. Обязанности…. С. 140.

«Директор обязан проявлять такую степень заботливости, какую можно разумно ожидать от лица с его знаниями и опытом»[1].

Промежуточное положение занимает концепция субъективно-объективного стандарта поведения директора, где в качестве общего ориентира используется поведение разумного участника гражданского оборота в сопоставимых условиях, однако в отдельных случаях, отличающихся повышенной спецификой, допускается оценка действий директора с учётом тех знаний, навыков и опыта, которыми он фактически обладает, а также особенностей управляемого им юридического лица. Принято считать, что именно такой смешанный стандарт закреплён в действующем английском Законе о компаниях 2006 г. (Companies Act 2006)[2].

Как отмечает П. Дэвис, принципиальное различие между нормативной формулировкой Companies Act 2006 и субъективным подходом, восходящим к позиции судьи М. Ромера, состоит в том, что в последнем случае субъективный уровень профессиональных навыков директора непосредственно определяет требуемый стандарт его поведения, тогда как в рамках действующего законодательства субъективный уровень компетенции директора учитывается лишь постольку, поскольку он повышает объективный стандарт поведения. Тем самым субъективный элемент стандарта разумности может служить исключительно основанием для усиления требований к заботливости директора, но не для их снижения[3]. Среди российских учёных наибольшей поддержкой пользуются концепции объективного[4] и объективно-субъективного подходов[5], окончательное же решение этого вопроса не дано ни на уровне закона, ни на уровне судебной практики.

---

[1]Davies P. L., Worthington S., Micheler E. Gower and Davies' Principles of Modern Company Law. 11th ed. London: Sweet & Maxwell, 2021. P. 760–762.

[2]ЗаконВеликобританииокомпаниях (Companies Act) от 8 ноября 2006 г. // Legislation.gov.uk. URL: https://707.su/SXsW (датаобращения: 31.05.2026).

[3]Davies P. L., Worthington S., Micheler E. Op. cit. P. 762–763. См. также: Ключарева Е. М. Обязанности…. С. 140.

[4] Гутников О. В. Гражданско-правовая ответственность…. С. 210; Степанов Д. И., Михальчук Ю. С. Указ. соч. С. 16.

[5]Чупрунов И. С. Указ. соч. С. 187–182.

Не вызывает сомнений, что применительно к арбитражному управляющему обязанность действовать разумно имеет сходные концептуальные предпосылки. Осуществление арбитражного управления в рамках дела о банкротстве протекает в условиях экономической неопределённости и по своей природе не может быть ориентировано на достижение гарантированного результата. Подобно органам управления юридического лица, арбитражный управляющий вынужден принимать сложные управленческие решения в ситуации неполной информации и повышенного риска, в связи с чем отсутствуют основания возлагать на него ответственность за недостижение заранее определённого результата как в виде конечного объёма удовлетворения требований кредиторов, так и при оценке правомерности и обоснованности отдельных совершаемых им действий.

Наиболее теоретически обоснованным представляется подход, при котором оценка деятельности арбитражного управляющего осуществляется не через сопоставление достигнутого результата с неким идеальным показателем (что фактически приводило бы к ответственности арбитражного управляющего за любой негативный результат его деятельности), а посредством применения оценочного стандарта поведения, позволяющего установить, были ли управляющим приложены необходимые и достаточные усилия для достижения целей соответствующей процедуры, применяемой в деле о банкротстве. Реализация такого подхода, в свою очередь, предполагает предварительное определение содержания и параметров применимого стандарта.

Представляется, что стандарт разумности арбитражного управляющего также может быть объективным, субъективным или объективно-субъективным. Субъективный подход потребовал бы от суда в каждом конкретном случае определять меру подлежащих приложению усилий, отталкиваясь от индивидуальных качеств данного конкретного управляющего и специфики управляемого им должника. Основным возражением против субъективного подхода именно по отношению к арбитражному управляющему являются предусмотренные законодательством требования к его профессионализму и квалификации (ст. 20.3 Закона о банкротстве). Субъективный подход разрушает

логику профессионализации, поскольку допускает, что управляющий может ссылаться на недостаток опыта, ресурсов или навыков как на фактор, снижающий стандарт ожидаемого поведения. Однако субъект профессиональной деятельности, допущенный к проведению процедур, применяемых в деле о банкротстве, и получающий вознаграждение за управление, не может добиваться снижения требований к себе посредством обоснования недостаточности своей профессиональной подготовки.

Объективно-субъективный стандарт разумности призван нивелировать те противоречия, которые присущи субъективному подходу. В рамках данной модели в качестве общего ориентира предполагается сопоставление поведения арбитражного управляющего с поведением обычного представителя соответствующей профессии, соответствующего обязательным требованиям, предусмотренным законодательством (п. 2 ст. 20, ст. 20.2 Закона о банкротстве). Одновременно правоприменителю предоставляется дискреция по установлению повышенного стандарта поведения с учётом особенностей конкретного дела, а также индивидуальных характеристик самого управляющего.

Несмотря на очевидные теоретические достоинства такого подхода, его практическое применение сопряжено с существенной неопределённостью как для арбитражного управляющего, так и для лиц, понёсших имущественные потери в результате его предполагаемо неразумных действий. До разрешения спора о привлечении управляющего к ответственности ни одна из сторон, как правило, не располагает знанием о том, какой именно стандарт поведения будет признан подлежащим применению в конкретной ситуации. При этом сам факт наступления неблагоприятных имущественных последствий психологически предрасполагает потерпевших к убеждению, что управляющий должен был действовать в соответствии с более строгим стандартом разумности, нежели тот, которым он руководствовался при принятии соответствующего управленческого решения. В результате формируются предпосылки для инициирования так называемых «пробных исков» в расчёте на то, что суд, исходя из ретроспективной

оценки обстоятельств дела, изберёт повышенный стандарт разумности и квалифицирует поведение управляющего как противоправное.

Объективный стандарт разумности, как указывалось ранее, подразумевает сравнение поведения управляющего с поведением среднего компетентного специалиста в сфере арбитражного управления в сходных обстоятельствах. Такой подход, по нашему мнению, является наиболее сбалансированным и обеспечивающим должный уровень правовой определённости. Содержание указанного стандарта, как представляется, может быть установлено посредством анализа положений законодательства, закрепляющих обязанности арбитражного управляющего, иных нормативных правовых актов, устанавливающих правила совершения арбитражным управляющих отдельных действий при проведении процедур банкротства[1], а также федеральными стандартами[2], стандартами и правилами профессиональной деятельности, а также обычной деловой практики арбитражного управления.

Кроме того, именно такое понимание обязанности арбитражного управляющего действовать разумно реализовано в судебной практике ВС РФ, указывающего, что при оценке правомерности действий арбитражного управляющего следует сравнивать поведение управляющего с поведением «профессионального антикризисного менеджера»[3], «любого независимого профессионального управляющего, находящегося в схожей ситуации»[4].

Сходные подходы обнаруживаются и в зарубежном праве. Так, согласно Abs. 1 S. 2 § 60 Insolvenzordnung управляющий в деле о несостоятельности обязан

---

[1]Постановление Правительства РФ от 25.06.2003 № 367 «Об утверждении Правил проведения арбитражным управляющим финансового анализа» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.su/uMTIe (дата обращения: 10.05.2025)

[2]Приказ Минэкономразвития России от 31.05.2024 № 343 «Об утверждении Федерального стандарта профессиональной деятельности арбитражных управляющих «Правила подготовки отчетов финансового управляющего» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.su/RZJUe (дата обращения: 10.05.2025)

[3] Определение ВС РФ от 13.10.2022 по делу № А40-153465/2016 // СудАкт. URL: https://clck.ru/3SFuup (дата обращения: 03.03.2026); Определение ВС РФ от 14.10.2021 по делу № А40-3184/2018 // ЛегалАкт. URL: https://clck.ru/3SFuzW (дата обращения: 03.03.2026).

[4] Определение ВС РФ от 21.01.2021 по делу № А03-13510/2014 // // СудАкт. URL: https://clck.ru/3SFx7d (датаобращения: 03.03.2026).

соблюдать стандарт поведения, соответствующий уровню заботливости разумного и добросовестного управляющего в деле о банкротстве *(Sorgfalt eines ordentlichen und gewissenhaften Insolvenzverwalters)*. В немецкой доктрине отмечается двойственная функция данного стандарта. С одной стороны, он усиливает ответственность управляющего по сравнению с общими критериями вины, поскольку исключает возможность ссылаться на недостаток собственной квалификации: принимая назначение, управляющий принимает на себя риск отсутствия необходимых профессиональных знаний и навыков. С другой стороны, данный стандарт одновременно ограничивает ответственность управляющего, поскольку требует учитывать объективно неблагоприятные условия осуществления управления: финансовое состояние должника, необходимость ознакомления с ранее неизвестным предприятием, специфику его деятельности, состояние бухгалтерского и финансового учёта, а также объём и характер активов, подлежащих управлению[1].

В английском праве стандарт поведения специалиста в сфере несостоятельности определяется через поведение разумно компетентного и осмотрительного представителя той же профессиональной группы, действующего в сходных обстоятельствах. Такой подход, выраженный в деле *Re Charnley Davies Ltd (No 2)*, соответствует общей модели профессиональной ответственности[2]: управляющий не обязан действовать как наиболее скрупулезный специалист, однако несёт ответственность за ошибку, которую не допустил бы разумный профессионал в сфере несостоятельности[3]. При этом оценка его поведения осуществляется с учётом обстоятельств, существовавших на момент совершения спорных действий, а не исходя из последующего развития судебной практики[4].

---

[1]Altmeyer N. Insolvenzverwalterhaftung in Deutschland und den USA. Baden-Baden: Nomos, 2021. S. 286-287

[2]Jackson & Powell on Professional Liability / ed. by M. Cannon, H. Evans, R. Stewart, K. L. Marshall, R. Jackson, J. Powell. 9th ed. London: Sweet & Maxwell, 2021. Para. 2-135.

[3] Re Charnley Davies Ltd (No 2) [1990] BCLC 760 // Lawprof.co. URL: https://707.su/JMs7 (датаобращения: 10.05.2026).

[4] Sims H., Ramel S. Claims against insolvency office-holders for professional negligence: Bush lawyers and hunters // Guildhall Chambers. February 2017. P. 3.

Поэтому правовая неопределённость, устранённая лишь впоследствии, сама по себе не должна служить основанием для вывода о неразумности или недобросовестности поведения управляющего.

Сходный подход, хотя и не в качестве общего правила, прослеживается и в российской судебной практике. В отдельных делах суды учитывают наличие правовой неопределенности, существовавшей на момент совершения арбитражным управляющим спорных действий, и исходят из того, что последующее устранение такой неопределенности само по себе не может служить основанием для привлечения управляющего к ответственности. Так, в деле № А33-4900/2010 ВС РФ отметил, что на момент совершения управляющим соответствующих действий отсутствовал устойчивый подход к разрешению спорного вопроса, в связи с чем его поведение не могло быть квалифицировано как очевидно неразумное или недобросовестное[1].

Дополнительное значение имеет возможность обращения управляющего в суд за указаниями. В ситуации существенной правовой или фактической неопределённости разумное поведение может предполагать получение судебных указаний. Так, в соответствии с s. 112(1), s. 168(3), Schedule B1 para. 63, s. 303(2) Insolvency Act 1986[2] соответствующие специалисты вправе обратиться в суд за разрешением вопросов, возникающих в ходе осуществления ими своих функций.

В английской судебной практике данные положения получили развитие в контексте оценки стандарта разумного поведения управляющего. Наличие у *insolvency practitioner* права обратиться за судебными указаниями учитывается при решении вопроса о том, как должен был бы поступить разумный и осмотрительный специалист в ситуации правовой или фактической неопределенности[3]. В этом смысле институт указаний выполняет превентивную

---

[1]Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 07.04.2016 № 302-ЭС15-18574 по делу № А33-4900/2010 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://707.su/8jEJ(дата обращения: 31.05.2026).

[2]Закон Великобритании о несостоятельности 1986 г. (Insolvency Act 1986 // Legislation.gov.uk. URL: https://www.legislation.gov. uk/ukpga/1986/45/contents. (дата обращения: 31.05.2026).

[3]Top Brands Ltd v Sharma; Re Mama Milla Ltd (in creditors voluntary liquidation) [2014] EWHC 2753 (Ch) // BAILII. URL: https://707.su/PBMP (датаобращения: 10.05.2026).

функцию: он позволяет управляющему снизить риск последующего вывода о неразумности или неправомерности избранной им модели поведения. Вместе с тем указанное средство не имеет абсолютного значения и не превращает суд в орган текущего управления процедурой несостоятельности. Английские суды последовательно подчеркивают, что управляющий не вправе использовать обращение за указаниями как способ переложить на суд принятие коммерческих или административных решений [1] ., относящихся к его собственной профессиональной компетенции. Такие решения должны приниматься самим управляющим на основе его профессионального усмотрения. В этой связи в судебной практике отмечается, что суд не предназначен для того, чтобы служить управляющему своего рода «бомбоубежищем» [2] от необходимости принимать сложные решения; от *insolvency practitioner* ожидается самостоятельное осуществление усмотрения, а не получение судебного одобрения каждого предполагаемого образа действий[3].

В российском праве отсутствует общая норма, предоставляющая арбитражному управляющему универсальное право обращаться в суд за обязательными указаниями или предварительным согласованием своих действий по любым вопросам процедуры. Закон о банкротстве предусматривает лишь отдельные случаи получения судебного разрешения, например, увеличение лимитов расходов (ст. 20.7 Закона о банкротстве).

Функционально близким механизмом выступает разрешение разногласий в порядке ст. 60 Закона о банкротстве. Значение данного механизма для оценки разумности поведения управляющего раскрыто ВС РФ. В рассматриваемом деле конкурсный управляющий, столкнувшись с неопределённостью относительно очередности текущих платежей, обратился в суд за разрешением разногласий и получил фактическое одобрение избранной модели поведения. Впоследствии те

---

[1]Hellard v OJSC Rossiysky Kredit Bank (in liquidation); In re Anatoly Leonidovich Motylev [2024] EWHC 1783 (Ch) // Rahman Ravelli. URL: https://707.su/UFlu (датаобращения: 10.05.2026).
[2]Re T&D Industries plc [2000] 1 WLR 646; [2000] 1 BCLC 471 // vLex. URL: https://707.su/kZq2 (датаобращения: 31.05.2026).
[3]Re MF Global UK Ltd (in special administration) (No 5) [2014] EWHC 2222 (Ch); [2014] Bus LR 1156 // vLex. URL: https://707.su/FFcC (дата обращения: 31.05.2026).

же действия были признаны незаконными судами апелляционной и кассационной инстанций, однако ВС РФ отменил соответствующие акты, указав, что при наличии судебной санкции управляющий не имел оснований отступать от ранее одобренного порядка действий. Примечательно указание ВС РФ на то, что управляющий вправе обратиться в суд для получения санкции на совершение определенных действий не только при наличии разногласий, но и при наличии иных спорных ситуаций и неопределенности. Тем самым ВС РФ фактически признал, что обращение в суд может быть оправдано не только при наличии уже возникшего спора между участниками дела о банкротстве, но и в ситуации правовой неопределённости относительно допустимого поведения управляющего. Последующее признание санкционированных судом действий незаконными само по себе не может служить основанием для взыскания с управляющего убытков[1].

Такая позиция представляет интерес, поскольку фактически формирует *ex ante* механизм судебной оценки предполагаемого поведения управляющего. Если суд предварительно признаёт соответствующее действие правомерным, его последующее вменение управляющему в качестве неразумного исключается. Вместе с тем нередко суды указывают, что заявление по ст. 60 Закона о банкротстве подлежит рассмотрению лишь при наличии действительных разногласий между лицами, участвующими в деле о банкротстве. Внутренние сомнения управляющего не охватываются статьей 60 Закона о банкротстве[2]. Отмечается, что арбитражный суд не выполняет функцию разрешительного органа, а осуществляет правосудие посредством разрешения споров о правах и обязанностях[3], поэтому является недопустимой подача заявления о разрешении

---

[1]Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 07.10.2021 № 301-ЭС21-9161(1,2) по делу № А28-2865/2016 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://707.su/XV1u (дата обращения: 31.05.2026).

[2]Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 16.04.2024 по делу № А40-47215/2022 // СудАкт. URL: https://clck.su/Lvlkv (дата обращения: 31.05.2026); Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 31.01.2024 по делу № А40-85886/2021 // СудАкт. URL: https://clck.su/yLzol (дата обращения: 31.05.2026).

[3]Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 31.01.2024 по делу № А40-85886/2021 // СудАкт. URL: https://clck.su/yLzol (дата обращения: 31.05.2026).

разногласий в целях получения управляющим аргументов для потенциально возможных в будущем споров по вопросам его ответственности[1].

Такое понимание предполагает, что обращение арбитражного управляющего в суд за санкционированием предполагаемого поведения возможно не вследствие одной лишь внутренней неуверенности управляющего, а при наличии сформировавшихся разногласий. Для их возникновения управляющий, по всей видимости, должен предварительно раскрыть участникам дела о банкротстве информацию о намерении совершить соответствующее действие, поскольку именно они потенциально могут быть затронуты его последствиями. Одним из возможных способов такого раскрытия является вынесение соответствующего вопроса на обсуждение собрания кредиторов или комитета кредиторов.

В обозначенном контексте действительно может сложиться впечатление, что если арбитражный управляющий предварительно раскрыл участникам дела о банкротстве предполагаемый вариант поведения, а кредиторы не выразили возражений, то при отсутствии иных механизмов согласования его действий он не должен нести ответственность за неблагоприятные последствия принятого решения. Между тем такой вывод не соответствует сложившемуся подходу российской судебной практики, в соответствии с которым согласие собрания кредиторов само по себе не освобождает арбитражного управляющего от ответственности за неразумные или недобросовестные действия[2]. В результате возникает определённая несогласованность: судебное санкционирование поведения управляющего в рамках рассмотрения спора с кредиторами способно исключить его последующую ответственность, тогда как одобрение аналогичного поведения кредиторами такого эффекта, как правило, не имеет.

---

[1] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 24.10.2024 по делу № А60-59248/2022 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.su/giBSk (дата обращения: 31.05.2026).
[2] Постановление Президиума ВАС РФ от 10.09.2013 № 14917/11 по делу № А68-4638/2009 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.su/Cltxg (дата обращения: 31.05.2026); Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 21.11.2022 № 305-ЭС22-15431 по делу № А41-89099/2019 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.su/oQezt (дата обращения: 31.05.2026).

В отсутствие специального нормативного регулирования возможность обращения арбитражного управляющего в суд за предварительным санкционированием определенных действий остаётся дискуссионной. Несмотря на то, что судебная практика постепенно развивает данный инструмент, его полноценное закрепление, по-видимому, требует нормативного урегулирования, поскольку признание за управляющим права на получение судебных указаний способно изменить баланс между самостоятельностью управляющего, контролем кредиторов и судебным контролем в деле о банкротстве.

При этом необходимо учитывать, что пределы судебного санкционирования не могут быть безграничными. С учётом сравнительно-правового опыта, в частности, английского правопорядка, принципиальное значение приобретает вопрос о том, вправе ли суд предварительно одобрять любые решения арбитражного управляющего, включая решения, имеющие преимущественно коммерческий или экономический характер. Представляется, что ответ должен быть отрицательным, поскольку арбитражный суд не предназначен для замещения управленческого усмотрения арбитражного управляющего. Судебное вмешательство допустимо прежде всего там, где имеется правовая неопределённость, конфликт интересов или спор о пределах полномочий управляющего, но не тогда, когда от управляющего требуется обычная оценка экономической целесообразности того или иного варианта поведения.

Применительно к стандарту разумного поведения арбитражного управляющего следует отметить следующее. Законодательство о несостоятельности (банкротстве) предусматривает право заявителя и собрания кредиторов устанавливать к кандидатуре арбитражного управляющего дополнительные требования в части образования; стажа работы на должностях руководителей организаций в соответствующей отрасли экономики; количества процедур, применяемых в деле о банкротстве, проведённых арбитражным управляющим (п. 3 ст. 20.3 Закона о банкротстве). Учитывая соответствие кандидата на должность арбитражного управляющего в деле о банкротстве дополнительным требованиям, участники дела о банкротстве вправе обоснованно

ожидать от утверждённого лица повышенного уровня профессиональной компетентности и объёма прилагаемых при осуществлении управленческой деятельности усилий по сравнению с арбитражным управляющим, отвечающим исключительно минимальным обязательным требованиям. В этой связи оценка разумности поведения такого управляющего должна осуществляться с применением более строгих критериев.

В рассматриваемом контексте следует также учитывать, что в соответствии с п. 4 ст. 20 Закона о банкротстве, саморегулируемая организация арбитражных управляющих, помимо установленных законом обязательных, вправе закреплять дополнительные требования к уровню компетентности, добросовестности и независимости арбитражного управляющего. Соответственно, при определении стандарта разумного поведения арбитражного управляющего в рамках спора о привлечении его к гражданско-правовой ответственности за причинённые убытки надлежит исходить из того, что такое лицо должно действовать так, как действовал бы обычный арбитражный управляющий, отвечающий не только минимальным законодательным требованиям, но и тем дополнительным требованиям к профессиональной компетентности, которые установлены соответствующей саморегулируемой организацией, из числа членов которой он выбран для проведения процедуры, применяемой в деле о банкротстве.

Таким образом, одним из элементов предмета доказывания по делу о взыскании убытков с арбитражного управляющего является основной материально-правовой факт – противоправное поведение правонарушителя. Факт противоправного поведения арбитражного управляющего составляет нарушение внедоговорного обязательства, проявляющееся в неисполнении (ненадлежащем исполнении) возложенных на него в соответствии с Законом о банкротстве обязанностей по совершению (воздержанию от совершения) определённых действий, а равно неисполнение (ненадлежащее исполнение) арбитражным управляющим обязанности действовать добросовестно и (или) разумно в интересах кредиторов.

Вина арбитражного управляющего. В связи с вышеизложенным возникает вопрос о соотношении факта противоправного поведения арбитражного управляющего с другим материально-правовым фактом, традиционно включаемым в предмет доказывания по делам о взыскании убытков, – фактом вины правонарушителя.

Советская цивилистическая доктрина опиралась на психическое понимание вины, сформированное доктриной уголовного права, при котором она оценивается как психическое отношение правонарушителя к своим действиям (бездействию) и его последствиям[1]. Основываясь на данных представлениях, учёные того периода предпочитали указывать, что противоправность является объективным условием ответственности, а вина – субъективным[2].

На современном этапе указанное представление было вытеснено объективной концепцией вины, в соответствии с которой виновным считается поведение, не соответствующее определённому стандарту, объективно выраженному в нормах гражданского законодательства, обычаях делового оборота или вытекающему из общих требований заботливости и осмотрительности. Исследуя категорию вины в договорной ответственности, В. В. Витрянский указывает, что для оценки вины должника не имеют никакого правового значения индивидуальные качества должника и тем более его «психические переживания» в связи с совершённым правонарушением. Вместо этого используется абстрактная модель ожидаемого поведения в той или иной ситуации разумного и добросовестного участника имущественного оборота[3]. А. Б. Бабаев подчёркивает, что для определения вины в гражданском правонарушении нет никакой необходимости устанавливать действительные интеллектуальные и волевые моменты психики субъекта в момент совершения правонарушения, вполне достаточно установить определённые масштабы

---

[1] Матвеев Г. К. Вина в советском гражданском праве. Киев: Издательство Киевского университета, 1955. С. 164; Грибанов В. П. Указ. соч. С. 338–339; Флейшиц Е. А. Указ. соч. С. 423–424; Кулагин М. И. Избранные труды. М.: Статут, 1997. С. 281.

[2] Матвеев Г. К. Там же. С. 175.

[3] Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Кн. 1. С. 759.

поведения лица, соизмерить его поступки с тем, как должно было бы действовать любое другое лицо, окажись оно на месте правонарушителя[1]. Более того, именно объективное понимание вины реализовано в абз. 2 п. 1 ст. 401 ГК РФ, где невиновность понимается как принятие лицом всех мер для надлежащего исполнения обязательств, определяемых исходя из той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота. С принятием ст. 307.1 ГК РФ (п. 2) некоторые исследователи также находят основания для того, чтобы распространять данное понимание вины и на сферу деликтного права[2].

Обоснованность объективной концепции вины, по нашему мнению, не вызывает сомнений. Однако необходимо отметить, что такое понимание приводит к утрате чёткой границы между условиями вины и противоправности в составе гражданского правонарушения. Как отмечалось ранее, в рамках данного подхода установление обоих указанных условий требует от суда оценки поведения правонарушителя на предмет его соответствия объективному стандарту, сформированному нормами и принципами права, договором, а также представлениями о заботливом и осмотрительном участнике гражданского оборота. Так, объективные стандарты поведения арбитражного управляющего формируется нормами Закона о банкротстве, устанавливающими его права и обязанности в рамках обязательственного отношения с должником и его кредиторами, локальными актами саморегулируемых организаций, требованиями, выдвигаемыми кредиторами к квалификации и опыту арбитражного управляющего и т.д. Неисполнение (ненадлежащее исполнение) указанных обязанностей представляет собой отклонение от соответствующего стандарта

---

[1]Бабаев А. Б. Очерк 22. Проблемы гражданско-правовой ответственности / Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. М., 2008. С. 884. См. также: Евстигнеев Э. А. Принцип генерального деликта: современное состояние и перспективы применения // Вестник гражданского права. 2017. Т. 17. № 5. С. 55–84.

[2]Тололаева Н. В., Церковников М. А. Научно-практический комментарий к Постановлению Пленума ВС РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Вестник гражданского права. 2023. № 5. С. 153–199.

поведения, свидетельствующее одновременно о наличии и вины, и противоправности в поведении арбитражного управляющего.

В связи с этим необходимость одновременного выделения фактов вины и противоправного поведения в качестве самостоятельных элементов предмета доказывания в делах о взыскании убытков с арбитражного управляющего может быть поставлена под сомнение.

Современные исследователи указывают на необходимость пересмотра содержания и положения противоправности как условия гражданско-правовой ответственности. Как отмечает Э. А. Евстигнеев, данное условие в нынешнем виде вносит только путаницу как в умы учёных, так и в правоприменительную практику[1]. Решение этой проблемы А. А. Маркелова видит в том, чтобы не рассматривать противоправность в качестве однопорядкового условия ответственности наряду с вредом, виной и причинно-следственной связью, но придавать ей значение обобщающего условия, которое характеризует всё отношение в целом: «истец представляет доказательства вреда и причинно-следственной связи, ответчик представляет доказательства отсутствия своей вины, а суд устанавливает стандарт поведения и на основании представленных доказательств делает вывод о том, был ли он нарушен и, следовательно, было ли причинение вреда противоправным»[2].

По нашему мнению, условия вины и противоправности в составе гражданского правонарушения не подлежат разграничению и образуют единое условие ответственности. Справедливость этого утверждения подтверждается и специалистами в сфере корпоративного права. Так, А. А. Кузнецов указывает, что при доказанности нарушения со стороны директора (т. е. недобросовестных и (или) неразумных действий) уже не остаётся места для отдельного доказывания вины в смысле ст. 401 ГК РФ. Вряд ли, подчёркивает учёный, можно помыслить

---

[1]Евстигнеев Э. А. Указ. соч.
[2]Маркелова А. А. Концепция генерального деликта…. С. 200–201.

недобросовестные и (или) неразумные, но невиновные действия[1]. Иными словами, позиция автора сводится к тому, что материально-правовой факт вины директора подлежит исключению из предмета доказывания по соответствующим делам. Развивая данную мысль, И. С. Чупрунов отмечает, что, хотя сначала законодатель упоминает о вине как об условии ответственности директора в абз. 1 п. 1 ст. 53.1 ГК РФ, далее, описывая предмет доказывания при привлечении директора к ответственности, он исходит из того, что стандарт вины поглощается стандартом недобросовестного или неразумного поведения, т. е. условием противоправности[2].

Анализ доктринальных подходов свидетельствует о том, что традиционное представление о необходимости разграничения вины и противоправности как самостоятельных условий гражданско-правовой ответственности в настоящее время подвергается обоснованной критике. При этом обращает на себя внимание и тот факт, что различные авторы, признавая необязательность одновременного включения обоих указанных материально-правовых фактов в состав предмета доказывания, по-разному решают вопрос о том, какой из них (противоправное поведение правонарушителя или его вина) подлежит сохранению в качестве самостоятельного элемента, а какой может быть исключён как избыточный.

По нашему мнению, постановка данного вопроса лишена научной ценности, поскольку в современной цивилистической доктрине вина (при её объективном понимании) и противоправность наделяются одинаковым набором сущностных признаков, что позволяет рассматривать их не как самостоятельные, а как содержательно тождественные категории. В силу этого выбор между сохранением в составе предмета доказывания факта противоправного поведения или вины

---

[1]Кузнецов А. А. Комментарий к Постановлению Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2013. № 10. С. 42–64; Бойко Т. С. Ответственность членов органов управления юридических лиц. Комментарий к отдельным положениям проекта Постановления Пленума ВАС РФ «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Закон. 2013. № 6. С. 83–92.

[2]Чупрунов И. С. Указ. соч. С. 95.

концептуально не изменяет содержания доказательственной деятельности в рамках рассмотрения конкретных дел.

Таким образом, представляется методологически оправданным объединить факты противоправного поведения правонарушителя и его виновности в рамках единого материально-правового факта противоправного поведения правонарушителя. В этой связи целесообразно скорректировать ранее высказанную позицию и определить состав основных материально-правовых фактов предмета доказывания по делам о взыскании убытков с арбитражного управляющего как совокупность трёх элементов: 1) факт противоправного поведения арбитражного управляющего; 2) факт убытков; 3) факт причинной связи между указанным поведением и убытками должника и его кредиторов.

Основной материально-правовой факт противоправного поведения арбитражного управляющего составляет нарушение арбитражным управляющим внедоговорного обязательства. Такое нарушение которое может состоять в неисполнении (ненадлежащем исполнении) как прямо предусмотренных законодательством о несостоятельности (банкротстве) обязанностей совершить (воздерживаться от совершения) определенные действия, так и абстрактно сформулированных обязанностей действовать добросовестно и разумно в интересах кредиторов.

Обязанность действовать добросовестно предлагается определить как обязанность арбитражного управляющего действовать в интересах сообщества кредиторов, но не в собственных интересах, интересах отдельных кредиторов, должника, или интересах третьих лиц. Публично-правовое значение деятельности арбитражного управляющего, выражающееся в судебном контроле за ее осуществлением и повышенных требованиях к независимости и незаинтересованности управляющего, исключает допустимость совершения им действий в условиях конфликта интересов, в том числе при наличии одобрения со стороны собрания или комитета кредиторов.

Обязанность действовать разумно представляет собой обязанность прилагать такой объем усилий при осуществлении арбитражного управления,

какой стоит ожидать от обычного представителя данной профессии при сходных обстоятельствах. Стандарт разумного поведения арбитражного управляющего может быть повышен в случаях, когда к его кандидатуре при утверждении в деле о банкротстве предъявлялись дополнительные требования к образованию, опыту и квалификации, а также с учетом требований к компетентности, добросовестности и независимости, установленных саморегулируемой организацией арбитражных управляющих, членом которой он является, в качестве условий членства.

§ 2. Основные материально-правовые факты причинно-следственной связи и наличия убытков

Факт причинно-следственной связи.Необходимость установления причинно-следственной связи в ходе доказывания по делу о взыскании убытков с арбитражного управляющего вытекает из положений ст. 15, 393 ГК РФ, а также абз. 1 п. 4 ст. 20.4 Закона о банкротстве. В отличие от случаев привлечения к иным видам ответственности, при взыскании убытков установление причинной связи имеет определяющее правовое значение[1]. В доктрине гражданского права сложилось множество походов к пониманию причинно-следственной связи (теория необходимого условия, теория равноценных условий, теория адекватной причинности, теория фактической причинной связи и др.). Подробный анализ всех существующих теорий, не раз описанных и проанализированных в отечественной научной литературе [2], не составляет задачу настоящего исследования. Вместе с тем необходимо обратить внимание на следующее.

Исследование причинно-следственной связи предполагает последовательное прохождение судом двух этапов – фактического и

[1]Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Кн. 1. С. 712.

[2] Егоров А.В. Упущенная выгода: проблемы теории и противоречия практики // Убытки и практика их возмещения: Сборник статей / отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2006. С. 68-137;Байбак В.В. Причинная связь как условие договорной ответственности: сравнительно-правовой очерк // Вестник ВАС РФ. 2014. № 6. С. 4-21; Михайлов В.С. Причинно-следственная связь как условие деликтной ответственности: дисс. … канд. юрид. наук. М., 2021. 239 с.

нормативного. На фактическом уровне задача суда состоит в выявлении среди множества обстоятельств, предшествовавших возникновению убытков или сопутствовавших им, тех факторов, которые могут быть признаны необходимыми условиями наступившего вреда в смысле *conditio sine qua non*. Иными словами, на данном этапе устанавливается, входило ли соответствующее поведение ответчика в фактическую цепь обстоятельств, без которых убытки не возникли бы. В доктрине обращается внимание на то, что при решении этой задачи используются различные мыслительные приемы: применительно к действию – его мысленное исключение из цепи событий, применительно к бездействию – мысленное замещение бездействия надлежащим правомерным поведением[1].

Вместе с тем признание поведения арбитражного управляющего необходимым условием наступления убытков, то есть его фактической причиной, само по себе еще не образует достаточного основания для привлечения управляющего к гражданско-правовой ответственности. Для этого требуется установить юридически значимый характер выявленной фактической связи. Такая оценка осуществляется уже на нормативном уровне и предполагает анализ того, должна ли соответствующая фактическая связь признаваться достаточной для возложения ответственности в рамках применимой правовой модели причинности.

Поскольку ответственность арбитражного управляющего за причиненные убытки по своей правовой природе относится к ответственности за нарушение обязательства, к ней подлежат применению общие правила о причинной связи при неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательств. Согласно п. 5 постановления Пленума ВС РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» (далее – Постановление № 7), при установлении причинной связи между нарушением обязательства и убытками необходимо учитывать, к каким последствиям в обычных условиях гражданского оборота могло привести соответствующее нарушение. Если возникновение

[1]Михайлов В.С. Там же. С. 4-6

заявленных убытков является обычным последствием допущенного нарушения, наличие причинной связи между нарушением и доказанными кредитором убытками предполагается.

Тем самым нормативный этап установления причинной связи ориентирован на оценку типичности, предсказуемости и юридической значимости наступивших последствий. Такое понимание причинной связи в целом соответствует подходу, выработанному в судебной практике. ВС РФ неоднократно указывал, что лицо, требующее взыскания убытков с арбитражного управляющего, должно обосновать с разумной степенью достоверности наличие причинно-следственной связи между противоправными действиями или бездействием управляющего и возникшими убытками. При разрешении данного вопроса суду надлежит учитывать, к каким последствиям в обычных условиях гражданского оборота могло привести вменяемое управляющему нарушение. Если заявленные убытки являются обычным, типичным последствием соответствующего нарушения, наличие причинной связи презюмируется[1].

Положения теории адекватной причинности, воспринятые российской судебной практикой, обеспечивают возможность гибкого применения общих правил о причинной связи с учётом фактической специфики конкретного спора о возмещении убытков. Правило о том, что адекватная причинная связь между поведением нарушителя и возникшими убытками является юридически значимой сформулировано в виде опровержимой презумпции. Следовательно, применительно к конкретному спору такая презумпция может быть опровергнута, если ответчик докажет, что, несмотря на типичную способность соответствующего действия или бездействия порождать подобные убытки, в данном деле заявленные последствия наступили по иным причинам, не связанным с поведением управляющего[2]. Например, если конкурсный управляющий

---

[1] Тематический обзор ВС РФ № 5/2026. О судебной практике разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2025 год // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.05.2026).

[2] Михайлов В.С. С. Причинно-следственная связь как условие деликтной ответственности: дисс. … канд. юрид. наук. М., 2021. С. 87

реализовал имущество должника по цене, заведомо ниже рыночной, не проведя надлежащей оценки, достаточного раскрытия информации и не предприняв разумных мер по привлечению покупателей, причинная связь между его действиями и уменьшением конкурсной массы может презюмироваться. Вместе с тем управляющий вправе опровергнуть эту презумпцию, доказав, что даже при надлежащей организации торгов имущество не могло быть реализовано дороже ввиду, к примеру, наличия обременений, которые не были известны на момент продажи, или неблагоприятной рыночной конъюнктуры.

Наоборот, даже если поведение ответчика обычно не влечет убытков соответствующего рода, потерпевший не лишен возможности доказать, что именно в конкретных обстоятельствах дела это поведение фактически и юридически значимо обусловило возникновение убытков. Так, в российской судебной практике встречались случаи взыскания убытков с арбитражных управляющих в связи с размещением или сохранением денежных средств должника в банках, у которых впоследствии была отозвана лицензия. Сам по себе выбор кредитной организации для открытия счёта не является действием, типично причиняющим вред конкурсной массе[1]. Однако если управляющий при наличии общедоступных сведений о неблагоприятном финансовом положении банка не принял разумных мер по снижению соответствующего риска или своевременно не распределил поступившие денежные средства между кредиторами, последующая утрата доступа к этим средствам может быть признана следствием его поведения[2].

Наиболее значимые выводы теория адекватной причинности позволяет сделать применительно к ситуациям, в которых причинная связь осложняется вмешательством третьих лиц. В подобных ситуациях поведение ответчика само по себе может быть недостаточным для причинения вреда, однако оно создает

---

[1]Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 16.06.2020 по делу № А07-3332/2014 // СПС «КонсультантПлюс». URL:https://clck.su/VLVMx (дата обращения: 31.05.2026).

[2]Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 26.04.2018 по делу № А67-2681/2017 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.su/gfwVA (дата обращения: 31.05.2026).

условия, без которых последующее действие третьего лица не привело бы к соответствующему неблагоприятному результату.

Особую практическую значимость такая конструкция имеет в делах об ответственности арбитражного управляющего. Поведение управляющего может не причинять вред непосредственно, но создавать условия для совершения правонарушения третьим лицом, в результате которого конкурсной массе, должнику или кредиторам причиняются убытки. К таким ситуациям относятся, например, случаи, когда управляющий не обеспечивает надлежащую охрану или не принял иные меры, направленные на сохранность имущества должника, вследствие чего третьи лица похищают, повреждают или уничтожают соответствующие активы. В подобных делах вопрос состоит не только в том, были ли действия третьего лица непосредственной причиной вреда, но и в том, сохраняет ли первоначальное нарушение управляющего значение адекватной причины наступивших убытков.

Теория адекватной причинности предлагает решать указанную проблему через оценку того, входило ли последующее поведение третьего лица в круг типичных рисков, созданных первоначальным нарушением ответчика. Если действие или бездействие ответчика существенно повышает вероятность наступления вреда определенного рода, а последующее причинение вреда третьим лицом выступает реализацией именно этого риска, то первоначальное поведение ответчика сохраняет значение юридически значимой причины наступивших последствий[1].

В этом контексте обоснованным представляется подход, сформировавшийся в современной судебной практике по делам о взыскании убытков с арбитражного управляющего, не принявшего надлежащих мер по обеспечению сохранности имущества должника, если последующая утрата такого имущества вследствие действий третьих лиц выступило реализацией риска, созданного указанным

[1]Михайлов В.С. Указ. соч. С. 88-97

бездействием[1]. Напротив, если действия третьих лиц носили самостоятельный, непредвидимый и не связанный с созданным управляющим риском характер, они могут рассматриваться как обстоятельство, прерывающее причинную связь между поведением управляющего и наступившими убытками.

В связи с этим обязательный материально-правовой факт причинно-следственной связи в делах о взыскании убытков с арбитражного управляющего может быть представлен как сложная совокупность нескольких элементов.

Во-первых, подлежит установлению **факт необходимой обусловленности убытков поведением арбитражного управляющего**, то есть соответствие этого поведения тесту *conditio sine qua non*. Применительно к действию управляющего это означает необходимость доказать, что без совершения данного действия заявленные убытки не возникли бы. Применительно к бездействию необходимо установить, что совершение управляющим надлежащего действия позволило бы предотвратить наступление вреда.

Во-вторых, в состав факта причинной связи входят **обстоятельства, свидетельствующие о том, что заявленные убытки являются обычным последствием конкретного правонарушения управляющего (**то есть адекватность причины).

В-третьих, в предмет доказывания могут входить **факты, свидетельствующие об отсутствии причинной связи в конкретном деле**, несмотря на типичную причинную обусловленность подобных убытков соответствующим поведением управляющего. К их числу относятся обстоятельства, подтверждающие, что убытки наступили вследствие иных самостоятельных причин, не связанных с поведением управляющего, либо что даже при надлежащем поведении управляющего соответствующие убытки всё равно возникли бы.

---

[1]Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 11.06.2020 по делу № А46-19146/2017 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.su/rcMCk (дата обращения: 31.05.2026).; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 22.06.2020 по делу № А07-17801/2015 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.su/nqIvd (датаобращения: 31.05.2026).

В-четвёртых, возможна и обратная ситуация: если поведение управляющего обычно не влечёт убытков соответствующего рода, потерпевший вправе доказывать **факты, свидетельствующие о приобретении таким поведением причинного значения применительно к конкретной ситуации**. В этом случае юридически значимыми становятся обстоятельства, показывающие, что с учётом специфики спорных отношений, состояния имущества должника, поведения третьих лиц, рыночной ситуации или иных факторов именно поведение управляющего создало условия для возникновения убытков или существенно повысило риск их наступления.

В то же время в отдельных категориях дел о взыскании убытков с арбитражного управляющего установление причинной связи осложняется тем, что заявленные убытки выражается не в утрате гарантированного имущественного поступления, а в потере потенциальной, но не реализовавшейся возможности увеличения имущественной массы должника. Такая ситуация возникает, в частности, при непринятии управляющим мер по оспариванию сделок, взысканию дебиторской задолженности, истребованию имущества либо привлечению контролирующих лиц к субсидиарной ответственности, если вследствие этого соответствующее требование уже не может быть заявлено. Специфика подобных случаев состоит в том, что даже при надлежащем поведении управляющего благоприятный имущественный результат не был бы неизбежным: он зависел бы от исхода утраченного производства по соответствующему делу, перспектив удовлетворения лежащего в его основе требования и последующего фактического исполнения судебного акта.

В результате применение классического теста фактической причинности *conditio sine qua non* оказывается затруднительным: мысленная замена бездействия управляющего на правомерное поведение не позволяет с достаточной определенностью установить, что имущественная масса должника была бы пополнена [1] . Доказывание причинная связи в таких делах осложнено

[1]Jansen N. The idea of a lost chance // Oxford Journal of Legal Studies. 1999. Vol 19. P. 272; Graziano T.K. The «Loss of a Chance» in European Private Law: «All or Nothing» or Partial Compensation in

вероятностным элементом, поскольку между нарушением управляющего и конечным вредом находятся самостоятельные факторы, находящиеся вне сферы контроля арбитражного управляющего.

Традиционная модель причинности подчиняет разрешение подобных споров правилу **«всё или ничего»**: результат доказывания причинной связи истцом, *ceteris paribus*, предопределяет возмещение убытков в полном объеме или полный отказ в удовлетворении требования[1]. Успешное доказывание причинной связи требует от истца формирования у суда такой степени уверенности в ее существовании, при которой суд признает бремя доказывания, возложенное на соответствующую сторону выполненным (стандарт доказывания)[2]. В российском праве данное требование выражается через категорию разумной степени достоверности (п. 5 ст. 395 ГК РФ), которая в судебной практике нередко обозначается стандартом «баланс вероятностей» [3], функционально соответствующим английскому *balance of probabilities*[4].

Однако в случаях, когда наряду с нарушением управляющего на роль причины неполучения потерпевшим благоприятного имущественного результата претендуют иные обстоятельства, которые могли бы воспрепятствовать получению соответствующей выгоды независимо от его поведения, применение модели «всё или ничего» может приводить к несправедливым результатам. Специфика рассматриваемой категории дел состоит в том, что истец вынужден доказывать, что причинная связь между нарушением управляющего и возникшими убытками существует несмотря на то, что пополнение

Cases of Uncertainty of Causation // Causation in Law / Ed. by L. Tichý. P. 128; Koziol H. Basic Questions of Tort Law from a Germanic Perspective. Wien, 2012. P. 153

[1]GrazianoT.K. Op. cit. P. 142-143

[2] Карапетов А.Г., Косарев А.С. Стандарты доказывания: аналитическое и эмпирическое исследование // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. Приложение к ежемесячному журналу. 2019. № 5. Специальный выпуск. С. 3-96; Решетникова И.В. Стандарт доказывания // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. №8. С. 26-27

[3]Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 30.09.2019 № 305-ЭС16-18600(5-8) по делу № А40-51687/2012 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.su/dwKuu (дата обращения: 31.05.2026).

[4]Карапетов А.Г., Косарев А.С. Указ. соч. С. 40

имущественной массы должника зависело от гипотетических событий, которые могли произойти ли не произойти с определенной степенью вероятности (требование, которое должен был заявить арбитражный управляющий, было бы удовлетворено судом; а соответствующий судебный акт был бы исполнен). Поэтому доказывание причинной связи в подобных случаях приобретает характер реконструкции вероятного развития событий, которое по своей природе не может быть установлено с абсолютной достоверностью[1].

Незначительное различие в оценке достаточности доказательств причинной связи способно повлечь диаметрально противоположные последствия: или полное освобождение ответчика от ответственности, или возложение на него обязанности возместить убытки в полном объёме. В правопорядках, где степень требуемой достоверности доказываемого факта выражается в процентных показателях (Англия, США), указанная проблема проявляется особенно наглядно: при вероятности 49 % требование отклоняется, тогда как при вероятности 51 % ответчик несёт ответственность за весь вред[2].

Именно в этом контексте в зарубежной доктрине применительно к указанным случаям принято говорить о наличии непреодолимых доказательственных пробелов, которые актуализируют вопрос о справедливости сохранения традиционного распределения риска неопределённости и о том, должен ли такой риск полностью возлагаться на истца или в отдельных случаях может быть перераспределён с учётом соображений распределительной справедливости и правовой политики[3].

Подобная проблема не является уникальной для дел об ответственности арбитражного управляющего. Сходная конструкция обнаруживается в делах о лишении лица шанса победить в конкурсе, получить работу, добиться благоприятного судебного решения, выздороветь или избежать ухудшения

---

[1]Дондоков А.И. Доктрина lossofchance в английском праве // Закон. 2013. № 7. С. 152

[2]Лухманов М.И. Модель деликтной ответственности в ситуациях альтернативной причинной неопределенности: дисс. … канд. юрид. наук. Москва, 2022. С. 106

[3]Barker K. Causation and Loss of Chance: A Commentary // Causation and Loss of Opportunity. Brisbane, Australia, 27 July 2017. P. 7. URL: https://clck.su/KDKKm (дата обращения: 31.05.2026).

состояния здоровья [1] . Все эти ситуации объединяет то, что потерпевший утрачивает не гарантированный результат, а лишь реальную возможность его достижения; реализация этой возможности зависит от дополнительных факторов, которые могли наступить или не наступить; при этом вероятность благоприятного исхода недостаточна для взыскания всей выгоды по общему стандарту доказывания, но не настолько мала, чтобы право могло полностью ее игнорировать[2].

Зарубежные правопорядки по-разному реагируют на данную проблему. Ряд из них, сохраняя общее правило о возмещении убытков по принципу «все или ничего», вырабатывают специальные решения в части правил доказывания причинной связи для отдельных категорий дел. Так, в немецком праве в случаях грубых врачебных ошибок и нарушений со стороны профессионалов, призванных защищать жизнь и здоровье, допускается перераспределение бремени доказывания, поскольку действительный ход событий, приведших к возникновению вреда, впоследствии обычно невозможно достоверно восстановить[3].

Особый интерес представляют дела об ответственности юристов за пропуск срока подачи апелляционной жалобы. Пропуск срока обжалования еще не означает, что при своевременной подаче жалобы суд вынес бы решение в пользу доверителя. В немецком праве по таким делам бремя доказывания не переносится на юриста, поскольку, как отмечается в доктрине, перераспределение бремени доказывания эффективно лишь тогда, когда соответствующий факт в принципе может быть установлен с необходимой степенью убедительности. Однако в рассматриваемых ситуациях возложение на ответчика обязанности опровергнуть

---

[1]Жильцов К.А. Возмещение утраты шанса на победу в конкурсах, торгах и судебных процессах в праве Германии // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 4. С. 178 – 192

[2] Основные положения гражданского права : постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2020. С. 1351 (авторы комментария – В.В. Байбак, А.Г. Карапетов)

[3]Graziano T.K. Op. cit. P. 276

причинную связь нередко оказывается практически неисполнимым и фактически приводит к перенесению на него риска неблагоприятного результата[1].

В связи с этим немецкая практика использует иной механизм, основанный на разграничении двух уровней причинной связи: обосновывающей ответственность (*haftungsbegründende Kausalität*) и наполняющей ее конкретным имущественным содержанием (*haftungsausfüllende Kausalität*)[2].

Первая устанавливается между поведением ответчика и первичным нарушением договора или охраняемого законом блага и доказывается по общему правилу § 286 Гражданского процессуального кодекса Германии (*Zivilprozeßordnung* (далее – ZPO)[3], то есть до такой степени, при которой у суда формируется внутреннее убеждение в ее наличии. В рамках § 286 ZPO судья при формировании своего убеждения должен исходить из того, что для этого не требуется абсолютной или неопровержимой достоверности в смысле научного доказательства. Достаточно такой степени уверенности, пригодной для практической жизни, которая «заставляет сомнения умолкнуть», хотя и не исключает их полностью. Вторая относится к вопросу о том, какие имущественные последствия повлекло установленное нарушение. Иными словами, суд определяет, связано ли нарушение обязанности с заявленным истцом убытками, а также в каком объеме они подлежат возмещению. Применительно к данной разновидности причинной связи немецкое право допускает более мягкий стандарт доказывания, предусмотренный § 287 ZPO. допускает, чтобы суд, в интересах лица, пострадавшего от противоправного поведения, удовлетворился

---

[1] Stremitzer A. Haftung bei Unsicherheit des hypothetischen Kausalitätsverlaufs: Berechnungsmethoden am Beispiel der Arzthaftung // Archiv für die civilistische Praxis (AcP). 2008. Bd. 208. H. 5. S.679; Chammartin C., von der Crone H.C. Kausalität in der Prospekthaftung: Entscheide des Schweizerischen Bundesgerichts 4C.136/2006 und 4P.96/2006 vom 28. August 2006 // Schweizerische Zeitschrift für Wirtschafts- und Finanzmarktrecht / Revue suisse de droit des affaires et du marché financier (SZW/RSDA). 2006. Bd. 78. H. 6. P. 455

[2] ЖильцовК.А. Указ. соч. С. 178 – 192; Stremitzer A. Op. cit. S. 682

[3] Zivilprozessordnung vom 30. Januar 1877 (Reichsgesetzblatt S. 83) // Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz. URL: https://clck.ru/3ViPTB (дата обращения: 10.05.2026).

не полной достоверностью, а более низкой степенью вероятности: как минимум преобладающей вероятностью[1].

Особое значение данное разграничение приобретает в делах об ответственности юристов, поскольку такая ответственность имеет договорную природу. В подобных случаях установление причинной связь, обосновывающей ответственность, фактически сводится к установлению противоправности поведения юриста, т.е. факту нарушения юристом договорной обязанности[2]. Причинная связь между нарушением юристом обязанности и возникновением конкретного имущественного вреда относится уже не к причинности, обосновывающей ответственность, а к причинности, наполняющей ее содержанием. Следовательно, строгий режим § 286 ZPO применяется к установлению тех обстоятельств, которые образуют основание ответственности, тогда как вопрос о том, повлекло ли нарушение юриста конкретный имущественный ущерб для доверителя и в каком размере, разрешается по правилам § 287 ZPO.

В свою очередь доказывание наполняющей причинной связи осуществляется посредством механизма «*Prozess im Prozess*» («процесс в процессе»). Его смысл состоит в том, что суд, рассматривающий иск доверителя к юристу, оценивает, каким был бы исход утраченного процесса при надлежащем поведении представителя. Иначе говоря, суд проверяет обоснованность требования, которое не было реализовано вследствие ошибки юриста, и устанавливает, имелись ли правовые и фактические основания для его удовлетворения.

Такой механизм направлен на преодоление доказательственных затруднений, с которыми сталкивается доверитель. Истцу достаточно доказать, наряду с фактом нарушения юристом договорной обязанности, факт того, что правомерное поведение ответчика привело бы к благоприятному для него исходу

---

[1] Bundesgerichtshof. Urteil v. 17.09.2019 – VI ZR 396/18 // Der Bundesgerichtshof. URL: https://clck.su/sNlKV (датаобращения: 31.05.2026); Bundesgerichtshof. Urteil v. 16.04.2013 – VI ZR 44/12 // dejure.org. URL: https://clck.su/iFuEg (датаобращения: 31.05.2026).

[2] Stremitzer A. Op. cit. S. 682

процесса. В частности, если юрист пропустил срок на подачу апелляционной жалобы, доверитель должен доказать, что его первоначальное требование являлось обоснованным и при надлежащем ведении дела было бы удовлетворено судом[1]. Если в результате суд приходит к выводу, что утраченное требование имело серьезные перспективны для удовлетворения, причинная связь между нарушением юриста и имущественным ущербом доверителя признается достаточной для взыскания убытков. При этом размер возмещения определяется судом по своему усмотрению (§ 287 ZPO). В этом смысле механизм «*Prozess im Prozess*» и применение § 287 ZPO позволяют смягчить традиционный подход, не отказываясь от необходимости установления причинной связи между нарушением адвоката и имущественным ущербом доверителя.

Соответствующие случаи традиционно обсуждаются в рамках доктрины утраты шанса (*perte d'une chance, loss of a chance*). Ее исходная идея состоит в том, что объектом правовой защиты признается не конечный благоприятный результат, но сама возможность его достижения, если такая возможность имела реальный, а не спекулятивный характер. В этом смысле утраченный шанс рассматривается как самостоятельная имущественная ценность, посягательство на которую способно образовывать основание для возмещения[2]. Признание такой возможности охраняемым правом благом имеет, безусловно, политико-правовое измерение. Аргумент в пользу такой защиты состоит в том, что в ряде ситуаций у потерпевшего фактически остается лишь шанс на сохранение или приобретение определенного блага, и лишение его этого шанса не должно оставаться без реакции правопорядка[3].

Принципиальная особенность доктрины утраты шанса состоит в изменении объекта посягательства. В рамках традиционной модели центральным является вопрос о том, причинило ли поведение ответчика конечный неблагоприятный

---

[1] Graziano T.K. Op. cit. P. 129; Oberlandesgericht Celle. Urt. v. 21.09.2005 – 3 U 99/05 // Niedersächsisches Vorschrifteninformationssystem (NI-VORIS). URL: https://clck.su/iNIwW (датаобращения: 31.05.2026).

[2] Graziano T.K. Op. cit. P. 132

[3] Jansen N. Op. cit. P. 279-284

результат: ухудшение здоровья, проигрыш судебного дела, неполучение должности и т.д. Доктрина утраты шанса предлагает иную конструкцию: возмещаемым вредом признается не сам конечный результат, причинная связь с которым остается неопределенной, а денежная оценка утраченной реальной возможности его достижения. Тем самым юридически значимым становится сам факт лишения потерпевшего реальной возможности претендовать на благоприятный результат. Именно поэтому доктрина утраты шанса позволяет сохранить требование *conditio sine qua non*, но применить его к иному объекту защиты [1] . Доказыванию подлежит то, что без неправомерного поведения ответчика потерпевший сохранял бы реальный шанс достижения благоприятного результата, тогда как вследствие такого поведения этот шанс был утрачен.

В отличие от традиционного подхода, основанного на принципе «всё или ничего», доктрина утраты шанса ориентирована на пропорциональное возмещение. Размер компенсации определяется не полной величиной конечной выгоды, а стоимостью утраченной возможности, то есть путем умножения размера потенциальной выгоды на вероятность ее достижения. Так, если надлежащее поведение арбитражного управляющего могло привести к предъявлению требования, его удовлетворению судом и последующему пополнению имущественной массы должника, то возмещению подлежала бы не вся сумма потенциального взыскания, а денежная оценка утраченного шанса на такое взыскание[2].

При этом важно отметить, что правовое значение имеет не любая абстрактная или спекулятивная вероятность, а только реальный и достаточно существенный шанс. Данное ограничение необходимо для предотвращения чрезмерного расширения ответственности и предъявления требований, основанных на объективно маловероятных возможностях[3].

---

[1]Barker K. Op. cit. P. 3-5

[2]Graziano T.K. Op. cit. P. 132; Козлов И.А. Доктрина утраты шанса: плюсы и минусы признания теории // Юридическая наука. 2021. №10. С. 14

[3]Байбак В.В. Утрата благоприятной возможности (lossofachance) как разновидность договорных убытков // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 5. С. 70-71

Наиболее последовательное развитие доктрина утраты шанса получила во французском праве. Именно французская судебная практика впервые придала утраченной возможности значение самостоятельного возмещаемого вреда и впоследствии распространила данную конструкцию на широкий круг дел, в которых благоприятный результат для потерпевшего имел вероятностный характер [1] . В иных правопорядках доктрина утраты шанса применяется дифференцированно: ее действие или ограничивается отдельными категориями дел, или исключается в сферах, где суды считают недопустимым отход от традиционных правил установления причинной связи. Так, в английском праве требования, связанные с утратой шанса на более благоприятный исход лечения вследствие грубой врачебной ошибки, как правило, разрешаются по общим правилам причинной связи. Напротив, в делах об ответственности юристов за ненадлежащее ведение процесса допускается взыскание убытков, размер которых определяется путем умножения вероятности благоприятного исхода утраченного дела на размер конечной выгоды, которая могла быть получена при благоприятном исходе процесса[2].

Сходная логика используется английскими судами и в спорах об ответственности лиц, осуществляющих управление в процедурах несостоятельности. В таких случаях суд реконструирует гипотетический ход утраченного процесса и оценивает перспективы требования, которое не было предъявлено или реализовано вследствие нарушения обязанного лица. Применяемая при этом конструкция «*case within the case*» функционально тождественна немецкой модели «*Prozess im Prozess*» [3] . Ключевое отличие английского подхода от немецкого состоит в объекте защиты и определении объема ответственности. В английском праве в соответствующих категориях дел самостоятельной имущественной ценностью признается именно утраченный шанс, поэтому суд определяет вероятность его реализации и исчисляет компенсацию

[1]GrazianoT.K. Op. cit. P. 134
[2]Михайлов В.С. Указ. соч. С. 172; Graziano T.K. Op. cit. P. 133-137
[3]Михайлов В.С. Указ. соч. С. 167

пропорционально этой вероятности. В немецком праве утраченный шанс, как правило, не признается самостоятельным видом вреда: суд реконструирует гипотетический исход утраченного процесса и определяет размер убытков на основе свободного усмотрения (§ 287 ZPO).

Для исследования ответственности арбитражного управляющего доктрина утраты шанса представляет интерес потому, что российская практика также оперирует категорией «утраты возможности увеличения конкурсной массы». В п. 11 Письма №150 такая утрата фактически признана юридически значимым имущественным последствием ненадлежащего поведения конкурсного управляющего. Данное разъяснение послужило основой для формирования практики взыскания убытков с управляющих в случаях пропуска срока на оспаривание сделок, непринятия мер по взысканию дебиторской задолженности и т.д. Во всех подобных ситуациях речь идёт не о достоверно установленном непоступлении имущества в конкурсную массу, а об утрате возможности добиться такого поступления посредством предъявления соответствующего требования и его удовлетворения судом.

Вместе с тем в отечественном правопорядке утраченная возможность не рассматривается как самостоятельное охраняемое законом благо, а размер ответственности не находится в пропорциональной зависимости от вероятности её реализации. При рассмотрении подобных требований суды оценивают судебные перспективы того требования, которое не было своевременно предъявлено либо надлежащим образом поддержано арбитражным управляющим. ВС РФ исходит из того, что для установления причинной связи между нарушением управляющего и возникшими убытками необходимо доказать, что при правомерном поведении управляющего существовала бы «**высокая вероятность**» удовлетворения соответствующего требования[1]. Тем самым в

[1]Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 26.10.2017 № 305-ЭС17-8225 по делу № А40-154653/2015 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.su/tscqO (дата обращения: 10.05.2026); Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 14.06. 2022 г. № 302-ЭС21-29794 по делу № А33-8678/2016 // СПС «Гарант». URL: https://clck.su/LNOVo (дата обращения: 10.05.2026); Определение Судебной коллегии по

данной категории дел применяется *ex post* модель оценки вероятного исхода утраченного процесса, что функционально соответствует английской конструкции «*casewithinthecase*» и немецкой «*ProzessimProzess*».

Однако принципиальное отличие российского подхода состоит в том, что вероятность реализации утраченной возможности используется не для пропорционального определения размера возмещения, а для решения вопроса о наличии причинной связи. Если высокая вероятность удовлетворения и исполнения утраченного требования доказана, убытки взыскиваются в полном объёме; если такая вероятность не установлена, в удовлетворении иска отказывается. Следовательно, вероятность выполняет пороговую, а не распределительную функцию, а российская модель сохраняет традиционную логику «всё или ничего».

Сопоставление отечественного подхода с доктриной утраты шанса и немецкой моделью требует ряда уточнений. В обособленных спорах по делам о банкротстве российская судебная практика в целом исходит из более высокого стандарта доказывания, чем обычная разумная степень достоверности или «баланс вероятностей» [1]. Поэтому требование доказать высокую вероятность удовлетворения и исполнения утраченного требования в делах о взыскании убытков с арбитражного управляющего, как представляется, обусловлено не усилением доказательственного бремени истца применительно к данной категории дел, а процессуальными особенностями рассмотрения того спора, который не был инициирован или надлежащим образом проведен.

В описанных случаях бездействие управляющего связано с утратой возможности получить имущественную выгоду в результате успешного разрешения, как правило, обособленных споров: об оспаривании сделки,

---

экономическим спорам ВС РФ от 27.01.2025 г. № 305-ЭС24-15718 по делу № А41-82674/2018 // СПС «Гарант». URL: https://clck.su/SEPYp (дата обращения: 10.05.2026)

[1] Подольский Ю.Д. Обособленные споры в делах о несостоятельности (банкротстве): дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. С. 39, 84, 162-164; Столповских Н.О. Стандарт доказывания в делах о несостоятельности (банкротстве) и делах искового производства с участием должника: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2026. 194 с.

взыскании дебиторской задолженности и т.д. Поэтому, рассматривая последующий иск о взыскании убытков, суд фактически оценивает перспективы утраченного требования и исходит из тех стандартов доказывания, которые применялись бы при его рассмотрении. С этой точки зрения российский подход корректнее характеризовать не как восприятие доктрины утраты шанса и не как аналог немецкой модели доказывания по § 287 ZPO, а как сохранение традиционной модели причинной связи. Суд не признает утраченную возможность самостоятельным объектом возмещения и не распределяет убытки пропорционально вероятности ее реализации, но проверяет, было бы соответствующее требование с высокой степенью вероятности удовлетворено и исполнено при надлежащем поведении управляющего, применяя к такой оценке стандарты, свойственные утраченному обособленному спору.

Отсюда сохраняются классические для традиционной модели причинности доказательственные затруднения. В тех случаях, когда имущественный результат зависит не только от поведения арбитражного управляющего, но и от вероятного исхода судебного процесса, платёжеспособности ответчика и иных внешних факторов, применение модели «всё или ничего» неизбежно порождает риск несправедливого распределения последствий неопределённости. Именно эти затруднения в зарубежных правопорядках и обусловили поиск альтернативных конструкций, включая доктрину утраты шанса и специальные правила доказывания причинной связи.

По нашему мнению, доктрина утраты шанса не является оптимальным инструментом для разрешения проблемы причинной неопределенности в делах об ответственности арбитражного управляющего. Ее ключевая сложность состоит в определении минимального порога вероятности, при котором утраченный шанс может считаться юридически значимым. Показательно, что в английской практике по делам о взыскании убытков с *insolvency practitioners* компенсация в отдельных случаях допускается даже при вероятности благоприятного исхода

около 20 %[1]. Если допустить компенсацию при сравнительно низкой вероятности благоприятного результата, возникает риск несоразмерных последствий для управляющего, поскольку взыскание убытков влечет не только имущественные, но и профессиональные ограничения, включая отстранение и невозможность утверждения в иных процедурах банкротства.

В то же время российский подход, сохраняющий традиционные правила доказывания причинной связи, также нуждается в корректировке. В таких делах суд фактически реконструирует несостоявшийся обособленный спор: оценивает возможность предъявления требования, вероятность его удовлетворения и последующего исполнения судебного акта. Такая реконструкция неизбежно создает для истца значительные доказательственные затруднения с учетом повышенного стандарта доказывания причинной связи в делах о банкротстве.

В связи с этим более обоснованным представляется не признание утраченного шанса самостоятельным видом вреда, а развитие модели «процесс в процессе» с учётом специальных правил распределения бремени доказывания. В рамках такого подхода истец должен доказать с разумной степенью достоверности, что требование, которое не было предъявлено вследствие поведения арбитражного управляющего, являлось обоснованным и при надлежащем ведении процедуры могло привести к пополнению конкурсной массы. Иными словами, на истца должно возлагаться бремя доказывания не высокой вероятности успешного исхода утраченного процесса и фактической исполнимости вынесенного по его итогам судебного акта, а наличия достаточных оснований для вывода о наличии разумных перспектив в удовлетворении утраченного требования.

В случае выполнения истцом данного бремени, опровержение факта причинной связи должно быть возложено на арбитражного управляющего. Представляется, что ответчик подлежит освобождению от ответственности, если докажет наличие обстоятельств, которые исключали бы удовлетворение такого

[1]SimsH., RamelS. Op.cit. P. 15.

требования или реальное исполнение судебного акта с разумной степенью достоверности. К их числу могут относиться, например, отсутствие необходимых условий для оспаривания сделки, добросовестность приобретателя, невозможность взыскания с ответчика вследствие его имущественной несостоятельности, наличие у ответчика по первоначальному требованию существенных возражений и иные обстоятельства, свидетельствующие о том, что даже при надлежащем поведении управляющего имущественная масса должника не была бы пополнена. Такая модель позволяет сохранить традиционное понимание причинной связи и не превращать утраченную возможность в самостоятельный объект возмещения, но одновременно смягчает чрезмерные доказательственные затруднения, возникающие у истца, и обеспечивает более справедливое распределение риска неопределённости между участниками спора.

Таким образом, представляется, что обязательный материально-правовой факт причинной связи между нарушением арбитражного управляющего и убытками, выражающимися в утрате возможности увеличения имущественной массы должника, имеет сложный состав. В него входят: во-первых, факт утраты возможности предъявления и рассмотрения соответствующего требования вследствие неправомерного поведения управляющего; во-вторых, факт наличия разумной перспективы в удовлетворении утраченного требования судом при правомерном поведении арбитражного управляющего; в-третьих, обстоятельства, способные исключить удовлетворение судом утраченного требования или реальное исполнение судебного акта. При этом первые два обстоятельства подлежат доказыванию истцом, тогда как бремя доказывания исключающих обстоятельств должно возлагаться на арбитражного управляющего.

Факт наличия убытков. Согласно п. 2 ст. 15 ГК РФ в составе убытков могут быть взысканы реальный ущерб и упущенная выгода. Под реальным ущербом в данной норме понимаются расходы, которые лицо, чьё право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, а также утрата и повреждение его имущества. Упущенную выгоду образуют неполученные доходы, которые это лицо получило бы при

обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено. Отдельной категорией убытков, подлежащих взысканию в составе упущенной выгоды, являются доходы, полученные вследствие нарушения права другого лица. Упущенная выгода в последнем случае подлежит взысканию в размере не меньшем, чем такие доходы (абз. 2 п. 2 ст. 15 ГК РФ).

В период производства по делу о банкротстве арбитражный управляющий осуществляет управление имуществом должника. Несмотря на различия в объёме его правомочий в зависимости от применяемой процедуры, неизменным остаётся возложение на него обязанностей по сохранению имущественной массы и принятию разумных мер, направленных на её увеличение. Интерес должника в надлежащем исполнении арбитражным управляющим своих обязанностей выражается, в частности, в том, что такое поведение управляющего способствует улучшению имущественного состояния должника и стабилизации его хозяйственной деятельности. Это, в свою очередь, создает предпосылки для восстановления платежеспособности должника или заключения мирового соглашения с кредиторами.

Арбитражный управляющий несёт обязанности не только перед должником, но и перед кредиторами, действуя в их интересах в рамках возникающего внедоговорного обязательственного отношения. Кредиторы в данном правоотношении выступают в качестве выгодоприобретателей и наделяются правом требовать от управляющего предоставления им имущественных выгод за счёт имущества должника в порядке, установленном Законом о банкротстве. Интерес кредиторов заключается в получении наиболее полного удовлетворения их требований за счёт имущества должника в соответствии с установленным порядком. Нарушение этого порядка, включая отступление от правил очередности и пропорциональности (календарной очередности удовлетворения требований кредиторов по текущим платежам (абз. 7 п. 2 ст. 134 Закона о банкротстве) непосредственно затрагивает права отдельных кредиторов, лишая причитающихся им имущественных выгод. В этой связи ненадлежащее исполнение управляющим обязанностей по обеспечению сохранности имущества

должника и принятию мер, направленных на его увеличение, представляет собой поведение, противоречащее интересам как должника, так и кредиторов, и является нарушением обязательства, связывающего указанных субъектов. Следовательно, обязанность арбитражного управляющего по сохранению и увеличению имущественной массы должника должна рассматриваться как установленная не только по отношению к должнику, но и по отношению к кредиторам.

Особенность рассматриваемой правовой связи заключается в том, что должник и кредиторы, как правило, в равной степени испытывают на себе как положительные, так и неблагоприятные последствия арбитражного управления. Улучшение имущественного положения должника, как правило, приводит к увеличению объёма удовлетворения требований кредиторов, хотя и в различной степени. Так, кредиторы, требования которых при имеющемся объёме имущества должника подлежат полному удовлетворению, оказываются в более устойчивом положении, поскольку увеличение имущественной массы должника еще более повышает вероятность их полного удовлетворения. В отношении кредиторов, требования которых на момент вступления арбитражного управляющего в исполнение своих обязанностей подлежат лишь частичному удовлетворению, увеличение имущественной массы должника обусловливает пропорциональное возрастание причитающейся им доли в распределении. Для кредиторов, требования которых не могут быть удовлетворены при имеющемся объёме активов должника по причине их недостаточности, улучшение имущественного положения должника повышает вероятность получения хотя бы частичного удовлетворения.

Напротив, причинение имущественных потерь должнику влечёт не только уменьшение объёма принадлежащего ему имущества и, как следствие, снижение вероятности восстановления его платёжеспособности, но и оказывает влияние на имущественное положение кредиторов. Следует отметить, что отдельные кредиторы могут не понести негативных последствий в тех случаях, когда после причинения имущественных потерь должнику объём его имущества остаётся

достаточным для полного удовлетворения их требований. Вместе с тем, в отношении иных кредиторов происходит пропорциональное уменьшение объёма удовлетворения, обусловленное сокращением объёма подлежащего распределению имущества. При этом для части кредиторов утрачивается сама возможность получения какого-либо имущественного удовлетворения.

Представляется, что описанные соображения были положены в основу разъяснения ВАС РФ, согласно которому под убытками, причинёнными должнику и его кредиторам, понимается любое уменьшение имущества должника либо утрата возможности его увеличения, вызванные неправомерными действиями (бездействием) арбитражного управляющего; при этом права должника и конкурсных кредиторов признаются нарушенными всякий раз при возникновении таких имущественных последствий (п. 11 Письма №150).

Из данной позиции следует, что к подлежащим возмещению убыткам относятся имущественные потери, выражающиеся в уменьшении имущества должника либо в утрате возможности его увеличения, которые квалифицируются как убытки, причиняемые одновременно как должнику, так и его кредиторам. Тем самым предполагается, что соответствующее правонарушение арбитражного управляющего влечёт одновременное причинение убытков обеим группам субъектов, вследствие чего они рассматриваются в качестве лиц, управомоченных требовать возмещения указанных потерь.

Позиция суда представляется обоснованной в части указания на экономическую взаимосвязь интересов должника и кредиторов, выражающуюся в том, что уменьшение имущества должника способно отразиться на имущественном положении кредиторов и повлечь для них неблагоприятные последствия.

Вместе с тем данный подход не лишён недостатков. Прежде всего вызывает сомнение положение, согласно которому уменьшение или утрата возможности увеличения конкурсной массы представляет собой убытки, причиняемые должнику и его кредиторам, тогда как соответствующее правонарушение арбитражного управляющего связывается с нарушением прав лишь должника и

конкурсных кредиторов. Подобное ограничительное понимание круга субъектов, чьи права нарушаются, не находит достаточного нормативного обоснования, поскольку из содержания ст. 20.3 Закона о банкротстве следует, что арбитражный управляющий обязан действовать в интересах всех кредиторов должника. В силу этого неблагоприятные последствия ненадлежащего арбитражного управления по своей природе способны затрагивать права не только конкурсных кредиторов, но и иных кредиторов должника.

Кроме того, не всякое уменьшение имущественной массы должника может квалифицироваться как убытки кредиторов. Поскольку в ходе производства по делу о банкротстве должник сохраняет права на свое имущество, непосредственные имущественные потери в результате противоправных действий управляющего возникают именно на его стороне. В отличие от должника, кредиторы несут исключительно косвенные имущественные потери, выражающиеся в разнице между объёмом удовлетворения их требований, на который они могли бы рассчитывать при надлежащем исполнении арбитражным управляющим своих обязанностей (потенциальное удовлетворение), и фактически полученным по итогам расчетов объёмом удовлетворения (фактическое удовлетворение). Существенно, что на момент причинения убытков должнику имущественные потери кредиторов носят лишь вероятностный характер, поскольку их наличие и точный размер зависят от последующего хода процедуры, ведь определение размера имущественной массы должника, подлежащей в дальнейшем распределению между кредиторами, требует учета необходимости несения текущих расходов на проведение процедуры, применяемой в деле о банкротстве, возможных поступлений в имущественную массу должника и т.д.

Более того, возможны ситуации, в которых уменьшение имущественной массы должника не сопровождается возникновением у него убытков. Так, при нарушении управляющим порядка удовлетворения требований кредиторов, выражающемся в предоставлении отдельным кредиторам необоснованного преимущества, происходит перераспределение имущественных выгод между кредиторами без увеличения общего объёма обязательств должника. В таких

случаях негативные имущественные последствия возникают не для должника, а для тех кредиторов, которые были лишены причитающегося им удовлетворения. Соответствующие имущественные потери выражаются в разнице между объёмом удовлетворения, который должен был быть получен при соблюдении установленного порядка, и фактически полученным.

Таким образом, подход ВАС РФ, связывающий любое уменьшение конкурсной массы с одновременным причинением убытков должнику и кредиторам, не учитывает многообразия возможных правовых ситуаций и требует существенной конкретизации.

Для устранения соответствующих неопределённостей представляется необходимым разграничение убытков в зависимости от характера возникших имущественных потерь, личности потерпевшего субъекта, а также состояния производства по делу о банкротстве. С учётом изложенного убытки, причиняемые арбитражным управляющим вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения им обязанностей, возложенных на него в соответствии с Законом о банкротстве, целесообразно разделять на два вида.

К первой группе относятся убытки, причиняемые должнику и выражающиеся в уменьшении или утрате возможности увеличения его имущественной массы. В соответствующих случаях именно должник как собственник имущества, как правило, несёт непосредственные имущественные потери, в связи с чем до прекращения производства по делу о банкротстве (завершения конкурсного производства, реализации имущества гражданина) именно он является субъектом права требования о возмещении соответствующих убытков.

После прекращения производства по делу о банкротстве (завершения конкурсного производства, реализации имущества гражданина) правовая квалификация указанных имущественных потерь определяется его результатом. В случае восстановления платёжеспособности должника или утверждения мирового соглашения соответствующие имущественные потери остаются убытками должника, который и наделен правом на их взыскание. Особенности проявляются

при банкротстве гражданина: при завершении процедуры реализации имущества в связи с исчерпанием конкурсной массы убытки должника выражаются в той части имущественных потерь, причинённых противоправным поведением управляющего, которая превышает совокупный размер оставшихся без удовлетворения требований кредиторов.

Ко второй группе относятся убытки, причиняемые кредиторам, под которыми понимаются, во-первых, производные от причиненных должнику убытков имущественные потери, возникающие после прекращения производства по делу о банкротстве (завершения конкурсного производства, реализации имущества гражданина) в виде неполученных имущественных выгод, которые при надлежащем исполнении управляющим своих обязанностей могли бы быть ими получены. При этом, несмотря на первоначальное возникновение неблагоприятных последствий на стороне должника, кредиторы также выступают субъектами нарушенного права, поскольку обладают правом требовать от арбитражного управляющего принятия необходимых мер по сохранению и увеличению имущества должника. Формирование состава таких убытков завершается в момент прекращения производства по делу о банкротстве (завершения конкурсного производства, реализации имущества гражданина), что обусловливает возникновение у кредиторов право требовать возмещения таких убытков с указанного момента.

Во-вторых, убытки, причиняемые кредиторам, могут возникать непосредственно в результате нарушения установленного порядка удовлетворения требований, в частности, при предоставлении одному или нескольким кредиторам необоснованного преимущества в обход правил пропорционального удовлетворения (удовлетворения в соответствии с календарной очередностью в случае с кредиторами по текущим платежам) их требований в соответствии с очередностью, предусмотренной Законом о банкротстве. В подобных случаях уменьшение имущества должника сопровождается одновременным снижением его долговой нагрузки, вследствие чего у должника отсутствуют имущественные потери. Вместе с тем такие

действия управляющего причиняют ущерб тем кредиторам, которые были лишены причитающегося им удовлетворения. Соответственно, в подобных случаях именно они выступают потерпевшими, чьи субъективные права, вытекающие из обязательственного отношения с участием арбитражного управляющего, нарушаются. Требования о возмещении таких убытков могут быть заявлены самими кредиторами как в рамках производства по делу о банкротстве, так и после его прекращения (завершения конкурсного производства, реализации имущества гражданина) в пределах срока исковой давности.

Несмотря на то, что в российской догматике и судебной практике обозначенный подход до сих пор не получил закрепления, встречаются отдельные дела, в которых российские суды высказываются в пользу необходимости такого понимания.

При рассмотрении требований о взыскании убытков с арбитражного управляющего, обусловленных, в частности, непринятием мер по оспариванию сделок, судебная практика допускает различное определение субъекта, которому причинён вред. Так, Арбитражный суд Северо-Западного округа[1] указал, что нарушение арбитражным управляющим возложенных на него обязанностей в одних случаях влечёт причинение убытков конкурсной массе, а в других – может повлечь убытки конкретного кредитора, например, при нарушении очередности удовлетворения требований.

Аналогичный подход прослеживается и в иных судебных актах, в которых допускается возможность причинения убытков непосредственно кредитору. В частности, Арбитражный суд Московского округа[2] удовлетворил требование о взыскании убытков в пользу кредитора по текущим платежам, указав, что в рассматриваемой ситуации вред был причинён именно ему вследствие нарушения порядка удовлетворения текущих требований. Суд отметил, что конкурсный управляющий производил выплаты кредиторам пятой очереди, чьи требования

---

[1] Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 22.07.2024 по делу № А56-31051/2023 // СПС КонсультантПлюс. URL: https://clck.su/xAHFA (дата обращения: 31.05.2026).

[2] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 07.12.2021 по делу № А40-34524/2021. URL: https://clck.su/xAHFA (дата обращения: 31.05.2026).

возникли позднее, тогда как требования заявителя имели более раннюю календарную очередность. При отсутствии иных кредиторов более приоритетной очереди все выплаченные суммы были квалифицированы как убытки данного кредитора.

Сходная логика прослеживается в позиции Арбитражного суда Центрального округа. По мнению суда, убытки кредиторов могут быть возмещены за счет конкурсного управляющего лишь при наличии доказательств того, что конкурсной массы оказалось недостаточно для удовлетворения требований кредитора либо вследствие противоправного поведения управляющего при формировании конкурсной массы (из-за чего конкурсная масса оказалась меньше, нежели могла быть), либо вследствие неправомерного поведения управляющего при расходовании (распределении) конкурсной массы[1] Данный подход воспроизводится и в практике апелляционных судов[2].

Указанные позиции позволяют сделать вывод о формировании в судебной практике представления о существовании двух видов убытков:

1) убытков, причиняемых должнику (конкурсной массе), и

2) убытков, причиняемых непосредственно кредиторам.

К числу последних, как правило, относятся убытки, возникающие вследствие нарушения порядка удовлетворения требований кредиторов (очередности, пропорциональности, правил погашения текущих платежей), а также убытки, обусловленные недостаточностью имущества должника после прекращения производства по делу о банкротстве (завершения конкурсного производства, реализации имущества гражданина).

Вместе с тем анализ судебной практики показывает, что указанная дифференциация проводится непоследовательно. Так, в ряде дел, связанных с

---

[1] Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 17.05.2019 по делу № А09-6789/2014 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.su/iVPXe (дата обращения: 31.05.2026).

[2] Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 28.12.2017 № 17АП-13876/2017-ГК по делу № А60-25746/2017 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.su/AhRrQ (дата обращения: 31.05.2026); Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 31.05.2018 № 17АП-5269/2018-АК по делу № А60-61906/2017 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.su/tzsfs (дата обращения: 31.05.2026).

нарушением очередности удовлетворения требований, суды приходят к выводу о том, что убытки в подобных случаях причиняются именно должнику, а не отдельным кредиторам. В частности, Арбитражный суд Западно-Сибирского округа указал, что в отличие от субсидиарной ответственности, направленной на защиту интересов кредиторов, взыскание убытков с арбитражного управляющего во всяком случае направлено на компенсацию вреда, причинённого самому должнику, в связи с чем такие убытки подлежат взысканию в конкурсную массу[1].

Аналогичная позиция выражена Арбитражным судом Восточно-Сибирского округа. Суд указал, что требование о взыскании убытков с арбитражного управляющего носит косвенный характер, поскольку направлено на защиту интересов конкурсных кредиторов, однако удовлетворяется в пользу должника. Соответственно, взысканные суммы поступают в конкурсную массу и распределяются между кредиторами в установленном законом порядке. До завершения процедуры банкротства любые поступления, связанные с привлечением третьих лиц к ответственности, подлежат зачислению именно в конкурсную массу, а не отдельным кредиторам[2].

Как следствие, в правоприменительной практике наблюдается наличие двух конкурирующих подходов к правовой квалификации убытков, причиняемых арбитражным управляющим. Первый подход, предполагающий дифференциацию убытков в зависимости от характера возникающих имущественных потерь, личности потерпевшего субъекта и состояния производства по делу о банкротстве, был описан ранее и представляется наиболее обоснованным.

В рамках второго подхода любые неблагоприятные последствия, выражающиеся в уменьшении или утрате возможности увеличения имущественной массы должника, до прекращения производства по делу о банкротстве (завершения конкурсного производства, реализации имущества

---

[1]Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 06.12.2024 по делу № А27-4351/2014 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.su/auHdh (дата обращения: 31.05.2026).
[2]Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 20.03.2024 по делу № А74-2718/2017 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.su/GZZHB (дата обращения: 31.05.2026).

гражданина) рассматриваются исключительно в качестве убытков, причиненных должнику. Убытки, причиняемые кредиторам, ограничиваются в рамках такого понимания имущественными потерями, возникающими у кредиторов после прекращения производства по делу о банкротстве (завершения конкурсного производства, реализации имущества гражданина) в виде оставшейся неудовлетворенной по вине арбитражного управляющего доли удовлетворения их материально-правовых требований к должнику.

На данном этапе представляется достаточным констатировать необоснованность второго подхода, обусловленную совокупностью как доктринальных, так и практических причин. Его основной недостаток заключается в игнорировании специфики отдельных видов нарушений, прежде всего связанных с нарушением порядка удовлетворения требований кредиторов. В подобных ситуациях имущественное положение должника не претерпевает негативных изменений, поскольку уменьшение конкурсной массы сопровождается соразмерным уменьшением объёма его обязательств. В последующем данный аспект станет предметом самостоятельного анализа.

Представляется, что предложенный нами подход согласуется с выработанными в зарубежных правопорядках подходами к разграничению различных видов имущественных потерь, причиняемых неправомерным поведением управляющего в деле о банкротстве. Обращение к соответствующему опыту, в частности немецкого и американского права, позволило выявить устойчивые модели решения указанных вопросов и дополнительно подтвердить теоретическую обоснованность и практическую применимость предлагаемой конструкции.

В немецкой доктрине и судебной практике сформировался устойчивый подход, согласно которому ущерб, причиняемый неправомерным поведением управляющего в деле о банкротстве, подлежит разграничению на два вида: так называемый «общий ущерб» (*Gesamtschadens*) и «индивидуальный ущерб» (*Einzelschadens*). Первый традиционно связывается с уменьшением имущества, предназначенного для удовлетворения требований кредиторов, и рассматривается

как затрагивающий интересы всего сообщества кредиторов, тогда как второй выражается в причинении имущественных потерь конкретному лицу вследствие нарушения управляющим в деле о банкротстве своих обязанностей[1].

Вопрос о субъекте права на возмещение общего ущерба в немецком праве долгое время остается дискуссионным. В доктрине высказывались различные позиции: от признания соответствующего требования принадлежащим конкурсной массе как самостоятельному субъекту права (К. Шмидт в ранних работах [2]) до отнесения его к имуществу должника (Ф. Вебер [3], позднее поддержанный К. Шмидтом[4]). В судебной практике первоначально преобладал подход, согласно которому общий ущерб рассматривался как ущерб, причиняемый должнику, поскольку именно он является собственником имущества, используемого для расчетов с кредиторами[5].

Ключевой этап в развитии рассматриваемой проблематики связан с позицией Федерального суда Германии, сформулированной в постановлении от 22.02.1973 [6]. Суд указал, что уменьшение имущества, предназначенного для удовлетворения требований кредиторов, не следует квалифицировать как ущерб, причиняемый должнику. Такой ущерб представляет собой совокупность индивидуальных имущественных потерь кредиторов, определяемых как разница между гипотетической и фактически полученной долей удовлетворения их требований (*Quotenschaden*). Тем самым была отвергнута концепция косвенного характера ущерба для кредиторов и признано, что соответствующие последствия непосредственно затрагивают их имущественные интересы. Вместе с тем суд

---

[1] AltmeyerN. Op. cit. P. 307-309

[2] Schmidt K. «Amtshaftung» und «interne Verantwortlichkeit» des Konkursverwalters: Eine Analyse des § 82 KO // Konkurs-, Treuhand- und Schiedsgerichtswesen. 1976. S. 191–193.

[3] Jaeger E. Konkursordnung mit Einführungsgesetzen: Kommentar / fortgef. von F. Lent, F. Weber. 8. Aufl. Berlin: Walter de Gruyter, 1958–1973. § 82 Rn. 3 (Bearb.: Weber)

[4] . Schmidt K. Der Konkursverwalter als Gesellschaftsorgan und als Repräsentant des Gemeinschuldners: Versuch einer Konkursverwaltertheorie für heute und morgen // Konkurs-, Treuhand- und Schiedsgerichtswesen. 1984. S. 345-400

[5] Reichsgericht (RG). Urt. v. 25.11.1911 – VI 571/10 // dejure.org. URL: https://clck.su/HclYg (датаобращения: 10.05.2026).

[6] Bundesgerichtshof. Urteil v. 22.02.1973 – VI ZR 165/71 // Kanzlei prinz.law. URL: https://clck.su/WzOeA (датаобращения: 10.05.2026).

исходил из того, что в период конкурсного производства правом на предъявление соответствующих требований должен обладать исключительно конкурсный управляющий. Данная позиция обосновывалась тем, что размер убытков находится в зависимости от дальнейшего хода процедуры и может быть точно определён лишь после завершения расчётов с кредиторами. Соответственно, лишь после окончания конкурсного производства кредиторы приобретают возможность самостоятельного предъявления требований о возмещении соответствующего ущерба.

В последующей практике была предпринята попытка обосновать принадлежность требования о возмещении общего ущерба не должнику, а «сообществу кредиторов» как особому коллективному образованию. В обоснование данной конструкции указывалось на возникновение с открытием конкурсного производства особого права – права реализации имущества должника в интересах всех кредиторов (*ein Verwertungsrecht für alle Konkursgläubiger*). Однако указанная концепция подверглась обоснованной критике в доктрине, прежде всего ввиду того, что совокупность кредиторов не признаётся самостоятельным субъектом права, а также в связи с тем, что так называемый общий ущерб не во всех случаях охватывает имущественные потери всех кредиторов[1].

Следует учитывать, что приведённые правовые позиции формировались в период действия Конкурсного устава 1877 г., не содержавшего специальных норм, определяющих субъекта, наделённого правом требования о возмещении общего ущерба, причинённого конкурсным управляющим. В этих условиях Федеральный суд Германии фактически выработал правило, не имеющее прямого нормативного основания, согласно которому соответствующие требования могут быть предъявлены исключительно конкурсным управляющим. Впоследствии данное решение получило нормативное закрепление в § 92 InsO, тогда как отсутствие

[1] Bundesgerichtshof. Urteil v. 05.10.1989 – IX ZR 233/87. // Kanzlei prinz.law. URL: https://clck.su/ikjUt (датаобращения: 10.05.2026).

аналогичного регулирования в прежнем законодательстве рассматривалось как пробел в праве[1].

Примечательно, что в одном из дел, рассмотренных в указанный период, суд дал оценку ситуации, связанной с нарушением принципа пропорционального удовлетворения требований. Речь шла о случае, когда конкурсный управляющий перечислил кредитору сумму, превышающую причитающуюся ему долю в распределении, но не превышающую общий размер его требования, при том что конкурсное производство ещё не было завершено. Суд указал, что в подобных обстоятельствах отсутствуют основания рассматривать причинённый вред как ущерб должника, поскольку уменьшение конкурсной массы сопровождается соответствующим сокращением его обязательств. Тем не менее такой вред был квалифицирован как общий ущерб кредиторов, поскольку он затрагивает их совокупные интересы. Исходя из того, что право реализации имущества должника в конкурсном производстве осуществляется исключительно управляющим, суд признал, что и требование о возмещении такого ущерба может быть предъявлено только им[2].

Впоследствии данная позиция была пересмотрена. Современная немецкая доктрина и судебная практика квалифицируют ущерб, причиняемый в результате привилегированного исполнения, как индивидуальный ущерб кредиторов [3]. Закреплённое в § 92 InsO правило о том, что исключительно конкурсный управляющий вправе предъявлять требования о возмещении общего ущерба, не распространяется на случаи индивидуальных убытков, возникающих вследствие нарушения очередности или принципа пропорционального удовлетворения требований[4].

Таким образом, современный подход немецкого правопорядка может быть охарактеризован следующим образом. Уменьшение или утрата возможности

---

[1] Brinkmann M. Die Bedeutung der §§ 92, 93 InsO für den Umfang der Insolvenz- und Sanierungsmasse. Köln; Berlin; Bonn; München: Carl Heymanns Verlag, 2001. S. 7- 22.

[2] Bundesgerichtshof. Urteil v. 05.10.1989 – IX ZR 233/87 // Kanzlei prinz.law. URL: https://clck.su/ikjUt (датаобращения: 10.05.2026).

[3] Altmeyer N. Op. cit. P. 307-309

[4] Altmeyer N. Op. cit. P. 308

увеличения конкурсной массы рассматриваются как общий ущерб кредиторов, представляющий собой совокупность их индивидуальных требований. В период конкурсного производства такие требования реализуются исключительно конкурсным управляющим и направлены на восстановление конкурсной массы, формально принадлежащей должнику. После завершения процедуры кредиторы приобретают право на самостоятельное предъявление требований в части неполученного ими удовлетворения. При этом в доктрине также отмечается, что должник вправе требовать возмещения общего ущерба после завершения производства лишь при условии полного погашения требований кредиторов в части, превышающей размер обязательств перед кредиторами[1].

Сопоставление указанного подхода с предлагаемой в настоящем исследовании концепцией позволяет выявить как различия, так и сходства. В немецком праве уменьшение конкурсной массы вследствие неправомерного поведения управляющего квалифицируется как причинение имущественных потерь каждому из кредиторов, несмотря на то, что права на соответствующее имущество принадлежат должнику. В практическом же плане указанные различия не носят принципиального характера. Как и в рамках предлагаемого подхода, в ходе производства по делу о банкротстве требования о возмещении такого ущерба не могут быть реализованы кредиторами самостоятельно и подлежат удовлетворению в пользу должника (конкурсной массы). После прекращения производства по делу (завершения конкурсного производства, реализации имущества гражданина) соответствующие убытки трансформируются в индивидуальные потери кредиторов, которые вправе требовать их возмещения. В условиях российского правопорядка, не признающего имущественную массу должника и сообщество кредиторов в качестве самостоятельных субъектов права, более корректным представляется квалифицировать указанные убытки на стадии процедуры как относящиеся к имущественной сфере должника.

---

[1]Bundesgerichtshof. Beschluss v. 14.05.2009 – IX ZR 93/08 // dejure.org. URL: https://clck.su/NuCJB (датаобращения: 10.05.2026).

Кроме того, в рамках авторской концепции, подобно подходу немецкого правопорядка, предлагается рассматривать действия управляющего по осуществлению расчетов с кредиторами в нарушение установленного порядка удовлетворения их требований в качестве элемента основания ответственности за соответствующие убытки непосредственно перед потерпевшими кредиторами.

Концептуально тождественный подход реализован в настоящее время и в праве Соединенных Штатов Америки, где различаются убытки, причиняемые имущественной массе (*estate*), и убытки, причиняемые конкретным участникам процедуры. В первом случае управляющий (*trustee*) несёт ответственность перед *estate* (в форме *surcharge*), во втором – перед непосредственно пострадавшим лицом (в форме *damages*). При этом действует общее правило, согласно которому требование о возмещении убытков может быть предъявлено лишь тем субъектом, которому данный вред причинён: требования в защиту *estate* реализуются через его представителя в лице вновь назначенного *trustee* или в ряде случаев *UnitedStatesTrustee*, тогда как индивидуальные требования принадлежат соответствующим кредиторам. Самостоятельное предъявление кредиторами требований о возмещении общего ущерба, как правило, исключается, поскольку их потери рассматриваются как производные. Вместе с тем допускаются исключения, в частности в случаях предъявления требований к самому *trustee* при санкционированном судом представительстве интересов *estate* отдельным кредитором[1].

Обобщение опыта зарубежных правопорядков позволяет выявить ряд закономерностей, имеющих значение для настоящего исследования. Во-первых, признаётся, что в период производства по делу уменьшение имущества должника не порождает у кредиторов права требования возмещения убытков. Такие последствия либо связываются с имущественной сферой правосубъектной имущественной массы должника (*estate*), либо в силу прямого указания закона не могут быть компенсированы отдельным кредиторам до прекращения

[1]Altmeyer N. Op. cit. S. 309-312

производства по делу. Во-вторых, подчёркивается, что не всякое уменьшение имущества должника влечёт его собственные убытки, в частности, в ситуациях нарушения порядка распределения вред может возникать исключительно у кредиторов. В-третьих, убытки кредиторов связываются с нарушением их права на получение соответствующей доли удовлетворения.

Предлагаемая в настоящем исследовании классификация убытков должника и кредиторов в целом согласуется с указанными подходами, устраняя при этом присущие им теоретические затруднения за счёт последовательного разграничения характера нарушенного права и личности потерпевшего. Теоретические и практические преимущества такого взгляда становятся очевидными при анализе отдельных случаев причинения убытков арбитражным управляющим, возникающих в судебной практике. Описанию таких преимуществ будет уделено внимание в дальнейшем в рамках подробной характеристики каждой из выделяемых разновидностей убытков.

А) Убытки, причиненные должнику

С доктринальной точки зрения возможно обоснование позиции, согласно которой уменьшение или утрата возможности увеличения имущественной массы должника может рассматриваться как основание гражданско-правовой ответственности арбитражного управляющего перед кредиторами. Данный подход исходит из того, что кредиторы наделены правом требовать от управляющего принятия мер, направленных на сохранение и увеличение имущества должника, а нарушение соответствующих обязанностей образует противоправность как элемент состава гражданско-правовой ответственности перед кредиторами. Кроме того, уменьшение конкурсной массы или утрата возможности её увеличения могут рассматриваться в качестве имущественных потерь кредиторов, поскольку объективным следствием указанных обстоятельств является снижение объёма удовлетворения их требований за счёт имущества должника. Вместе с тем указанная позиция вызывает обоснованные возражения как доктринального и политико-правового, так и практического характера.

Во-первых, представляется затруднительным утверждать о наличии у кредиторов самостоятельных убытков на стадии производства по делу о банкротстве. Их наличие и размер могут быть установлены лишь по завершении производства по делу с учётом понесённых расходов и возможных изменений состава имущества должника. Как справедливо отмечается в доктрине, подобный подход сопряжён с риском использования неоднородных методов расчёта убытков в различных делах, что подрывает единообразие правоприменения[1].

Во-вторых, признание за кредиторами права на самостоятельное взыскание убытков предполагает необходимость определения их размера исходя из той доли удовлетворения, на которую они могли бы рассчитывать при надлежащем исполнении управляющим своих обязанностей. Такая доля определяется с учётом положения кредитора в очередности, принципа пропорционального удовлетворения требований, а применительно к текущим платежам – с учётом календарной очередности. В результате формируется существенная неоднородность в объёме требований кредиторов: одни из них могут рассчитывать на значительные суммы, тогда как иные – на существенно меньшие. В этих условиях квалификация рассматриваемых убытков как убытков должника и их взыскание в конкурсную пользу должника позволяет обеспечить централизованный механизм распределения. Должник в данном случае выступает в качестве единого «центра расчётов», что повышает эффективность защиты прав кредиторов, прежде всего тех, чьи требования являются незначительными и которые в противном случае были бы дестимулированы к самостоятельному инициированию процесса в отношении управляющего ввиду необходимости несения процессуальных издержек.

В-третьих, признание за кредиторами самостоятельного права на предъявление требований о возмещении убытков неизбежно приводит к множественности процессов, что противоречит принципу процессуальной экономии и затрудняет эффективное рассмотрение дела о банкротстве.

---

[1]Becker U. Op. cit. S. 236

В-четвёртых, в зарубежной, в частности немецкой, доктрине существует позиция, что предоставление кредиторам права требовать возмещения убытков, причиненных уменьшением имущественной массы должника, на стадии производства по делу влечет риск нарушения принципа равенства кредиторов. Более активные кредиторы получают преимущество за счёт более оперативного предъявления требований к управляющему, что может привести к исчерпанию его имущества до удовлетворения требований остальных кредиторов[1]. В российском правопорядке данная проблема в определённой степени нивелируется существованием механизмов страхования ответственности арбитражного управляющего, а также системой компенсационного фонда саморегулируемой организации, однако полностью не устраняется.

Наконец, взыскание убытков непосредственно в пользу кредиторов способно негативно сказаться на достижении целей процедуры банкротства, прежде всего на возможности восстановления платёжеспособности должника. Изъятие соответствующих денежных средств из имущественной сферы должника ограничивает его потенциал по осуществлению хозяйственной деятельности, снижает вероятность увеличения активов и затрудняет заключение мирового соглашения, что в конечном счёте может ухудшить положение всех участников процедуры.

Таким образом, следует признать, что имущественные потери в форме уменьшения или утраты возможности увеличения имущественной массы должника, причиняемые неправомерным поведением арбитражного управляющего, **до момента прекращения производства по делу о банкротстве (завершения конкурсного производства, реализации имущества гражданина)** являются убытками должника.

Исходя из системы действующего российского законодательства, должник в ходе производства по делу о банкротстве не лишается права собственности (в широком смысле) на принадлежащее ему имущество[2]. Вне зависимости от

[1]Becker U. Op. cit. S. 237
[2]Егоров А. В. Дело….

конкретной процедуры, применяемой в деле о банкротстве, обязанность принимать меры, направленные на обеспечение сохранности имущества должника, в ходе производства по делу о банкротстве возложена на арбитражного управляющего.

Неисполнение (ненадлежащее исполнение) арбитражным управляющим обязанности по обеспечению сохранности имущества должника может повлечь утрату или повреждение его имущества, тем самым причиняя должнику реально наступающие (физические) потери в имуществе, т.е. реальный ущерб. При этом реальный ущерб может выражаться не только в уменьшении активов должника, но и в увеличении его пассивов, например, вследствие возложения на него необоснованных обязательств по оплате услуг привлечённых специалистов до момента исполнения данных обязательств. Наиболее распространёнными в судебной практике случаями причинения арбитражным управляющим реального ущерба должнику являются: непринятие мер по обеспечению сохранности имущества должника, вследствие чего произошла его утрата или повреждение[1]; заключение арбитражным управляющим заведомо невыгодных сделок с имуществом должника[2]; допущение арбитражным управляющим необоснованных расходов на оплату услуг специалистов[3]; непринятие мер по расторжению трудовых договоров с работниками должника[4]; необоснованное расходование средств должника[5] и т. д.

Кроме того, обязанность арбитражного управляющего действовать разумно в интересах должника предполагает приложение им разумных усилий,

---

[1]Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 23.04.2024 по делу № А53-27208/2021 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.ru/3SFwNq (дата обращения: 03.03.2026).

[2] Определение ВС РФ от 15.03.2024 по делу № А56-25556/2019 // ЛегалАкт. URL: https://clck.ru/3SFwVY (дата обращения: 03.03.2026).

[3] Определение ВС РФ от 29.10.2020 по делу № А03-7544/2014 // Кодексы.Online. URL: https://clck.ru/3SFwdZ (дата обращения: 03.03.2026).

[4] Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 25.05.2023 по делу № А57-1342/2017 // СудАкт. URL: https://clck.ru/3SFwg5 (дата обращения: 03.03.2026).

[5] Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 26.09.2025 по делу № А77-1351/2009 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.ru/3SFwj3 (дата обращения: 03.03.2026).

направленных на увеличение имущества должника. В результате неисполнения (ненадлежащего исполнения) арбитражным управляющим данной обязанности должник может лишиться возможности получить доход, который при надлежащем арбитражном управлении был бы им получен. Достижение указанной цели обеспечивается принятием достаточных мер для увеличения состава имущества должника. Однако в тех случаях, когда в результате неправомерных действий арбитражного управляющего должник не получает доходы, которые можно было бы ожидать при добросовестном и разумном поведении управляющего, происходит нарушение имущественных прав должника, вследствие чего, как указывал ВАС РФ, формируется основание для взыскания с арбитражного управляющего в пользу должника упущенной выгоды, т. е. неполученных доходов, на которые увеличилась бы имущественная масса должника, если бы арбитражный управляющий надлежащим образом исполнял свои обязанности.

На уровне судебной практики взыскание с арбитражного управляющего упущенной выгоды в пользу должника крайне распространено. Наиболее частыми ситуациями являются: непринятие арбитражным управляющим мер по оспариванию недействительных и применению последствий недействительности ничтожных сделок должника; непринятие мер по взысканию дебиторской задолженности[1]; непринятие мер по экономически эффективному распоряжению имуществом должника[2] и др.

Наконец, арбитражный управляющий обязан при проведении процедур, применяемых в деле о банкротстве, действовать добросовестно в интересах сообщества кредиторов, что исключает возможность использования предоставленных ему для этих целей правовых и иных возможностей для извлечения личной имущественной выгоды. Полученные арбитражным

[1]Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 07.07.2024 по делу № А56-12211/2016 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.ru/3SFwvh (дата обращения: 03.03.2026).

[2]Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 21.01.2021 № 304-ЭС16-17267(2,3) по делу № А03-13510/2014 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.su/rFJuB (дата обращения: 31.05.2026).

управляющим в ходе производства по делу о банкротстве таким образом доходы подлежат, по нашему мнению, взысканию в пользу должника в составе упущенной выгоды, что следует из положений абз. 2 п. 2 ст. 15 ГК РФ. Данная норма имеет потенциал к применению в случаях недобросовестных действий арбитражного управляющего, связанных с осуществлением конкурирующей с должником деятельности, использованием деловых возможностей должника, получением вознаграждения от третьих лиц за совершение действий в их интересах (коммерческий подкуп) и пр.

Такой подход к взысканию упущенной выгоды, как указывает Е. М. Ключарева, соответствует зарубежной практике взыскания убытков в результате действий директоров в ситуации конфликта интересов. Отдельно автор отмечает, что в Германии в отношении сделок, заключённых директором компании за вознаграждение от третьих лиц, считается, что компания понесла убытки по крайней мере в размере такого вознаграждения, так как предполагается, что без получения директором подобного вознаграждения сделка была бы заключена на более выгодных условиях. В Великобритании, если в результате нарушения обязанности лояльности (*dutyofloyalty*), директор приобрёл какое-либо имущество или актив (в том числе сумму взятки или какой-либо договор), считается, что это имущество является собственностью компании, а директор – его доверительным собственником. Помимо этого, директор должен вернуть компании всю полученную им без разрешения прибыль[1].

Несмотря на отсутствие очевидных препятствий для применения данного способа защиты в делах о взыскании убытков с арбитражных управляющих, примеры его реализации в российской судебной практике на настоящий момент отсутствуют. Вместе с тем в ряде дел у арбитражных судов имелась, по нашему мнению, возможность обратиться к данной конструкции. Так, ВС РФ было рассмотрено дело, в рамках которого установлено незаконное бездействие лица, исполнявшего обязанности сначала временного, а затем конкурсного

[1]Ключарева Е. М. Взыскание….

управляющего, выразившееся в отказе от оспаривания недействительных сделок должника. В отношении указанного арбитражного управляющего было возбуждено уголовное дело, по итогам расследования которого установлено, что он вступил в преступный сговор с лицом, контролировавшим контрагентов должника по соответствующим сделкам, и получал от него денежное вознаграждение за умышленное бездействие. Впоследствии арбитражный управляющий был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 204 Уголовного кодекса Российской Федерации (коммерческий подкуп).

По результатам рассмотрения обособленного спора о взыскании убытков с арбитражного управляющего арбитражный суд первой инстанции, решение которого было оставлено без изменения ВС РФ, удовлетворил требования о возмещении убытков и взыскал в пользу конкурсной массы стоимость имущества должника, отчуждённого по не оспоренным арбитражным управляющим недействительным сделкам[1].

Вопрос об истребовании доходов, полученных арбитражным управляющим в виде вознаграждения за умышленное незаконное бездействие, в рамках указанного дела судами предметно не исследовался. Между тем фактические обстоятельства данного спора в полной мере соотносятся с классическими ситуациями применения рассматриваемого способа защиты и позволяют констатировать его принципиальное соответствие диспозиции абз. 2 п. 2 ст. 15 ГК РФ. Уклонение от исследования такой возможности, по-видимому, обусловлено в целом осторожным отношением правоприменителя к указанному способу защиты, что находит выражение в непоследовательности сложившейся судебной практики по данному вопросу[2].

---

[1] Определение ВС РФ от 07.04.2022 по делу № А41–54740/2014 // СудАкт. URL: https://clck.ru/3SFxKk (дата обращения: 03.03.2026).

[2] Акужинов А. С. Истребование доходов (disgorgementofprofits) директора и аффилированных с ним лиц за нарушение фидуциарных обязанностей (часть 2) // Вестник экономического правосудия РФ. 2024. № 11. С. 173–208.

В случаях, когда **по результатам производства по делу о банкротстве** достигается восстановление платёжеспособности должника и требования кредиторов удовлетворяются в полном объёме, право требования о возмещении убытков, причинённых неправомерным поведением арбитражного управляющего, сохраняется за должником как за субъектом, непосредственно понёсшим имущественные потери. Аналогичный подход подлежит применению и в ситуациях завершения процедуры посредством заключения мирового соглашения.

Отдельного внимания заслуживают ситуации, в которых размер причинённых убытков превышает совокупный объём требований кредиторов, оставшихся неудовлетворенными после прекращения производства по делу (завершения конкурсного производства, реализации имущества гражданина). В подобных случаях соответствующее превышение представляет собой убытки, относящийся непосредственно к имущественной сфере должника, которые могут приобретать форму как реального ущерба, так и упущенной выгоды. Данная модель применима в полной мере лишь к должнику-физическому лицу, поскольку признание должника-юридического лица банкротом влечет его ликвидацию. Возмещение имущественных потерь, понесённых должником в ходе производства по делу вследствие противоправного поведения арбитражного управляющего и превышающих совокупный размер неудовлетворённых по итогам процедуры требований кредиторов, образует предмет требований учредителей (участников) должника или собственника его имущества, которые в рамках предлагаемой концепции рассматриваются в качестве особой категории кредиторов.

Б) Убытки, причиненные кредиторам

С одной стороны, в рамках производства по делу о банкротстве должник продолжает оставаться собственником принадлежащего ему имущества, несмотря на установленные законом ограничения в осуществлении правомочий владения, пользования и распоряжения им. Соответственно, уменьшение имущественной массы должника либо утрата возможности её увеличения в период производства

по делу непосредственно затрагивают прежде всего субъективные права должника и образуют убытки именно на его стороне[1].

Вместе с тем нельзя отрицать, что сохранение и приращение имущества должника составляет законный интерес его кредиторов, поскольку именно за счёт этого имущества в дальнейшем осуществляется удовлетворение их материально-правовых требований. В силу обязательства, возникающего с момента утверждения арбитражного управляющего в деле о банкротстве между ним, должником и кредиторами, арбитражный управляющий обязан совершать фактические и юридические действия в отношении должника и принадлежащего ему имущества в интересах (в пользу) кредиторов. В рамках данного правоотношения кредиторы должника занимают позицию конечного выгодоприобретателя, имеющего право на удовлетворение своих материально-правовых требований в соответствии с очерёдностью, предусмотренной Законом о банкротстве.

Объём удовлетворения не является заранее гарантированным ввиду неопределённости объёма имущества должника, которое будет направлено на удовлетворение требований кредиторов, учитывая потенциальную необходимость принимать дополнительные меры по оспариванию недействительных сделок должника; истребованию имущества, принадлежащего должнику, у третьих лиц; а также передачу третьим лицам принадлежащего им имущества, находящегося во владении должника, и т. д. Нельзя не учитывать и необходимость несения текущих расходов, обеспечивающих производство по делу, оплачиваемых из имущества должника.

Однако в силу существующей между арбитражным управляющим и кредиторами обязательственной правовой связи последние наделены правом требовать от управляющего передачи имущества должника в объёме и порядке, определяемых установленной законом очерёдностью удовлетворения требований. Законный интерес кредиторов заключается в получении такого объёма

---

[1]Мурашкина Е. В. Указ. соч. С. 90.

удовлетворения, который был бы ими получен при правомерном поведении управляющего. Кредиторы, не обладая субъективными правами на имущество должника, не могут понести реальный ущерб в результате неправомерных действий арбитражного управляющего. Однако, исходя из принадлежащего им права на удовлетворение своих притязаний в установленном законом порядке, а также корреспондирующей обязанности арбитражного управляющего действовать добросовестно и разумно при проведении процедур, применяемых в деле о банкротстве, кредиторы вправе требовать возмещения имущественных потерь, выражающихся в неполученном ими удовлетворении, которое они получили бы при надлежащем исполнении управляющим своих обязанностей. Указанные потери по своей правовой природе образуют упущенную выгоду на стороне кредиторов.

В этой связи представляется необоснованной позиция Е. В. Мурашкиной, которая, допуская ответственность арбитражного управляющего перед кредиторами, признаёт невозможность причинения кредиторам реального ущерба и одновременно приходит к выводу о невозможности квалификации таких убытков в качестве упущенной выгоды[1]. Удовлетворение материально-правовых требований кредиторов путём исполнения обязательства должником в форме погашения долга безусловно образует для кредиторов имущественный доход как приращение, увеличение их имущественной массы[2], несостоявшееся увеличение имущества потерпевших. Хотя размер такого дохода зависит от совокупности факторов, включая объём конкурсной массы, место кредитора в очерёдности, момент возникновения обязательственного отношения с должником, право на его получение прямо предусмотрено законодательством о банкротстве. Соответственно, нарушение данного права, повлёкшее неполучение кредиторами причитающегося им удовлетворения, образует упущенную выгоду в смысле п. 2 ст. 15 ГК РФ. Таким образом, арбитражный управляющий несёт ответственность

[1]Мурашкина Е. В. Указ. соч. С. 154.
[2]Латынцев А. В., Латынцева О. В. Расчет убытков в коммерческой деятельности. М.: Лекс-Книга, 2002. С. 30.

перед должником в виде реального ущерба и упущенной выгоды, а перед кредиторами – в виде упущенной выгоды.

Ранее неоднократно отмечалось, что в период производства по делу о банкротстве, пока должник продолжает оставаться собственником принадлежащего ему имущества, противоправные действия (бездействие) арбитражного управляющего, повлекшие уменьшение имущественной массы либо утрату возможности её увеличения, как правило, образуют имущественные потери исключительно на стороне должника. Иное положение имеет место в тех случаях, когда производство по делу о банкротстве завершается ликвидацией должника или завершением процедуры реализации имущества гражданина вследствие полного исчерпания его имущественной массы, а требования кредиторов остаются неудовлетворёнными полностью или частично. В подобных ситуациях именно кредиторы выступают субъектами права требования о взыскании убытков с арбитражного управляющего в форме неполученных ими доходов, обусловленных его неправомерным поведением.

Размер подлежащих взысканию убытков определяется, исходя из размера убытков, причинённых должнику в период производства по делу о банкротстве и распределяемых между кредиторами пропорционально объёму их неудовлетворённых требований, которые при отсутствии правонарушения управляющего подлежали бы удовлетворению в соответствии с установленной законом очерёдностью[1]. Соответственно, размер убытков кредиторов составляет разница между потенциальной долей удовлетворения их требований и фактической.

Описанные выше положения относятся к ситуациям, при которых в период производства по делу о банкротстве арбитражный управляющий совершил действия (допустил бездействие), в результате которого имущественная масса должника была уменьшена или утратила возможность увеличения. Указанные

---

[1]Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 20.03.2024 по делу № А74-2718/2017 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.su/GsVMm (дата обращения: 31.05.2026).

имущественные последствия являются убытками должника и подлежат возмещению в пользу должника в период производства по делу, а также после завершения производства по делу, если эти имущественные потери превышают размер оставшихся неудовлетворенными требований кредиторов. Если же в результате таких действий в дальнейшем имущества должника оказалось недостаточным для удовлетворения требований его кредиторов, то в неудовлетворенной части эти имущественные потери становятся убытками кредиторов после завершения производства по делу о банкротстве.

Вместе с тем уменьшение имущественной массы должника вследствие неправомерных действий арбитражного управляющего не во всех случаях образует убытки на стороне должника. Законодательно установленный порядок удовлетворения требований кредиторов предполагает распределение денежных средств должника в соответствии с принципами очередности и пропорциональности, а в отношении текущих платежей – с соблюдением правил календарной очередности в рамках соответствующей очереди. Нарушение указанных правил является противоправным, приводит к уменьшению активов должника и может, на первый взгляд, служить основанием для привлечения арбитражного управляющего к ответственности в виде возмещения убытков должнику.

Однако специфика подобных нарушений заключается в том, что уменьшение конкурсной массы на сумму неправомерно произведённого платежа сопровождается одновременным снижением объёма обязательств должника. Иными словами, должник освобождается от соответствующей части задолженности перед кредитором, получившим удовлетворение вне установленной очередности, что исключает наличие у него самостоятельных имущественных потерь. Как следствие, необходимо признать, что имущественные потери в данном случае несут исключительно те кредиторы, которые должны были получить удовлетворение своих требований из имущества должника в соответствии с предусмотренным порядком, однако не получили его вследствие

неправомерных действий арбитражного управляющего. Данное понимание широко распространено, в том числе, в отечественной судебной практике[1].

Необходимо иметь в виду, что наличие убытков на стороне кредитора следует признавать лишь в тех случаях, когда вследствие неправомерного распределения имущества должника конкурсная масса оказывается недостаточной для удовлетворения его требований в объёме, причитающемся ему в соответствии с установленной очередностью. В иных ситуациях спорное распределение само по себе не влечёт причинения кредитору упущенной выгоды, поскольку даже при допущенном нарушении он сохраняет возможность получения причитающегося ему исполнения. Так, если размер конкурсной массы составляет 10, а единственный кредитор второй очереди должен получить 8, то направление части средств (например, 2) на удовлетворение требований кредитора третьей очереди, хотя и нарушает очередность, не исключает возможности последующего удовлетворения требований кредитора второй очереди в полном объёме. Подобный подход находит отражение и в судебной практике[2], и представляется заслуживающим поддержки. Таким образом, следует признать, что убытки кредиторов, причиненные вследствие нарушения правил удовлетворения их требований в деле о банкротстве, возникают в тех случаях, когда исполнение арбитражным управляющим обязательств должника в нарушение установленного порядка привело к невозможности получения кредитором причитающейся в соответствии с данным порядком удовлетворения его требований.

---

[1] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 08.12.2016 по делу № А07-11984/2014 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.su/Exbbl (дата обращения: 31.05.2026); Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 03.02.2024 по делу № А45-1367/2015 // Судакт. URL: https://clck.su/Kbfol (дата обращения: 31.05.2026).

[2] Определение ВС РФ от 31.10.2017 № 304-ЭС17-15459 по делу № А27-15115/2013 // Судакт. URL: https://clck.su/KjJHh (дата обращения: 31.05.2026); Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 20.07.2023 по делу № А35-10415/2015 // СПС «Гарант». URL: https://clck.su/KGoZU (дата обращения: 31.05.2026); Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 02.07.2024 № 07АП-9992/17(21) по делу № А27-8181/2016 // Судакт. URL: https://clck.su/YmxPn (дата обращения: 31.05.2026).

В связи с вышеуказанным следует отвергнуть подход, иногда воспроизводимый судебной практикой[1], в соответствии с которым действия управляющего, связанные с нарушением очередности, квалифицируется как причинение убытков должнику, поскольку он имеет существенные практические и доктринальные недостатки. Так, если на момент перехода к расчётам с кредиторами одной очереди размер конкурсной массы позволяет удовлетворить их требования пропорционально в объёме 10 % (при совокупном размере требований 200 и размере конкурсной массы 20), однако арбитражный управляющий, нарушив принцип пропорциональности, осуществляет выплаты в ином соотношении – например, кредитору А (с требованием 100) – 5 (5 %), а кредитору Б (с аналогичным требованием 100) – 15 (15 %), – кредитор А недополучает 5.

В случае взыскания указанной суммы в конкурсную массу она подлежит последующему распределению между кредиторами соответствующей очереди на общих основаниях. В результате дополнительные 5 распределяются пропорционально совокупному объёму требований (200), что соответствует 2,5 %, вследствие чего кредитор А получает лишь 2,5 (в совокупности 7,5), а кредитор Б – 2,5 (в совокупности 17,5). Тем самым первоначально нарушенное равенство распределения не восстанавливается. Напротив, взыскание убытков непосредственно в пользу пострадавшего кредитора позволяет устранить допущенное нарушение и обеспечить фактическое восстановление принципа пропорционального удовлетворения требований, что свидетельствует в пользу обоснованности дифференцированного подхода.

---

[1]Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 06.12.2024 по делу № А27-4351/2014 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.su/auHdh (дата обращения: 31.05.2026); Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 20.03.2024 по делу № А74-2718/2017 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clck.su/GsVMm (дата обращения: 31.05.2026).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование, посвящённое процессуальным особенностям рассмотрения споров о взыскании убытков с арбитражного управляющего, позволяет сделать ряд основных выводов.

1. В условиях ограниченности объяснительного потенциала основных теорий правовой природы арбитражного управления в части правовой характеристики различных направлений деятельности арбитражного управляющего в деле о банкротстве, наиболее перспективным представляется подход, исходящий из сложной структуры материального частноправового правоотношения арбитражного управления, участниками которого выступают арбитражный управляющий, должник и кредиторы.

2. В структуре данного правоотношения необходимо разграничивать внутренние и внешние отношения. Во внутренних отношениях арбитражный управляющий осуществляет руководство или контроль за деятельностью должника, обеспечивает сохранность его имущества и исполняет обязанности перед кредиторами. Во внешних отношениях арбитражный управляющий действует от имени должника как его законный представитель, вступая в правоотношения с третьими лицами.

3. Сопоставление общих признаков обязательства с внутренними материально-правовым отношением, складывающимся между арбитражным управляющим, должником и кредиторами, позволяет сделать вывод о наличии достаточных теоретических оснований для его квалификации в качестве обязательственного. В рамках данного обязательственного правоотношения арбитражный управляющий за вознаграждение принимает на себя обязанность совершать юридические и фактические действия, направленные на организацию или контроль за текущей деятельностью несостоятельного должника в интересах кредиторов, а также исполнять иные обязанности, возложенные на него перед кредиторами законодательством о банкротстве.

4. Обязательственная квалификация отношений, возникающих между арбитражным управляющим, должником и кредиторами, позволяет применять к ним общие положения об обязательствах, в том числе требования добросовестного поведения при установлении, исполнении и прекращении обязательства, а также положения главы 25 ГК РФ об ответственности за нарушение обязательств.

5. В совокупности с внешними отношениями, возникающими в связи с вступлением арбитражного управляющего во взаимодействие с третьими лицами от имени должника в качестве его законного представителя, указанное обязательственное (внутреннее) отношение образует содержание сложного материального правоотношения, складывающегося между арбитражным управляющим, должником и его кредиторами с момента утверждения арбитражного управляющего в деле о банкротстве. Как следствие, арбитражный управляющий, с одной стороны, является законным представителем должника (во внешних отношениях) и стороной обязательственного (внутреннего) отношения, в рамках которого он совершает фактические и юридические действия, направленные на осуществление руководства (контроля за) текущей деятельностью должника и исполнение возложенных на него обязанностей перед кредиторами.

6. Обоснованы преимущества обязательственной квалификации такой ответственности. В частности, она позволяет признать за кредиторами право на возмещение убытков, выражающихся в уменьшении доли удовлетворения их требований вследствие сокращения конкурсной массы по вине арбитражного управляющего, поскольку обязательственный подход связывает возникновение ответственности с фактом нарушения обязанности, повлекшего убытки, независимо от характера нарушенного права.

Кроме того, возможность применения норм гражданского законодательства об общих положениях об обязательствах, в частности, п. 3 ст. 307.1 ГК РФ, позволяет обосновать возможность привлечения арбитражного управляющего к гражданско-правовой ответственности за недобросовестное поведение,

причинившее убытки должнику или кредиторам, в том числе после его освобождения или отстранения от исполнения обязанностей в деле о банкротстве.

Наконец, обязательственная квалификация открывает возможность применения к ответственности арбитражного управляющего не только специальных институтов финансового обеспечения ответственности арбитражного управляющего, предусмотренных законодательством о банкротстве, но и общегражданских способов обеспечения исполнения обязательств.

7. Гражданско-правовую ответственность арбитражного управляющего, установленную абз. 1 п. 4 ст. 20.4 Закона о банкротстве следует квалифицировать в качестве частного случая гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательства. В отличие от деликтной ответственности, гражданско-правовая ответственность арбитражного управляющего наступает вследствие неисполнения (ненадлежащего исполнения) им обязанностей, возложенных на управляющего в рамках уже существующего правоотношения.

8. Круг лиц, перед которыми арбитражный управляющий несет ответственность, должен определяться составом участников обязательственного отношения «должник – арбитражный управляющий – кредиторы». К числу кредиторов в этом контексте следует относить всех лиц, обладающих имущественными притязаниями к должнику, удовлетворение которых осуществляется по специальным правилам Закона о банкротстве.

9. Указание в абз. 1 п. 4 ст. 20.4 Закона о банкротстве на «иных лиц» представляется избыточным, поскольку третьи лица, вступающие во внешние отношения с управляющим, должны защищать свои права прежде всего посредством предъявления соответствующих требований к должнику, от имени которого действует управляющий как законный представитель.

10. Дела о взыскании убытков с арбитражного управляющего представляют собой разновидность дел о привлечении к ответственности за нарушение обязательства. Надлежащими сторонами в нём являются исключительно участники внедоговорного обязательственного отношения, в содержание которого входят обязанности арбитражного управляющего, установленные

Законом о банкротстве, а их нарушение составляет основание соответствующего иска.

11. Требования о взыскании убытков с арбитражного управляющего подлежат рассмотрению в различных процессуальных порядках в зависимости от наличия действующего производства по делу о банкротстве. Если такое требование заявлено в период рассмотрения дела о банкротстве, оно приобретает характер обособленного спора и рассматривается с применением специальных процессуальных правил, установленных Законом о банкротстве. После прекращения производства по делу о банкротстве (завершения конкурсного производства, реализации имущества гражданина) указанное требование утрачивает признаки обособленного спора и подлежит рассмотрению по общим правилам искового производства в арбитражном процессе.

12. Специальные процессуальные правила рассмотрения требований о взыскании убытков с арбитражного управляющего в рамках дела о банкротстве обусловлены не столько материально-правовой природой самого требования, сколько его юридической связью с процедурой банкротства. Такая связь выражается в том, что результат разрешения спора способен повлиять на ход дела о банкротстве, состав имущественной массы должника и объём удовлетворения требований кредиторов. Именно этим объясняются специальные правила подсудности, сроков рассмотрения, извещения участников, формы судебного акта и порядка его обжалования.

13. Собственно материально-правовая природа дел о взыскании убытков с арбитражного управляющего обусловливает формирование процессуальных особенностей их рассмотрения, проявляющихся в конкретизации общих процессуальных норм о круге лиц, участвующих в деле, применяемых процессуальных средствах защиты, порядке участия в производстве широкого круга заинтересованных субъектов, а также об обстоятельствах, входящих в предмет доказывания. Указанные особенности имеют самостоятельное значение и сохраняются независимо от того, рассматривается ли соответствующее требование в рамках дела о банкротстве в качестве обособленного спора либо

после прекращения производства по делу о банкротстве (завершения конкурсного производства, реализации имущества гражданина) в общем исковом порядке.

14. Принадлежность права требования о взыскании убытков с арбитражного управляющего зависит от характера имущественных потерь и стадии производства по делу о банкротстве. В период производства по делу о банкротстве непосредственным потерпевшим при уменьшении имущественной массы должника является сам должник, тогда как после прекращения производства кредиторы могут приобретать самостоятельное требование к управляющему в связи с неполученным удовлетворением.

15. Кредиторы не являются непосредственными субъектами права требования о возмещении убытков, причинённых должнику, поскольку соответствующее охранительное правоотношение возникает между должником как потерпевшим и арбитражным управляющим как обязанным лицом. Вместе с тем кредиторы обладают производной имущественной заинтересованностью в восстановлении имущественной сферы должника, поскольку от её объёма зависит степень удовлетворения их требований.

16. Предъявление кредиторами требования о взыскании убытков с арбитражного управляющего в пользу должника в период производства по делу о банкротстве подлежит квалификации в качестве косвенного иска. Такое требование направлено на защиту имущественных прав должника как непосредственного потерпевшего, тогда как интерес кредиторов удовлетворяется опосредованно – через увеличение имущественной массы должника.

17. Допустимость косвенного иска кредиторов к арбитражному управляющему дополнительно обосновывается наличием дефекта в механизме формирования воли должника. Такой дефект возникает в случаях, когда именно арбитражный управляющий, осуществляющий управление имущественной сферой должника, причинил ему убытки, вследствие чего самостоятельная и эффективная защита прав должника оказывается затруднённой.

18. Косвенные иски кредиторов о взыскании убытков с арбитражного управляющего, заявленные в период производства по делу о банкротстве, должны

рассматриваться с учётом как правил рассмотрения обособленных споров, так и общих положений о производстве по косвенным искам. Это предполагает специальное регулирование подсудности, сроков рассмотрения, порядка оповещения заинтересованных лиц, их вступления в процесс и согласования распорядительных процессуальных действий.

19. Квалификация исков кредиторов о взыскании убытков с арбитражного управляющего в пользу должника в качестве групповых косвенных исков является теоретически спорной. Косвенный иск направлен на защиту права должника как непосредственного потерпевшего, тогда как групповой иск по смыслу статьи 225.10 АПК РФ предназначен для защиты прав и законных интересов самих членов группы. Поэтому объединение моделей косвенного и группового иска в рамках единого процессуального средства защиты не соответствует природе указанных институтов.

20. Модель группового иска может применяться к требованиям о взыскании убытков, причинённых непосредственно кредиторам арбитражным управляющим, поскольку в таких случаях материально-правовое притязание принадлежит самим кредиторам. Групповое производство допустимо, в частности, при нарушении управляющим порядка удовлетворения требований кредиторов либо после прекращения дела о банкротстве (завершения конкурсного производства, реализации имущества гражданина) при взыскании убытков в виде неполученного удовлетворения. В указанных случаях групповой иск является факультативным способом защиты, не исключающим права кредитора или должника предъявить личное требование. Групповое производство может быть инициировано и по иску должника–физического лица в тех случаях, когда предметом иска является требование о возмещении имущественных потерь, причиненных должнику арбитражным управляющим в период производства по делу о банкротстве, превышающие совокупный размер оставшихся без удовлетворения требований кредиторов после завершения процедуры реализации имущества.

21. Обязанности арбитражного управляющего не могут быть исчерпывающим образом закреплены в виде закрытого перечня формально определённых правил. Это обусловлено сложностью его профессиональной деятельности, осуществляемой в условиях экономической и правовой неопределённости, необходимости оценки рисков, прогнозирования последствий принимаемых решений и выбора оптимальной модели поведения из нескольких правомерных альтернатив. Поэтому противоправность поведения управляющего должна устанавливаться с учётом оценочных стандартов добросовестности и разумности, конкретизируемых судом применительно к обстоятельствам конкретного дела.

22. Обязанность арбитражного управляющего действовать добросовестно имеет специальное содержание, обусловленное природой отношений несостоятельности, и не сводится к общегражданскому требованию учитывать права и законные интересы иных участников оборота. По своему содержанию она близка к корпоративно-правовой обязанности добросовестного поведения, однако применительно к отношениям несостоятельности банкротстве её приоритетным ориентиром деятельности арбитражного управляющего выступает не интерес должника как субъекта управления, а интерес сообщества кредиторов как основных выгодоприобретателей процедуры банкротства.

23. Обязанность добросовестного поведения арбитражного управляющего предполагает запрет использования предоставленных ему полномочий в собственных интересах, в интересах отдельных кредиторов, должника либо третьих лиц в ущерб интересам сообщества кредиторов. В связи с этим управляющий обязан избегать конфликта интересов, сохранять независимость и беспристрастность, а одобрение его действий собранием или комитетом кредиторов само по себе не освобождает его от гражданско-правовой ответственности при причинении убытков.

24. Раскрыто содержание отдельных проявлений обязанности арбитражного управляющего действовать добросовестно: запрета совершать действия в условиях конфликта интересов, запрета конкурировать с должником, запрета

присваивать деловые возможности, относящиеся к имущественной массе должника, а также обязанности сохранять конфиденциальность сведений, ставших известными управляющему при исполнении его обязанностей. Нарушение указанных обязанностей при наличии причинной связи с неблагоприятными имущественными последствиями образует противоправное поведение, способное повлечь взыскание убытков с арбитражного управляющего.

25. Публично-правовое значение деятельности арбитражного управляющего, выражающееся в судебном контроле за ее осуществлением и повышенных требованиях к независимости и незаинтересованности управляющего, исключает допустимость совершения им действий в условиях конфликта интересов, в том числе при наличии одобрения со стороны собрания или комитета кредиторов.

26. Обязанность арбитражного управляющего действовать разумно арбитражного управляющего должен определяться преимущественно как объективный профессиональный стандарт. Поведение управляющего подлежит сопоставлению не с индивидуальными возможностями конкретного лица и не с идеальной моделью поведения, а с поведением обычного компетентного арбитражного управляющего, действующего в сходных обстоятельствах. Такой стандарт может быть повышен в случаях, когда к его кандидатуре при утверждении в деле о банкротстве предъявлялись дополнительные требования к образованию, опыту и квалификации, а также с учетом требований к компетентности, установленных саморегулируемой организацией арбитражных управляющих, членом которой он является, в качестве условий членства.

27. Факты противоправного поведения и вины арбитражного управляющего не подлежат самостоятельному разграничению в предмете доказывания по делам о взыскании убытков. При объективном понимании вины оба указанных элемента сводятся к оценке поведения управляющего на соответствие установленному правопорядком стандарту добросовестного и разумного поведения. В связи с этим предмет доказывания по данной категории дел должен включать три основных материально-правовых факта: противоправное поведение арбитражного

управляющего, наличие убытков и причинную связь между поведением управляющего и наступившими имущественными последствиями.

28. Причинная связь между неправомерным поведением арбитражного управляющего и наступившими у потерпевшего убытками презюмируется, если заявленные убытки являются обычным и типичным последствием соответствующего нарушения, однако такая презумпция носит опровержимый характер. В случаях вмешательства третьих лиц поведение арбитражного управляющего сохраняет значение юридически значимой причины убытков, если оно создало или существенно повысило риск наступления вреда соответствующего рода, а последующие действия третьих лиц выступили реализацией именно этого риска.

29. Особую сложность представляют дела, в которых убытки в утрате возможности увеличения конкурсной массы вследствие непринятия управляющим мер по оспариванию сделок, взысканию задолженности, истребованию имущества или привлечению контролирующих лиц к субсидиарной ответственности. В таких случаях установление причинной связи приобретает вероятностный характер, поскольку благоприятный имущественный результат зависел бы от гипотетического исхода утраченного судебного процесса и последующего исполнения судебного акта.

30. Обосновывается необходимость развития в российском праве модели установления причинной связи между неправомерным поведением арбитражного управляющего и убытками, возникшими вследствие утраты возможности увеличения имущественной массы должника с учетом специальных правил распределения бремени доказывания. Истец должен доказать утрату возможности предъявления соответствующего требования вследствие поведения управляющего и наличие разумных перспектив его удовлетворения, тогда как на арбитражного управляющего должно возлагаться бремя доказывания обстоятельств, исключающих удовлетворение утраченного требования или реальное исполнение судебного акта.

31. Доказывается необходимость разграничения убытков, причиняемых должнику, и убытков, причиняемых кредиторам. Уменьшение имущественной массы должника или утрата возможности ее увеличения в период производства по делу о банкротстве образуют убытки должника, поскольку именно он сохраняет имущественные права на принадлежащие ему активы.

32. К первой группе отнесены убытки должника, выражающиеся в уменьшении либо утрате возможности увеличения его имущественной массы. До прекращения производства по делу о банкротстве (завершения конкурсного производства, реализации имущества гражданина) такие потери подлежат квалификации как убытки должника, поскольку именно он сохраняет право на соответствующее имущество. После прекращения производства по делу о банкротстве (завершения конкурсного производства, реализации имущества гражданина) право на взыскание таких убытков сохраняется за должником, если его платежеспособность была восстановлена либо утверждено мировое соглашение. Применительно к должнику-гражданину такое право также сохраняется в части имущественных потерь, превышающей совокупный размер неудовлетворенных требований кредиторов.

33. Ко второй группе отнесены убытки кредиторов. Они могут выражаться: во-первых, в неполученном объёме удовлетворения их требований после прекращения производства по делу о банкротстве (завершения конкурсного производства, реализации имущества гражданина), если такая неудовлетворённость обусловлена неправомерным уменьшением либо утратой возможности увеличения имущественной массы должника; во-вторых, в имущественных потерях, непосредственно вызванных нарушением арбитражным управляющим порядка удовлетворения требований кредиторов. В последнем случае убытки возникают не у должника, поскольку уменьшение его имущества сопровождается соответствующим снижением долговой нагрузки, а у тех кредиторов, которые были лишены причитающегося им удовлетворения; такие требования могут быть заявлены ими как в ходе дела о банкротстве, так и после его прекращения (завершения конкурсного производства, реализации имущества

гражданина) в пределах срока исковой давности..

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

Нормативные правовые акты

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.11.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

5. Закон РФ от 19.11.1992 № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993. – № 1. – Ст. 6.

6. Постановление Правительства РФ от 06.02.2004 № 56 «Об Общих правилах подготовки, организации и проведения арбитражным управляющим собраний кредиторов и заседаний комитетов кредиторов» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://clck.su/qANAN (дата обращения: 31.05.2026).

7. Постановление Правительства РФ от 25.06.2003 № 367 «Об утверждении Правил проведения арбитражным управляющим финансового анализа» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://clck.su/uMTIe (дата обращения: 10.05.2025)

8. Приказ Минэкономразвития России от 31.05.2024 № 343 «Об утверждении Федерального стандарта профессиональной деятельности арбитражных управляющих «Правила подготовки отчетов финансового

управляющего» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://clck.su/RZJUe (дата обращения: 10.05.2025)

9. Указ Президента РФ от 22.12.1993 № 2264 «О мерах по реализации законодательных актов о несостоятельности (банкротстве) предприятий» // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. – 1993. – № 52. – Ст. 2264.

10. Устав судопроизводства торгового / сост. А. М. Нюренберг. Москва: Издательство юридического книжного магазина «Правоведение» И. К. Голубева, – 1913. – С. 265, 277. – 480 с.

11. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 17.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.

12. Федеральный закон от 08.01.1998 г. № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 2. – Ст. 222.

13. Федеральный закон от 30.12.2008 № 296-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 1. – Ст. 4.

14. Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 19. – Ст. 2327.

Нормативные правовые акты зарубежных государств

15. Insolvenzordnung // Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz. – URL: https://clck.ru/3ViPmY (датаобращения: 01.04.2024).

16. The United States Bankruptcy Code (title 11, United States Code) // Cornell Law School. – URL: https://clck.ru/3ViPzM (accessed: 08.12.2023).

17. Закон Великобритании о несостоятельности 1986 г. (Insolvency Act 1986) // Legislation.gov.uk. – URL: https://clck.su/JYOGJ (дата обращения: 31.05.2026).

18. Civil Procedure Rules 1998. Part 35: Experts and Assessors // Legislation.gov.uk. – URL: https://clck.su/JQaHo (датаобращения: 10.05.2026).

19. Zivilprozessordnung vom 30. Januar 1877 (Reichsgesetzblatt S. 83) // Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz. – URL: https://clck.ru/3ViPTB (датаобращения: 10.05.2026).

20. Закон Великобритании о компаниях (Companies Act) от 8 ноября 2006 г. // Legislation.gov.ru. – URL: https://707.su/SXsW (дата обращения: 31.05.2026).

Диссертации на соискание учёных степеней и авторефераты

21. Бакланова, И.П. Особое производство в арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И.П. Бакланова. – Екатеринбург, 1999. – 17 с.

22. Баулин, О.В. Специальные нормы в гражданском процессуальном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О.В. Баулин. – М., 1995. – 15 с.

23. Бруско, Б.С. Защита прав и законных интересов кредиторов в конкурсном праве: дис. ... канд. юрид. наук / Б.С. Бруско. – Иркутск, 2004. – 204 с.

24. Булыгин, М.М. Доверительное управление имуществом в российском и зарубежном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М.М. Булыгин. – М., 2004. – 23 с.

25. Бурцева, Л.А. Гражданско-правовые проблемы применения косвенного иска как способа защиты хозяйственных товариществ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Л.А. Бурцева. – М., 2011. – 21 с.

26. Васильева, Т.А. Косвенный иск в цивилистическом процессе: сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук / Т.А. Васильева. – Красноярск, 2019. – 275 с.

27. Вялых, Е.И. Процессуальные особенности рассмотрения корпоративных споров в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук / Е.И. Вялых. – Воронеж, 2018. – 249 с.

28. Глазунов, А.Ю. Защита имущественных прав и интересов участников хозяйственных обществ на примере отдельных институтов гражданского права: дис. ... канд. юрид. наук / А.Ю. Глазунов. – М., 2021. – 253 с.

29. Гутников, О.В. Гражданско-правовая ответственность в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами: дис. ... д-ра юрид. наук / О.В. Гутников. – М., 2018. – 598 с.

30. Дегтярев, С.Л. Доказывание убытков в арбитражном процессе: дис. ... канд. юрид. наук / С.Л. Дегтярев. – Екатеринбург, 2000. – 195 с.

31. Домшенко, В.Г. Защита ответчика против группового иска: дис. ... канд. юрид. наук / В.Г. Домшенко. – Екатеринбург, 2023. – 273 с.

32. Дорохина, Е.Г. Правовой статус арбитражного управляющего в деле о банкротстве организации: дис. ... канд. юрид. наук / Е.Г. Дорохина. – М., 2004. – 192 с.

33. Дубинчин, А.А. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства) юридического лица: дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Дубинчин. – Екатеринбург, 1999. – 215 с.

34. Жаботинский, М.В. Арбитражный управляющий как субъект гражданских правоотношений при банкротстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М.В. Жаботинский. – Краснодар, 2004. – 22 с.

35. Калинина, Е.В. Правовое положение арбитражного управляющего: дис. ... канд. юрид. наук / Е.В. Калинина. – Волгоград, 2005. – 202 с.

36. Каратаев, И.А. Процессуальная экономия в гражданском процессе: дис. ... канд. юрид. наук / И.А. Каратаев. – Саратов, 2023. – 243 с.

37. Ключарева, Е.М. Обязанности и ответственность членов органов управления юридических лиц в праве России, Германии, Великобритании и

штата Делавэр (США): дис. ... канд. юрид. наук / Е.М. Ключарева. – М., 2023. – С. 48–94.

38. Кулаков, В.В. Сложные обязательства в гражданском праве: дис. ... д-ра юрид. наук / В.В. Кулаков. – М., 2011. – 382 с.

39. Лилуашвили, Т.А. Предмет доказывания и распределение бремени доказывания между сторонами в советском гражданском процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Т.А. Лилуашвили. – М., 1961. – 20 с.

40. Лухманов, М.И. Модель деликтной ответственности в ситуациях альтернативной причинной неопределенности: дис. ... канд. юрид. наук / М.И. Лухманов. – Москва, 2022. – 222 с.

41. Маркелова, А.А. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный государственными, муниципальными органами и их должностными лицами: дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Маркелова. – М., 2022. – 236 с.

42. Михайлов, В.С. Причинно-следственная связь как условие деликтной ответственности: дис. ... канд. юрид. наук / В.С. Михайлов. – М., 2021. – 239 с.

43. Мурашкина, Е.В. Гражданско-правовая ответственность арбитражного управляющего: дис. ... канд. юрид. наук / Е.В. Мурашкина. – М., 2008. – 186 с.

44. Нахова, Е.М. Концепция предмета доказывания в гражданском процессе: дис. ... д-ра юрид. наук / Е.М. Нахова. – М., 2024. – 602 с.

45. Павлов, А.А. Договор управления чужими делами по российскому гражданскому праву: дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Павлов. – Казань, 2020. – 220 с.

46. Подольский, Ю.Д. Обособленные споры в делах о несостоятельности (банкротстве): дис. ... канд. юрид. наук / Ю.Д. Подольский. – Екатеринбург, 2018. – 213 с.

47. Потапенко, Е.Г. Специализация и унификация цивилистического процессуального права: дис. ... д-ра юрид. наук / Е.Г. Потапенко. – Саратов, 2023. – 576 с.

48. Рясенцев, В.А. Представительство в советском гражданском праве: дис. ... д-ра юрид. наук / В.А. Рясенцев. – М., 1948. – 602 с.

49. Сердитова, Е.Н. Конкурсное производство как форма реализации решений арбитражного суда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е.Н. Сердитова. – Екатеринбург, 2002. – 21 с.

50. Сильченко, В.Ю. Особенности рассмотрения дел о привлечении к субсидиарной ответственности с связи с невозможностью полного погашения требований кредиторов: дис. ... канд. юрид. наук / В.Ю. Сильченко. – Екатеринбург, 2024. – 243 с.

51. Синякина, А.М. Процессуальные особенности дел о несостоятельности (банкротстве): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.М. Синякина. – М., 2004. – 25 с.

52. Смаков, В.М. Возмещение убытков по моделям защиты позитивного и негативного интереса: дис. ... канд. юрид. наук / В.М. Смаков. – М., 2024. – 243 с.

53. Столповских, Н.О. Стандарт доказывания в делах о несостоятельности (банкротстве) и делах искового производства с участием должника: дис. ... канд. юрид. наук / Н.О. Столповских. – Воронеж, 2026. – 194 с.

54. Суворов, Е.Д. Проблемы реализации принципа равенства кредиторов несостоятельного должник: дис. ... д-ра юрид. наук / Е.Д. Суворов. – М., 2022. – 655 с.

55. Суходольский, И.М. Правовые формы и правовые средства участия государства в процессе несостоятельности (банкротства): дис. ... канд. юрид. наук / И.М. Суходольский. – М., 2022. – 283 с.

56. Тай, Ю.В. Правовые проблемы арбитражного управления: дис. ... канд. юрид. наук / Ю.В. Тай. – М., 2005. – 263 с.

57. Шишмарева, Т.П. Правовые средства обеспечения эффективности процедур несостоятельности в России и Германии: дис. ... д-ра юрид. наук / Т.П. Шишмарева. – М., 2021. – 546 с.

58. Юхнин, А.В. Правовые проблемы организации деятельности арбитражных управляющих: дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Юхнин. – М., 2005. – 184 с.

59. Яцева, Е.В. Правовое регулирование сделок несостоятельного должника, находящегося в процессе банкротства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е.В. Яцева. – М., 2003. – 25 с.

Монографии, учебные пособия, иные непериодические издания

60. Altmeyer, N. Insolvenzverwalterhaftung in Deutschland und den USA / N. Altmeyer. – Baden-Baden: Nomos, 2021. – 356 s.

61. Becker, U. Insolvenzverwalterhaftung bei Unternehmensfortführun / U. Becker. – Tübingen: Mohr Siebeck, 2016. – 311 s.

62. Bönner, M. Unternehmerisches Ermessen und Haftung des Insolvenzverwalters im Vergleich mit anderen gesetzlich geregelten Vermögens-Verwaltern / M. Bönner. – Schüling, K., 2009. – S. 20.

63. Brinkmann, M. Die Bedeutung der §§ 92, 93 InsO für den Umfang der Insolvenz- und Sanierungsmasse / M. Brinkmann. – Köln ; Berlin ; Bonn ; München: Carl Heymanns Verlag, 2001. – 274 S.

64. Davies, P.L. Gower and Davies' Principles of Modern Company Law / P.L. Davies, S. Worthington, E. Micheler. – 11th ed. – London: Sweet & Maxwell, 2021. – 2134 p.

65. Hoppe, N. Rechtsgeschäfte der Gläubigerversammlung und des Gläubigerausschusses / N. Hoppe. – Berlin: Duncker & Humblot, 2018. – 159 s.

66. Jackson & Powell on Professional Liability / ed. by M. Cannon, H. Evans, R. Stewart, K.L. Marshall, R. Jackson, J. Powell. – 9th ed. – London: Sweet & Maxwell, 2021. – 3000 p.

67. Jaeger, E. Konkursordnung mit Einführungsgesetzen: Kommentar. Bd. 2, Halbbd. 1: §§ 71–206 KO / begr. von E. Jaeger; fortgef. von F. Lent, F. Weber; bearb. von F. Weber. – 8. Aufl. – Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1973. – 666 S.

68. Kirshey, J. Die Haftung des Insolvenzverwalters (KTS 57) / J. Kirshey. – Cologne: Carl Heymanns Verlag, 2018. – 270 s.

69. Koziol, H. Basic Questions of Tort Law from a Germanic Perspective / H. Koziol. – Wien: Jan Sramek Verlag KG, 2012. – 380 p.

70. Lüke, W. Persönliche Haftung des Verwalters in der Insolvenz / W. Lüke. – Köln: RWS Verlag, 2015. – 184 s.

71. Oldiges, T. Die Haftung des Insolvenzverwalters unter der Business Judgment Rule / T. Oldiges. – Baden-Baden: Nomos, 2011. – 182 s.

72. Rechel, H.-P. Die Aufsicht des Insolvenzgerichts über den Insolvenzverwalter / H.-P. Rechel. – Berlin: De Gruyter Recht, 2009. – 560 s.

73. Schmidt, K. Insolvenzordnung: InsO mit EuInsVO / K. Schmidt. – 20. Aufl. – München: C.H. Beck, 2023. – 2900 s.

74. Аболонин, Г.О. Групповые иски / Г.О. Аболонин. – М.: Норма, 2001. – 245 с.

75. Аболонин, Г.О. Массовые иски / Г.О. Аболонин. – М.: Волтерс Клувер, 2011. – 398 с.

76. Абрамов, С.Н. Судебное решение / С.Н. Абрамов. – М.: Юриздат, 1940. – 32 с.

77. Агарков, М.М. Избранные труды по гражданскому праву. В 2-х т. Т. I / М.М. Агарков. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2002. – 489 с.

78. Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства / под ред. В.В. Яркова. – М.: Статут, 2021. – 458 с.

79. Алексеев, С.С. Право. Азбука. Теория. Философия: Опыт комплексного исследования / С.С. Алексеев. – М.: Статут, 1999. – 709 с.

80. Арбитражный процесс: учебник / под ред. В.В. Яркова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 875 с.

81. Бабаев, А.Б. Очерк 22. Проблемы гражданско-правовой ответственности / А.Б. Бабаев // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В.А. Белова. – М., 2008.

82. Банкротство хозяйствующих субъектов: учебник для бакалавров / отв. ред. И.В. Ершова, Е.Е. Енькова. – М.: Проспект, 2016. – 336 с.

83. Баринов, Н.А. Избранные труды / Н.А. Баринов. – М.: Норма, 2012. – 608 с.

84. Баулин, О.В. Очерк 8. Судебные процедуры в цивилистическом процессе: законодательное регулирование и правоприменительная практика / О.В. Баулин // Российские процессуалисты о праве, законе и судебной практике: к 20-летию Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: монография / отв. ред. В.В. Молчанов. – М.: Статут, 2023. – С. 129–139.

85. Белов, В.А. Гражданское право. В 4 т. Т. IV. Особенная часть. Относительные гражданско-правовые формы. В 2 кн. Книга 1. Обязательства: учебник для вузов / В.А. Белов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2016. – 443 с.

86. Белов, В.А. Гражданское право: в 4 т. Т. III. Особенная часть. Абсолютные гражданско-правовые формы. В 2 кн. Кн. 1. Формы отношений принадлежности вещей: учебник для академического бакалавриата и магистратуры / В.А. Белов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2015. – 319 с.

87. Белых, В.С. Правовые основы банкротства юридических лиц: учебное пособие / В.С. Белых. – Екатеринбург: Издательство УрГЮА, 1996. – 85 с.

88. Беневоленская, З.Э. Доверительное управление имуществом в сфере предпринимательства: монография / З.Э. Беневоленская. – М.: Проспект, 2017. – 303 с.

89. Брагинский, М.И. Договорное право. Кн. 1: Общие положения / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. – 4-е изд., стереотип. – М.: Статут, 2001. – 847 с.

90. Брагинский, М.И. Договорное право. Кн. 3: Договоры о выполнении работ и оказании услуг / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. – М.: Статут, 2002. – 1055 с.

91. Ванеева, Л.А. Проблемы теории судебных доказательств / Л.А. Ванеева // Актуальные проблемы теории и практики гражданского процесса. – Ленинград: Издательство ЛГУ, 1979. – С. 125–136.

92. Васьковский, Е.В. Учебник гражданского процесса / Е.В. Васьковский; под ред. и с предисловием В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2003. – 441 с.

93. Гамбаров, Ю.С. Курс лекций по гражданскому процессу / Ю.С. Гамбаров. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1894–1895. – 778 с.

94. Гойхбарг, А.Г. Хозяйственное право РСФСР / А.Г. Гойхбарг. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Государственное издательство, 1924. – 267 с.

95. Гражданский процесс: учебник для вузов / под ред. В.В. Яркова. – 10-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2017. – 702 с.

96. Гражданское и торговое право капиталистических стран / под ред. В.П. Мозолина, М.И. Кулагина. – М.: Высшая школа, 1980. – 382 с.

97. Гражданское право. Общая часть: учебник / под ред. Е.С. Болтановой. – М.: ИНФРА-М, 2023. – 515 с.

98. Гражданское право: учебник в 3 т. Т. 1 / под ред. А.П. Сергеева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2020. – 1040 с.

99. Гражданское право: учебник в 4 т. Т. I: Общая часть / отв. ред. Е.А. Суханов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2023. – 622 с.

100. Гражданское право: учебник в 4 т. Т. III: Общие положения об обязательствах и договорах. Договорные обязательства по передаче вещей в собственность или в пользование / отв. ред. Е.А. Суханов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2023. – 524 с.

101. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. IV: Отдельные виды обязательств / отв. ред. Е.А. Суханов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2023. – 606 с.

102. Грибанов, В.П. Осуществление и защита гражданских прав / В.П. Грибанов. – 2-е изд., стереотип. – М.: Статут, 2001. – 410 с.

103. Громов, А.А. Обязательственное и договорное право: курс лекций / А.А. Громов, Н.В. Тололаева. – М.: Статут, 2025. – 362 с.

104. Гурвич, М.А. Избранные труды. Т. 1 / М.А. Гурвич. – Краснодар: Советская Кубань, 2006. – 668 с.

105. Дегтярев, С.Л. Возмещение убытков в гражданском и арбитражном процессе: учебно-практическое пособие / С.Л. Дегтярев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2003. – 200 с.

106. Дернбург, Г. Пандекты. Т. 2: Обязательственное право. Вып. 3 / Г. Дернбург; перевод под рук. и ред. П. Соколовского; пересм. и согл. с 7 изд. подлинника А.Э. Вормсом, И.И. Вульфертом. – М., 1911. – 396 с.

107. Добровольский, А.А. Основные проблемы исковой формы защиты / А.А. Добровольский, С.А. Иванова. – М.: Издательство МГУ, 1979. – 159 с.

108. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. – М.: Статут, 2017. – 453 с.

109. Дорохина, Е.Г. Арбитражное управление в системе банкротства / Е.Г. Дорохина. – М.: Новый индекс, 2008. – 206 с.

110. Егоров, А.В. Дело «Конкурсный управляющий ООО «Удмуртский промышленно-строительный банк» против ООО «Можгинский Мясокомбинат» о возбуждении дела о банкротстве» (комментарий к постановлению от 16.10.2007 г. № 8141/07) / А.В. Егоров // Правовые позиции Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: избранные постановления за 2007 год с комментариями / под ред. А.А. Иванова. – М.: Статут, 2012. – С. 134–147.

111. Егоров, А.В. Очерк 6. Торговая несостоятельность / А.В. Егоров // Торговое (коммерческое) право: актуальные проблемы теории и практики / под ред. В.А. Белова. – М.: Юрайт, 2019. – С. 220–301.

112. Егоров, А.В. Представительство: исследование судебной практики / А.В. Егоров, Е.А. Папченкова, А.М. Ширвиндт. – М.: Статут, 2016. – 381 с.

113. Елисеев, Н.Г. Гражданское процессуальное право зарубежных стран: учебник / Н.Г. Елисеев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2004. – 602 с.

114. Ерохова, М.А. Групповые и коллективные иски в корпоративных спорах: подход российской юрисдикции / М.А. Ерохова // Групповые иски:

сложности и перспективы: коллективная монография / под ред. В.Г. Домшенко. – М.: Статут, 2025. – С. 210–233.

115. Зейдер, Н.Б. Судебное решение по гражданскому делу / Н.Б. Зейдер. – М.: Юридическая литература, 1966. – 190 с.

116. Иоффе, О.С. Обязательственное право / О.С. Иоффе. – М.: Юридическая литература, 1975. – 880 с.

117. Исаченко, В.Л. Русское гражданское судопроизводство: Практическое руководство для студентов и начинающих юристов. Т. II: Судопроизводство охранительное и конкурсное / В.Л. Исаченко. – 3-е изд., доп. – СПб.: Типография М. Меркушева, 1907. – 599 с.

118. Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. – М.: М-Логос, 2022. – 1126 с.

119. Карелина, С.А. Механизм правового регулирования отношений несостоятельности / С.А. Карелина. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – 551 с.

120. Карелина, С.А. Кредиторы в отношениях несостоятельности (банкротства): особенности правового статуса и система классификации / С.А. Карелина, И.В. Фролов // Правовое воздействие на экономику: методы, результаты, перспективы: монография / отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. – М.: Юстицинформ, 2018. – С. 218–228.

121. Клейнман, А.Ф. Основные институты советского гражданского процесса и принципы диспозитивности и состязательности / А.Ф. Клейнман. – М.: Городец, 2025. – 320 с.

122. Клейнман, А.Ф. Советский гражданский процесс / А.Ф. Клейнман. – М.: Издательство Московского университета, 1954. – 408 с.

123. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (часть вторая) / под ред. О.М. Козырь, А.Л. Маковского, С.А. Хохлова. – М.: МЦФЭР, 1996. – 700 с.

124. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части первой (постатейный) / отв. ред. О.Н. Садиков. – 3-е изд., испр., доп. и перераб. с использованием судебно-арбитражной практики. – М.: ИНФРА-М, 2008. – 1061 с.

125. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу РСФСР / под ред. Г.А. Жилина. – М.: Проспект, 2002. – 749 с.

126. Комментарий части второй Гражданского кодекса Российской Федерации для предпринимателей / под общ. ред. В.Д. Карповича. – М.: Фирма «Гардарика», 1996. – 652 с.

127. Конкурсное производство: учебно-практический курс / под ред. В.В. Яркова. – СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2006. – 565 с.

128. Кузнецов, С.А. Основные проблемы правового института несостоятельности (банкротства): монография / С.А. Кузнецов. – М.: Инфотропик, 2015. – 304 с.

129. Кулагин, М.И. Избранные труды / М.И. Кулагин. – М.: Статут, 1997. – 329 с.

130. Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс. Административное судопроизводство / под ред. М.А. Фокиной. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2019. – 654 с.

131. Курылев, С.В. Основы теории доказывания в советском правосудии / С.В. Курылев. – Минск: Издательство БГУ, 1969. – 203 с.

132. Курылев, С.В. Установление истины в советском правосудии / С.В. Курылев // Избранные труды. – Минск: Редакция журнала «Промышленно-торговое право», 2012. – С. 475–502.

133. Латынцев, А.В. Расчет убытков в коммерческой деятельности / А.В. Латынцев, О.В. Латынцева. – М.: Лекс-Книга, 2002. – 237 с.

134. Малешин, Д.Я. Гражданская процессуальная система России / Д.Я. Малешин. – М.: Статут, 2011. – 494 с.

135. Малкина, В.И. Конфликт интересов в юридических лицах: монография / В.И. Малкина. – М.: Юстицинформ, 2022. – 195 с.

136. Малышев, К.И. Исторический очерк конкурсного процесса / К.И. Малышев. – СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1871. – 456 с.

137. Малышев, К.И. Курс гражданского судопроизводства. Т. 1 / К.И. Малышев. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1876. – 444 с.

138. Матвеев, Г.К. Вина в советском гражданском праве / Г.К. Матвеев. – Киев: Издательство Киевского университета, 1955. – 308 с.

139. Матвеев, Г.К. Основания гражданско-правовой ответственности / Г.К. Матвеев. – М.: Юридическая литература, 1970. – 309 с.

140. Молчанов, В.В. Основы теории доказательств в гражданском процессуальном праве: учеб. пособие / В.В. Молчанов. – М.: Зерцало-М, 2012. – 360 с.

141. Научно-практический комментарий (постатейный) к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)» / под ред. В.В. Витрянского. – М.: Статут, 2003. – 2003 с.

142. Невоструев, А.Г. Процессуальные особенности рассмотрения и разрешения жилищных дел: учебное пособие / А.Г. Невоструев. – М.: Статут, 2015. – 174 с.

143. Нерсесов, Н.О. Избранные труды по представительству и ценным бумагам в гражданском праве / Н.О. Нерсесов. – М.: Статут, 1998. – 285 с.

144. Несостоятельность (банкротство): учебный курс. В 2 т. / под ред. д. ю. н., проф. С.А. Карелиной. – Т. 1. – М.: Статут, 2019. – 925 с.

145. Нефедьев, Е.А. Учебник русского гражданского судопроизводства / Е.А. Нефедьев. – 3-е изд. – М.: Типография Московского университета, 1909. – 403 с.

146. Новицкий, И.Б. Общее учение об обязательстве / И.Б. Новицкий, Л.А. Лунц. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1950. – 416 с.

147. Осипов, Ю.К. Подведомственность юридических дел: учеб. пособие / Ю.К. Осипов. – Свердловск, 1973. – 123 с.

148. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. – М.: Статут, 2020. – 1102 с.

149. Основы цивилистики: учебное пособие / под ред. А.В. Егорова и Э.А. Евстигнеева. – М.: Ассоциация выпускников РШЧП, 2020. – 259 с.

150. Осокина, Г.Л. Гражданский процесс: Особенная часть / Г.Л. Осокина. – М.: Норма, 2007. – 958 с.

151. Осокина, Г.Л. Иск (теория и практика) / Г.Л. Осокина. – М.: Городец, 2000. – 186 с.

152. Папулова, З.А. Ускоренные формы рассмотрения дел в гражданском судопроизводстве / З.А. Папулова. – М.: Инфотропик, 2014. – 184 с.

153. Победоносцев, К.П. Курс гражданского права. Часть 3: Договоры и обязательства / К.П. Победоносцев. – М.: Статут, 2003. – 620 с.

154. Покровский, И.А. Основные проблемы гражданского права / И.А. Покровский. – М.: Статут, 1998. – 352 с.

155. Полумордвинов, Д.И. Законная сила судебного решения / Д.И. Полумордвинов. – Тбилиси: Издательство Академии наук Грузинской ССР, 1964. – 188 с.

156. Попондопуло, В.Ф. Конкурсное право: правовое регулирование несостоятельности (банкротства): учеб. пособие / В.Ф. Попондопуло. – М.: Юристъ, 2001. – 331 с.

157. Попондопуло, В.Ф. Производство по делам о банкротстве в арбитражном суде / В.Ф. Попондопуло, Е.В. Слепченко. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 344 с.

158. Принцип формального равенства и взаимное признание права: коллективная монография / под общ. ред. В.В. Лапаевой, А.В. Полякова, В.В. Денисенко. – М.: Проспект, 2016. – 209 с.

159. Решетникова, И.В. Доказывание в гражданском процессе: учебно-практическое пособие для вузов / И.В. Решетникова. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2022. – 387 с.

160. Рожкова, М.А. Судебный акт и динамика обязательств / М.А. Рожкова. – М.: Статут, 2003. – 144 с.

161. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 2 Обязательственное право / отв. ред. Е.А. Суханов. – 2-е изд., стереотип. – М.: Статут, 2011. – 1208 с.

162. Рясенцев, В.А. Представительство и сделки в современном гражданском праве / В.А. Рясенцев. – М.: Статут, 2006. – 601 с.

163. Садиков, О.Н. Убытки в гражданском праве Российской Федерации / О.Н. Садиков. – М.: Статут, 2009. – 219 с.

164. Сарбаш, С.В. Элементарная догматика обязательств: учебное пособие / С.В. Сарбаш. – М.: Статут, 2016. – 335 с.

165. Сахнова, Т.В. Курс гражданского процесса / Т.В. Сахнова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2014. – 782 с.

166. Смирнов, В.Т. Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве: учебное пособие / В.Т. Смирнов, А.А. Собчак. – Ленинград: Издательство ЛГУ, 1983. – 152 с.

167. Смирных, А.Г. Групповые иски и банкротство: проблемы и перспективы / А.Г. Смирных // Групповые иски: сложности и перспективы: коллективная монография / под ред. В.Г. Домшенко. – М.: Статут, 2025. – С. 234–249.

168. Советский гражданский процесс / отв. ред. Н.А. Чечина, Д.М. Чечот. – Ленинград: Издательство ЛГУ, 1984. – 424 с.

169. Советский гражданский процесс / под ред. К.И. Комиссарова, В.М. Семенова. – М.: Юридическая литература, 1978. – 432 с.

170. Соломин, С.К. Юридические факты и иные жизненные обстоятельства: цивилистический очерк: монография / С.К. Соломин, Н.Г. Соломина. – М.: Юстицинформ, 2022. – 167 с.

171. Справочник по доказыванию в арбитражном процессе / под ред. И.В. Решетниковой. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2022. – 480 с.

172. Степанов, Д.И. Ответственность директора перед корпорацией за причиненные ей убытки в судебной практике / Д.И. Степанов, Ю.С. Михальчук. – М.: Сатут, 2018. – 207 с.

173. Суханов, Е.А. Сравнительное корпоративное право / Е.А. Суханов. – М.: Статут, 2014. – 454 с.

174. Тархов, В.А. Ответственность по советскому гражданскому праву / В.А. Тархов. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1973. – 456 с.

175. Телюкина, М.В. Конкурсное право: Теория и практика несостоятельности (банкротства) / М.В. Телюкина. – М.: Дело, 2002. – 534 с.

176. Телюкина, М.В. Основы конкурсного права / М.В. Телюкина. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – 506 с.

177. Теория и практика антикризисного управления: учебник для вузов / под ред. С.Г. Беляева и В.И. Кошкина. – М.: Закон и Право, 1996. – 496 с.

178. Толстой, Ю.К. К теории правоотношения / Ю.К. Толстой. – Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1959. – 87 с.

179. Треушников, М.К. Судебные доказательства / М.К. Треушников. – 5-е изд., доп. – М.: Городец, 2021. – 302 с.

180. Тычинская, Е.В. Договор о реализации функций единоличного исполнительного органа хозяйственного общества / Е.В. Тычинская. – М.: Статут, 2012. – 172 с.

181. Тютрюмов, И.М. Конкурсное право / И.М. Тютрюмов. – Каунас: Издание Д. Гутмана, 1931. – 304 с.

182. Улинский, А.И. Конкурсный процесс. Несостоятельность торговая и неторговая по русскому законодательству / А.И. Улинский. – Курск: Типография Дома трудолюбия, 1915. – 114 с.

183. Флейшиц, Е.А. Избранные труды по гражданскому праву. В 2 т. Т. 2 / Е.А. Флейшиц. – М.: Статут, 2015. – 510 с.

184. Фролов, И.В. Банкротство как административно-правовой механизм регулирования экономических конфликтов: монография / И.В. Фролов. – Новосибирск: Альфа-Порте, 2010. – 246 с.

185. Хохлов, В.А. Общие положения об обязательствах: учебное пособие / В.А. Хохлов. – М.: Статут, 2015. – 286 с.

186. Чечот, Д.М. Избранные труды по гражданскому процессу / Д.М. Чечот. – СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2005. – 614 с.

187. Чупрунов, И.С. Ответственность директора перед юридическим лицом: научно-практический комментарий к постановлению Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица»: монография / И.С. Чупрунов. – М.: Статут, 2024. – 360 с.

188. Шерстюк, В.М. Теоретические проблемы развития гражданского процессуального, арбитражного процессуального права и исполнительного производства в Российской Федерации: монография / В.М. Шерстюк. – М.: Городец, 2021. – 398 с.

189. Шершеневич, Г.Ф. Учебник торгового права / Г.Ф. Шершеневич. – 10-е изд. – М.: Московское научное издательство, 1919. – 373 с.

190. Шершеневич, Г.Ф. Конкурсный процесс / Г.Ф. Шершеневич. – 3-е изд. – М.: Статут, 2021. – 475 с.

191. Шиткина, И.С. Исполнительные органы хозяйственного общества: монография / И.С. Шиткина. – М.: Статут, 2022. – 314 с.

192. Шишмарева, Т.П. Институт несостоятельности в России и Германии / Т.П. Шишмарева. – М.: Статут, 2015. – 330 с.

193. Шишмарева, Т.П. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и практика его применения: учебное пособие для экзамена по Единой программе подготовки арбитражных управляющих / Т.П. Шишмарева. – М.: Статут, 2015. – 416 с.

194. Эрлих, М.Е. Конфликт интересов в процессе несостоятельности: монография / М.Е. Эрлих. – М.: Проспект, 2016. – 186 с.

195. Юдельсон, К.С. Избранные труды 40-х годов XX века: сборник научных трудов / К.С. Юдельсон; ред.-сост. В.В. Ярков. – М.: Статут, 2024. – 360 с.

196. Юдельсон, К.С. Проблема доказывания в советском гражданском процессе / К.С. Юдельсон. – М.: Госюриздат, 1951. – 296 с.

197. ЮНСИТРАЛ. Руководство для законодательных органов по вопросам законодательства о несостоятельности / ЮНСИТРАЛ. – Нью-Йорк: Организация Объединенных Наций, 2005. – 451 с.

198. Юридические лица – субъекты гражданского права: учебное пособие / под ред. В.А. Усановой. – Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2018. – 375 с.

199. Ярков, В.В. Юридические факты в цивилистическом процессе / В.В. Ярков. – М.: Инфотропик Медиа, 2012. – 582 с.

Научные статьи

200. Barker K. Causation and Loss of Chance: A Commentary / K. Barker // Causation and Loss of Opportunity. – 27 July 2017. – P. 1-7. URL: https://clck.su/KDKKm (датаобращения: 31.05.2026).

201. Bruns A., Thönissen S. Haftung des Insolvenzverwalters für hinzugezogenen Rechtsanwalt/ A. Bruns, S. Thönissen // Zeitschrift für Insolvenzrecht. – 2017. – № 78. – S. 236–250.

202. Chammartin C., von der Crone H.C. Kausalität in der Prospekthaftung: Entscheide des Schweizerischen Bundesgerichts 4C.136/2006 und 4P.96/2006 vom 28. August 2006/ C. Chammartin, H.C. von der Crone // Schweizerische Zeitschrift für Wirtschafts- und Finanzmarktrecht / Revue suisse de droit des affaires et du marché financier (SZW/RSDA). – 2006. – Bd. 78. – H. 6. – P. 452-460

203. Garcimartin F. Insolvency-related judgements and vis attractive concursus: the EU approach / F. Garcimartin // Insolvency Intelligence. 2018. № 1. Pp. 1–16.

204. Graziano T.K. The «Loss of a Chance» in European Private Law: «All or Nothing» or Partial Compensation in Cases of Uncertainty of Causation / T.K. Graziano // Causation in Law / Ed. by L. Tichý. – P. 123-148

205. Jacobs L. Corporate insolvency practitioners: Ethics and fiduciary duties/ L. Jacobs // Research Handbook on Corporate Restructuring / ed. by P. J. Omar, J. L. L. Gant. Cheltenham: Edward Elgar, 2021. – P. 447–464.

206. Jansen N. The idea of a lost chance / N. Jansen // Oxford Journal of Legal Studies. – 1999. – Vol 19. – P. 271-296

207. Kaplow L. Rules versus Standards: An economic analysis / L. Kaplow // Duke Law Journal. – 1992. – Vol. 42. – № 3. – P. 557–629.

208. Schmidt K. «Amtshaftung» und «interne Verantwortlichkeit» des Konkursverwalters: Eine Analyse des § 82 KO / K. Schmidt // Konkurs-, Treuhand- und Schiedsgerichtswesen. – 1976. – S. 191–211.

209. Schmidt K. Der Konkursverwalter als Gesellschaftsorgan und als Repräsentant des Gemeinschuldners: Versuch einer Konkursverwaltertheorie für heute und morgen / K. Schmidt // Konkurs-, Treuhand- und Schiedsgerichtswesen. – 1984. – S. 345–400.

210. Sims H., Ramel S. Claims against insolvency office-holders for professional negligence: Bush lawyers and hunters/ H. Sims, S. Ramel // Guildhall Chambers. – February 2017. – P. 1–16.

211. Stremitzer A. Haftung bei Unsicherheit des hypothetischen Kausalitätsverlaufs: Berechnungsmethoden am Beispiel der Arzthaftung / A. Stremitzer // Archiv für die civilistische Praxis (AcP). – 2008. – Bd. 208. – H. 5. – S. 676-698

212. Акужинов А.С. Истребование доходов (disgorgement of profits) директора и аффилированных с ним лиц за нарушение фидуциарных обязанностей (часть 2) / А. С. Акужинов // Вестник экономического правосудия РФ. – 2024. – № 11. – С. 173–208.

213. Ананьев А., Егоров А. Постановление Пленума ВАС РФ об ответственности директоров (2013): научно-практический комментарий. Продолжение / А. Ананьев, А. Егоров // Цивилистика. – 2023. – № 6. – С. 151–193.

214. Анашкин С.П. Теория персонифицированной конкурсной массы / С.П. Анашкин // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2022. – № 10. – С. 191–208.

215. Байбак В.В. Причинная связь как условие договорной ответственности: сравнительно-правовой очерк / В.В. Байбак // Вестник ВАС РФ. – 2014. – № 6. – С. 4–21.

216. Байбак В.В. Утрата благоприятной возможности (loss of a chance) как разновидность договорных убытков / В.В. Байбак // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2015. – № 5. – С. 63–73.

217. Беккер А., Беккер Д. Косвенные иски в корпоративном праве России: критика действующей модели и возможная смена концепции / А. Беккер, Д. Беккер // Цивилистика. – 2021. – № 1. – С. 140–181.

218. Белоликов А.И. Фигура арбитражного управляющего / А.И. Белоликов // Право и экономика. – 2004. – № 12. – С. 28–34.

219. Бирклей В. Заинтересованность арбитражного управляющего в делах о несостоятельности (банкротстве) и институт представительства / В. Бирклей // Цивилистика. – 2023. – № 4. – С. 93–108.

220. Богданов Е.В. Правовое положение арбитражного управляющего юридическим лицом / Е.В. Богданов // Гражданское право. – 2015. – № 1. – С. 27–30.

221. Бойко Т.С. Ответственность членов органов управления юридических лиц. Комментарий к отдельным положениям проекта Постановления Пленума ВАС РФ «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» / Т.С. Бойко // Закон. – 2013. – № 6. – С. 83–92.

222. Голованов Е. Эксплуатирование корпоративных возможностей директором, членом совета директоров хозяйственного общества / Е. Голованов // Корпоративное право: проблемы и решения: Сборник работ / сост. и отв. ред. И.С. Чупрунов. – М.: Ассоциация выпускников РШЧП, 2020. – С. 175–190.

223. Голубцов В.Г. Гражданско-правовая отсылка к существу обязательства / В.Г. Голубцов // Пермский юридический альманах. – 2022. – № 5. – С. 162–175.

224. Громов А.А. Временные пределы обязательственных правоотношений / А.А. Громов // Вестник гражданского права. – 2025. – № 5. – С. 52–116.

225. Громошина Н.А. Процессуальные особенности или специализированный процесс? / Н.А. Громошина // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2017. – № 9. – С. 8–10.

226. Гутников О.В. Содержание корпоративных отношений / О.В. Гутников // Журнал российского права. – 2023. – № 1. – С. 26–39.

227. Гутников О.В. Фидуциарные обязанности в российском корпоративном праве / О.В. Гутников // Гражданское право. – 2019. – № 6. – С. 25–29.

228. Гутников О.В. Деликтная ответственность за нарушение относительных прав: перспективы развития в российском праве / О.В. Гутников // Закон. – 2017. – № 1. – С. 22–37.

229. Демин А.В. Дискуссия «Rules vs. Standarts» в доктрине общего права: общетеоретические и налогово-правовые аспекты / А.В. Демин // Финансовое право. – 2014. – № 4. – С. 32–36.

230. Дозорцев В.А. Доверительное управление / В.А. Дозорцев // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 1996. – № 12. – С. 117–128.

231. Долганичев В.В. «Opt-in» против «Opt-out»: две различные модели формирования группы в групповом производстве / В.В. Долганичев // Арбитражный и гражданский процесс. – 2015. – № 2. – С. 20–24.

232. Домшенко В.Г. Условия сертификации группового иска / В.Г. Домшенко // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2023. – № 3. – С. 121–151.

233. Дондоков А.И. Доктрина loss of chance в английском праве / А.И. Дондоков // Закон. – 2013. – № 7. – С. 150–155.

234. Евстигнеев Э.А. Принцип генерального деликта: современное состояние и перспективы применения / Э.А. Евстигнеев // Вестник гражданского права. – 2017. – Т. 17. – № 5. – С. 55–84.

235. Егоров А.В. Косвенные иски участников к директору: процессуальные сложности / А.В. Егоров // Журнал РШЧП. – 2020. – № 1. – С. 174–184.

236. Егоров А.В. Многозначность понятия обязательства: практический аспект / А.В. Егоров // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2011. – № 4. – С. 23–42.

237. Егоров А.В. Ответственность директора и корпоративный конфликт / А.В. Егоров // Цивилистика. – 2022. – № 2. – С. 171–191.

238. Егоров А.В. Упущенная выгода: проблемы теории и противоречия практики / А. В. Егоров // Убытки и практика их возмещения: Сборник статей / отв. ред. М.А. Рожкова. – М.: Статут, 2006. – С. 68–137.

239. Емалтынов А.Р., Боярский Д.А. Пределы документарного производства по включению требований в реестр кредиторов / А.Р. Емалтынов, Д.А. Боярский // Арбитражный и гражданский процесс. – 2025. – № 8. – С. 37–40.

240. Жильцов К.А. Возмещение утраты шанса на победу в конкурсах, торгах и судебных процессах в праве Германии / К.А. Жильцов // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – № 4. – С. 178–192.

241. Звиер П., Ярков В.В. Групповые иски в правовой истории США и России: в поисках оптимальной модели / П. Звиер, В.В. Ярков // Вестник гражданского процесса. – 2020. – № 1. – С. 143–197.

242. Зуева И.В. Судопроизводство по делам о несостоятельности (банкротстве) / И.В. Зуева // Вестник ФАС Западно-Сибирского округа. – 2005. – № 2. – С. 44–47.

243. Ильин Д.В. Доктрина корпоративных возможностей как экономически эффективный способ разрешения конфликта с топ-менеджером / Д.В. Ильин // Вестник экономического правосудия РФ. – 2019. – № 7. – С. 163–201.

244. Ильин Д.В. Применение доктрины корпоративных возможностей в России / Д.В. Ильин // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2019. – № 8. – С. 197–222.

245. Карапетов А.Г., Косарев А.С. Стандарты доказывания: аналитическое и эмпирическое исследование / А.Г. Карапетов, А.С. Косарев // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. Приложение к ежемесячному журналу. – 2019. – № 5. – Специальный выпуск. – С. 3–96.

246. Карелина С.А., Эрлих М.Е. Роль арбитражного управляющего в механизме разрешения конфликта интересов / С.А. Карелина, М.Е. Эрлих // Право и экономика. – 2012. – № 3. – С. 19–25.

247. Керселян А.С. Деликтная квалификация серой зоны обязательственного права: практический анализ / А.С. Керселян // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2024. – № 11. – С. 84–113.

248. Клейнман А.Ф. О несостоятельности частных лиц по советскому процессуальному праву / А.Ф. Клейнман // Сборник трудов Иркутского Государственного Университета. Факультет права и местного хозяйства. Правовое отделение. – Иркутск: Издательство Иркутского университета, 1929. – Т. 16. – Вып. 1. – С. 93–130.

249. Ключарева Е.М. Взыскание с членов органов управления юридического лица упущенной выгоды в составе убытков, причиненных обществу / Е.М. Ключарева // Вестник Арбитражного суда Московского округа. – 2019. – № 1. – С. 67–75.

250. Ключарева Е.М. Запрет на конкуренцию директора с обществом: опыт Великобритании, штата Дэлавэр (США), Германии и России / Е.М. Ключарева // Закон. – 2018. – № 6. – С. 115–127.

251. Козлов И.А. Доктрина утраты шанса: плюсы и минусы признания теории / И.А. Козлов // Юридическая наука. – 2021. – № 10. – С. 13–17.

252. Козлова Т.Д. Эффективному и быстрому разрешению споров о взыскании убытков с арбитражного управляющего мешают пробелы в законе / Т.Д. Козлова // Арбитражная практика. – 2012. – № 3. – 216 с.

253. Колесникова С.Г. Гражданско-правовая ответственность арбитражного управляющего за убытки, причиненные неисполнением (ненадлежащим исполнением) возложенных на него обязанностей / С.Г. Колесникова // Арбитражные споры. – 2018. – № 1. – С. 32–82.

254. Копяков А.А. Проблема возмещения чистых экономических убытков в российском гражданском праве / А.А. Копяков // Вестник гражданского права. – 2020. – № 1. – С. 146–196 // СПС «КонсультантПлюс».

255. Костин Е.В. Отраженные убытки: понятие и содержание / Е.В. Костин // Юрист. – 2024. – № 11. – С. 13–19.

256. Кузнецов А.А. Комментарий к Постановлению Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» / А.А. Кузнецов // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2013. – № 10. – С. 42–64.

257. Кузнецов А.А. Косвенные иски в корпоративном праве России: материально-правовой аспект / А.А. Кузнецов // Закон. – 2020. – № 11. – С. 79–82.

258. Кузнецов А.А. Ликвидация хозяйственных обществ: очерки концепции / А.А. Кузнецов // Вестник гражданского права. – 2025. – № 6 (25). – С. 43–45.

259. Лазарев С.В. Документарное производство рассмотрения отдельных обособленных споров по делам о несостоятельности: вопросы идентификации / С.В. Лазарев // Экономическое правосудие в Уральском округе. – 2025. – № 1. – С. 87–98.

260. Лашков Н.С. Строгая ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности. Проблема выбора между правилами и стандартами / Н.С. Лашков // Договоры и обязательства: Сборник работ выпускников Российской школы частного права при Исследовательском центре частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации: В 2 т. / сост. и отв. ред. А.В. Егоров и А.А. Новицкая. – Т. 2: Особенная часть. – М.: РШЧП, 2018. – С. 77–79.

261. Лугманов Р.Р. Деликтное право как средство взыскания чисто экономических убытков / Р.Р. Лугманов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2019. – № 2. – С. 115–153.

262. Маркелова А.А. Концепция генерального деликта в современном деликтном праве России / А.А. Маркелова // Вопросы частного права: Сборник статей к 50-летнему юбилею А.А. Павлова / сост. и отв. ред. А.Г. Карапетов, Т.А. Саргсян. – М.: Статут, 2023. – С. 185–230.

263. Махалин И.Н. Доктрина фидуциарных обязанностей: защитница доверия под маской английской шпионки / И.Н. Махалин // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2020. – № 1. – С. 152–200 // СПС «КонсультантПлюс».

264. Михайлов В.С. Теории причинно-следственной связи и установление пределов ответственности / В.С. Михайлов // Вестник гражданского права. – 2019. – № 4. – С. 82–144.

265. Михеева Л.Ю. Управлять = опекать = заботиться / Л.Ю. Михеева // Закон. – 2024. – № 2. – С. 17–25.

266. Моисеев С.В. Косвенный иск … как много в этом звуке… / С.В. Моисеев // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2021. – № 9. – С. 58–71.

267. Нагоева Д.А. Проблема определения производного (косвенного) иска / Д.А. Нагоева // Арбитражный и гражданский процесс. – 2014. – № 3. – С. 59–63.

268. Новак Д.В. Добросовестность в корпоративном праве / Д.В. Новак // Вестник гражданского права. – 2017. – № 2. – С. 13–23.

269. Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права / И.Б. Новицкий // Вестник гражданского права. – 2006. – № 1. – С. 124–181.

270. Осипов Ю.К. Понятие институтов гражданского процессуального права / Ю.К. Осипов // Правоведение. – 1973. – № 1. – С. 54–60.

271. Рассахатская Н.А. Оптимизация гражданской процессуальной формы как одно из направлений реализации правовой политики / Н.А. Рассахатская // Правовая политика и правовая жизнь. – 2018. – № 2. – С. 25–29.

272. Решетникова И.В. Стандарт доказывания / И.В. Решетникова // Арбитражный и гражданский процесс. – 2021. – № 8. – С. 26–27.

273. Рожкова М.А. И вновь о групповых и косвенных исках / М.А. Рожкова // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2007. – № 5. – С. 19–36.

274. Рожкова М.А. К вопросу об обязательствах и основаниях их возникновения / М.А. Рожкова // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2001. – № 6. – С. 69–85.

275. Рожкова М.А. Понятие судебного решения в контексте статьи 8 ГК РФ / М.А. Рожкова // Хозяйство и право. – 2002. – № 6. – С. 53–65.

276. Сахнова Т.В. О защите интересов группы лиц: законодательные концепты / Т.В. Сахнова // Российский судья. – 2018. – № 6. – С. 25–29.

277. Сильченко В.Ю. Иски о привлечении к субсидиарной ответственности в делах о банкротстве с точки зрения характера защищаемого интереса / В.Ю. Сильченко // Вестник гражданского процесса. – 2023. – № 2. – С. 179–201.

278. Синицын С.А. Деликтная ответственность в корпоративном праве / С.А. Синицын // Журнал российского права. – 2019. – № 10. – С. 54–68.

279. Слободянюк С.А. Контроль над корпорацией: сравнительно-правовой анализ понятийно-категориального аппарата / С.А. Слободянюк // Журнал предпринимательского и корпоративного права. – 2024. – № 1. – С. 42–49.

280. Солодилов А.В. К вопросу о понятии «обособленный спор» в арбитражном процессе (в связи с Постановлением Конституционного Суда РФ от 28.05.2024 № 26-П) / А.В. Солодилов // Вестник Арбитражного суда Московского округа. – 2025. – № 2. – С. 90–102.

281. Степанов Д.И. От субъекта ответственности к природе корпоративных отношений / Д.И. Степанов // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2009. – № 1. – С. 20–75.

282. Степанов Д.И. Феномен корпоративного контроля / Д.И. Степанов // Вестник гражданского права. – 2009. – Т. 9. – № 3. – С. 142–206.

283. Суханов Е.А. Договор доверительного управления имуществом / Е.А. Суханов // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2000. – № 1. – С. 81–94.

284. Телюкина М.В. Временный управляющий. Его статус и полномочия / М.В. Телюкина // Законодательство и экономика. – 1999. – № 9.

285. Тололаева Н.В., Церковников М.А. Научно-практический комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» / Н.В. Тололаева, М.А. Церковников // Вестник гражданского права. – 2023. – № 5. – С. 153–199.

286. Уксусова Е.Е. Гражданское судопроизводство по делам о банкротстве: проблемы законодательного регулирования и правоприменения / Е.Е. Уксусова // Lex russica. – 2014. – Т. 96. – № 2. – С. 211–227.

287. Уксусова Е.Е. Специальный характер правового регулирования судопроизводства по делам о несостоятельности (банкротстве) / Е.Е. Уксусова // Журнал российского права. – 2009. – № 12. – С. 106–119.

288. Федоренко Н.В., Пархоменко П.Н. Правовой статус и роль некоторых субъектов процедуры банкротства в свете Федерального закона 2002 года «О несостоятельности (банкротстве)» / Н.В. Федоренко, П.Н. Пархоменко // Вестника Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2005. – № 5. – С. 169–178.

289. Хопт К. Представление интересов и конфликты интересов в современном акционерном, банковском и профессиональном праве (к догматике современного правового регулирования ведения чужих дел) / К. Хопт // Вестник гражданского права. – 2008. – № 2. – С. 225–277.

290. Царегородцева Е.А. Документарное производство как способ упрощения производства по делам о несостоятельности (банкротстве) / Е.А. Царегородцева // Арбитражный и гражданский процесс. – 2025. – № 8. – С. 12–15.

291. Церковников М.А., Тололаева Н.В. Научно-практический комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г.

№ 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» (начало) / М.А. Церковников, Н.В. Тололаева // Вестник гражданского права. – 2023. – № 5. – С. 153–199.

292. Чантурия Л. Гражданско–правовая ответственность руководителей акционерных обществ / Л. Чантурия // Корпоративный юрист. – 2007. – № 2. – С. 25–38.

293. Чечина Н.А. Гражданский кодекс и гражданское процессуальное законодательство / Н.А. Чечина // Правоведение. – 1995. – № 4–5. – С. 73–78.

294. Шафранов А.П. Правовой статус арбитражного управляющего / А.П. Шафранов // Цивилистика. – 2020. – № 5. – С. 21–40.

295. Шварц М.З. Об императивном и диспозитивном в регулировании процессуальных форм защиты групповых интересов / М.З. Шварц // Закон. – 2021. – № 2. – С. 29–35.

296. Шевченко И.М. Идеи косвенного и группового исков в делах о банкротстве / И.М. Шевченко // Закон. – 2021. – № 2. – С. 71–82.

297. Ярков В.В. Групповой иск в проекте единого ГПК России / В.В. Ярков // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2015. – № 8. – С. 100–111.

298. Ярков В.В. Косвенные иски: проблемы теории и практики / В.В. Ярков // Корпоративный юрист. – 2007. – № 11. – С. 52–58.

299. Ярков В.В. Правовая природа и источники конкурсного производства / В.В. Ярков // Гражданский и арбитражный процесс. – 2002. – № 11. – С. 14–25.

Судебная практика

300. British Airways plc v Paul Spencer and others [2015] EWHC 2477 (Ch). – URL: https://clck.su/WabzW (датаобращения: 10.05.2026).

301. Bundesgerichtshof. Beschluss v. 14.05.2009 – IX ZR 93/08. – URL: https://clck.su/NuCJB (датаобращения: 10.05.2026).

302. Bundesgerichtshof. Urteil v. 05.10.1989 – IX ZR 233/87. – URL: https://clck.su/ikjUt (датаобращения: 10.05.2026).

303. Bundesgerichtshof. Urteil v. 16.04.2013 – VI ZR 44/12. – URL: https://clck.su/iFuEg (датаобращения: 31.05.2026).

304. Bundesgerichtshof. Urteil v. 17.09.2019 – VI ZR 396/18. – URL: https://clck.su/sNlKV (датаобращения: 31.05.2026).

305. Bundesgerichtshof. Urteil v. 22.02.1973 – VI ZR 165/71. – URL: https://clck.su/WzOeA (датаобращения: 10.05.2026).

306. Hellard v OJSC Rossiysky Kredit Bank (in liquidation); In re Anatoly Leonidovich Motylev [2024] EWHC 1783 (Ch). – URL: https://707.su/UFlu (датаобращения: 10.05.2026).

307. Oberlandesgericht Celle. Urt. v. 21.09.2005 – 3 U 99/05. – URL: https://clck.su/iNIwW (датаобращения: 31.05.2026).

308. Pantelli Associates Ltd v Corporate City Developments Number Two Ltd [2010] EWHC 3189 (TCC). – URL: https://clck.su/KNmDu (датаобращения: 10.05.2026).

309. Re Charnley Davies Ltd (No 2) [1990] BCLC 760. – URL: https://707.su/JMs7 (датаобращения: 10.05.2026).

310. Re Charnley Davies Ltd (No 2) [1990] BCLC 760. – URL: https://clck.su/UZHat (датаобращения: 10.05.2026).

311. Re MF Global UK Ltd (in special administration) (No 5) [2014] EWHC 2222 (Ch); [2014] Bus LR 1156. – URL: https://707.su/FFcC (датаобращения: 31.05.2026).

312. Re T&D Industries plc [2000] 1 WLR 646; [2000] 1 BCLC 471. – URL: https://707.su/kZq2 (датаобращения: 31.05.2026).

313. Reichsgericht (RG). Urt. v. 25.11.1911 – VI 571/10. – URL: https://clck.su/HclYg (датаобращения: 10.05.2026).

314. Top Brands Ltd v Sharma; Re Mama Milla Ltd (in creditors voluntary liquidation) [2014] EWHC 2753 (Ch). – URL: https://707.su/PBMP (датаобращения: 10.05.2026).

315. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 22.05.2012 № 150 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с отстранением конкурсных управляющих». – URL: https://clck.ru/3SEoLT (дата обращения: 02.03.2026).

316. Обзор судебной практики ВС РФ. 2016. № 3. – URL: https://clck.ru/3SEqWb (дата обращения: 02.03.2026).

317. Обзор судебной практики ВС РФ. 2017. № 2. – URL: https://clck.ru/3SEV4H (дата обращения: 02.03.2026).

318. Обзор судебной практики ВС РФ. 2017. № 4. – URL: https://clck.ru/3SEVKg (дата обращения: 02.03.2026).

319. Обзор судебной практики ВС РФ. 2018. № 2. – URL: https://clck.ru/3SEVQU (дата обращения: 02.03.2026).

320. Обзор судебной практики ВС РФ. 2019. № 1. – URL: https://clck.ru/3SFtpF (дата обращения: 03.03.2026).

321. Обзор судебной практики ВС РФ. 2019. № 3. – URL: https://clck.ru/3SFckV (дата обращения: 03.03.2026).

322. Обзор судебной практики ВС РФ. 2020. № 4. – URL: https://clck.ru/3SEhpk (дата обращения: 02.03.2026).

323. Обзор судебной практики ВС РФ. 2021. № 2. – URL: https://clck.ru/3SFeDo (дата обращения: 03.03.2026).

324. Обзор судебной практики ВС РФ. 2023. № 1. – URL: https://clck.ru/3SEi6J (дата обращения: 02.03.2026).

325. Обзор судебной практики ВС РФ. 2023. № 2. – URL: https://clck.ru/3SEiEU (дата обращения: 02.03.2026).

326. Обзор судебной практики по вопросам участия арбитражного управляющего в деле о банкротстве. – URL: https://clck.su/ncqFo (дата обращения: 31.05.2026).

327. Обзор судебной практики по вопросам, связанным с участием уполномоченных органов в делах о банкротстве и применяемых в этих делах

процедурах банкротства. – URL: https://clck.ru/3SEdHV (дата обращения: 02.03.2026).

328. Обзор судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2024 год. – URL: https://clck.ru/3ViFQp (дата обращения: 26.08.2026).

329. Определение Арбитражного суда Уральского округа от 22.06.2020 по делу № А07-17801/2015. – URL: https://clck.ru/3SEpfQ (дата обращения: 02.03.2026).

330. Определение ВС Российской Федерации от 08.10.2020 № 305-ЭС20-14395(1, 2, 3) по делу № А40-141788/2015. – URL: https://clck.su/aoQrB (дата обращения: 10.05.2026).

331. Определение ВС Российской Федерации от 12.05.2021 № 304-ЭС21-5072 по делу № А46-17956/2019. – URL: https://clck.su/voIUy (дата обращения: 10.05.2026).

332. Определение ВС РФ от 03.06.2019 по делу № А12-18544/2015. – URL: https://clck.ru/3SFchf (дата обращения: 03.03.2026).

333. Определение ВС РФ от 03.09.2018 по делу № А32-38388/2016. – URL: https://clck.ru/3SEk5R (дата обращения: 02.03.2026).

334. Определение ВС РФ от 05.05.2023 по делу № А57–10966/2019. – URL: https://clck.ru/3SEdsH (дата обращения: 02.03.2026).

335. Определение ВС РФ от 06.10.2020 № 304-ЭС19-25794(3,4) по делу № А70-380/2018. – URL: https://clck.su/jUYYq (дата обращения: 31.05.2026).

336. Определение ВС РФ от 07.04.2022 по делу № А41–54740/2014. – URL: https://clck.ru/3SFxKk (дата обращения: 03.03.2026).

337. Определение ВС РФ от 11.05.2023 по делу № А56-17680/2017. – URL: https://clck.ru/3SFcrK (дата обращения: 03.03.2026).

338. Определение ВС РФ от 13.01.2025 по делу № А44-1127/2019. – URL: https://clck.ru/3SFdv8 (дата обращения: 03.03.2026).

339. Определение ВС РФ от 13.10.2022 по делу № А40-153465/2016. – URL: https://clck.ru/3SFuup (дата обращения: 03.03.2026).

340. Определение ВС РФ от 13.12.2018 по делу № А40–185433/2017. – URL: https://clck.ru/3SFtdN (дата обращения: 03.03.2026).

341. Определение ВС РФ от 14.07.2023 по делу № А40-184529/2022. – URL: https://clck.ru/3SFcga (дата обращения: 03.03.2026).

342. Определение ВС РФ от 14.10.2021 по делу № А40-3184/2018. – URL: https://clck.ru/3SFuzW (дата обращения: 03.03.2026).

343. Определение ВС РФ от 15.03.2024 по делу № А56-25556/2019. – URL: https://clck.ru/3SFwVY (дата обращения: 03.03.2026).

344. Определение ВС РФ от 17.03.2021 по делу № А19-14083/2015. – URL: https://clck.ru/3SFeJy (дата обращения: 03.03.2026).

345. Определение ВС РФ от 17.05.2018 № 305-ЭС17-20073 по делу № А40-2204/2016. – URL: https://clck.su/pcKTi (дата обращения: 31.05.2026).

346. Определение ВС РФ от 21.01.2021 по делу № А03-13510/2014. – URL: https://clck.ru/3SFx7d (дата обращения: 03.03.2026).

347. Определение ВС РФ от 23.10.2025 по делу № А40-159749/2024. – URL: https://clck.ru/3SEjpe (дата обращения: 02.03.2026).

348. Определение ВС РФ от 24.08.2020 по делу № А40-64173/2017. – URL: https://clck.ru/3SFsMG (дата обращения: 03.03.2026).

349. Определение ВС РФ от 25.10.2023 по делу № А08-9430/2020. – URL: https://clck.ru/3SEm7w (дата обращения: 02.03.2026).

350. Определение ВС РФ от 26.08.2016 по делу № А41-8876/2015. – URL: https://clck.ru/3SFczo (дата обращения: 03.03.2026).

351. Определение ВС РФ от 28.09.2020 по делу № А23-6235/2015. – URL: https://clck.ru/3SFeGh (дата обращения: 03.03.2026).

352. Определение ВС РФ от 29.03.2024 по делу № А32-57016/2017. – URL: https://clck.ru/3SEkut (дата обращения: 02.03.2026).

353. Определение ВС РФ от 29.10.2020 по делу № А03-7544/2014. – URL: https://clck.ru/3SFwdZ (дата обращения: 03.03.2026).

354. Определение ВС РФ от 30.09.2021 по делу № А56-17680/2017. – URL: https://clck.ru/3SFcqV (дата обращения: 03.03.2026).

355. Определение ВС РФ от 31.03.2022 № 305-ЭС16-16302(5) по делу № А41-54740/2014. – URL: https://clck.su/uyxGO (дата обращения: 31.05.2026).

356. Определение ВС РФ от 31.10.2017 по делу № А27-15115/2013. – URL: https://clck.ru/3SFcs8 (дата обращения: 03.03.2026).

357. Определение КС РФ от 24.04.2018 № 1008-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дроздова Владимира Викторовича на нарушение его конституционных прав статьями 34 и 35 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)». – URL: https://clck.ru/3SFcjW (дата обращения: 03.03.2026).

358. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 03.06.2019 № 306-ЭС17-13670(10) по делу № А12-18544/2015. – URL: https://clck.su/wCKQF (дата обращения: 31.05.2026).

359. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 05.03.2019 по делу № 305-ЭС18-15540, А40-180646/201. – URL: https://clck.su/eGKeV (дата обращения: 31.05.2026).

360. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 07.10.2021 № 301-ЭС21-9161(1,2) по делу № А28-2865/2016. – URL: https://707.su/XV1u (дата обращения: 31.05.2026).

361. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 07.04.2016 № 302-ЭС15-18574 по делу № А33-4900/2010. – URL: https://707.su/8jEJ (дата обращения: 31.05.2026).

362. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 11.05.2018 по делу № 306-ЭС17-18368, А57-15013/2016. – URL: https://clck.su/reNBc (дата обращения: 31.05.2026).

363. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 14.06.2022 г. № 302-ЭС21-29794 по делу № А33-8678/2016. – URL: https://clck.su/LNOVo (дата обращения: 10.05.2026).

364. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 14.11.2022 № 307-ЭС17-10793(26-28) по делу № А56-45590/2015. – URL: https://707.su/5gzM (дата обращения: 31.05.2026).

365. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 20.12.2018 по делу № 305-ЭС18–14652. – URL: https://clck.su/gWkPc (дата обращения: 31.05.2026).

366. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 21.11.2022 № 305-ЭС22-15431 по делу № А41-89099/2019. – URL: https://clck.su/oQezt (дата обращения: 31.05.2026).

367. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 21.01.2021 № 304-ЭС16-17267(2,3) по делу № А03-13510/2014. – URL: https://clck.su/rFJuB (дата обращения: 31.05.2026).

368. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 21.11.2022 № 305-ЭС22-15431 по делу № А41-89099/2019. – URL: https://707.su/XoGg (дата обращения: 31.05.2026).

369. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 26.10.2017 № 305-ЭС17-8225 по делу № А40-154653/2015. – URL: https://clck.su/tscqO (дата обращения: 10.05.2026).

370. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 26.08.2026 № 305-ЭС26-3930 по делу № А40-4457/2025. – URL: https://clck.ru/3ViFDF (дата обращения: 26.08.2026).

371. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 27.01.2025 г. № 305-ЭС24-15718 по делу № А41-82674/2018. – URL: https://clck.su/SEPYp (дата обращения: 10.05.2026).

372. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 30.09.2019 № 305-ЭС16-18600(5-8) по делу № А40-51687/2012. – URL: https://clck.su/dwKuu (дата обращения: 31.05.2026).

373. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 30.09.2021 № 307-ЭС21-9176 по делу № А56-17680/2017. – URL: https://clck.su/wFrRc (дата обращения: 31.05.2026).

374. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 31.10.2024 по делу № А43-5316/2021. – URL: https://clck.ru/3SFrnK (дата обращения: 03.03.2026).

375. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 20.03.2024 по делу № А74-2718/2017. – URL: https://clck.su/GsVMm (дата обращения: 31.05.2026).

376. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 28.07.2021 по делу № А78-8780/2012. – URL: https://clck.ru/3SEq26 (дата обращения: 02.03.2026).

377. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 03.02.2024 по делу № А45-1367/2015. – URL: https://clck.su/Kbfol (дата обращения: 31.05.2026).

378. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 06.12.2024 по делу № А27-4351/2014. – URL: https://clck.su/auHdh (дата обращения: 31.05.2026).

379. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 11.06.2020 по делу № А46-19146/2017. – URL: https://clck.su/rcMCk (дата обращения: 31.05.2026).

380. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 26.04.2018 по делу № А67-2681/2017. – URL: https://clck.su/gfwVA (дата обращения: 31.05.2026).

381. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 29.06.2022 по делу № А45-18478/2018. – URL: https://clck.ru/3SFdxn (дата обращения: 03.03.2026).

382. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 07.12.2021 по делу № А40-34524/2021. – URL: https://clck.su/xAHFA (дата обращения: 31.05.2026).

383. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23.11.2020 по делу № А40-68925/15. – URL: https://clck.ru/3SEpqo (дата обращения: 02.03.2026).

384. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 28.10.2024 по делу № А40-225507/2021. – URL: https://clck.ru/3SFxup (дата обращения: 03.03.2026).

385. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29.08.2016 по делу № А40-48592/16. – URL: https://clck.su/nbhHK (дата обращения: 31.05.2026).

386. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29.10.2024 по делу № А40-218233/2018. – URL: https://clck.ru/3SFy5x (дата обращения: 03.03.2026).

387. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 03.06.2019 по делу № А55-19804/2018. – URL: https://clck.ru/3SFcpn (дата обращения: 03.03.2026).

388. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 15.11.2018 по делу № А55-22048/2014. – URL: https://clck.ru/3SEqC7 (дата обращения: 02.03.2026).

389. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 25.05.2023 по делу № А57-1342/2017. – URL: https://clck.ru/3SFwg5 (дата обращения: 03.03.2026).

390. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 05.09.2024 по делу № А13-1935/2023. – URL: https://clck.ru/3SFrs8 (дата обращения: 03.03.2026).

391. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 07.07.2024 по делу № А56-12211/2016. – URL: https://clck.ru/3SFwvh (дата обращения: 03.03.2026).

392. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 20.12.2024 по делу № А26-976/2010. – URL: https://clck.ru/3SEkPp (дата обращения: 02.03.2026).

393. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 22.07.2024 по делу № А56-31051/2023. – URL: https://clck.su/xAHFA (дата обращения: 31.05.2026).

394. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 23.04.2024 по делу № А53-27208/2021. – URL: https://clck.ru/3SFwNq (дата обращения: 03.03.2026).

395. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 03.05.2023 по делу № А76-23149/2015. – URL: https://clck.ru/3SFdwt (дата обращения: 03.03.2026).

396. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 08.12.2016 по делу № А07-11984/2014. – URL: https://clck.su/Exbbl (дата обращения: 31.05.2026).

397. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 16.06.2020 по делу № А07-3332/2014. – URL: https://clck.su/VLVMx (дата обращения: 31.05.2026).

398. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 22.06.2020 по делу № А07-17801/2015. – URL: https://clck.su/nqIvd (дата обращения: 31.05.2026).

399. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 24.10.2024 по делу № А60-59248/2022. – URL: https://clck.su/giBSk (дата обращения: 31.05.2026).

400. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 17.05.2019 по делу № А09-6789/2014. – URL: https://clck.su/iVPXe (дата обращения: 31.05.2026).

401. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 20.07.2023 по делу № А35-10415/2015. – URL: https://clck.su/KGoZU (дата обращения: 31.05.2026).

402. Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 06.02.2020 по делу № А12-42281/2016. – URL: https://clck.ru/3SEqMn (дата обращения: 02.03.2026).

403. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 16.04.2024 по делу № А40-47215/2022. – URL: https://clck.su/Lvlkv (дата обращения: 31.05.2026).

404. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 23.05.2024 по делу № А40-175837/2023. – URL: https://clck.su/Lumyu (дата обращения: 31.05.2026).

405. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 31.01.2024 по делу № А40-85886/2021. – URL: https://clck.su/yLzol (дата обращения: 31.05.2026).

406. Постановление ЕСПЧ от 03.04.2012 «Дело Котов (Kotov) против Российской Федерации» (жалоба № 54522/00). – URL: https://clck.ru/3SCfGb (дата обращения: 02.03.2026).

407. Постановление КС РФ от 19.12.2005 № 12-П «По делу о проверке конституционности абзаца восьмого пункта 1 статьи 20 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина А. Г. Меженцева». – URL: https://clck.ru/3SCeq7 (дата обращения: 02.03.2026).

408. Постановление Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве». – URL: https://clck.ru/3SEjTD (дата обращения: 02.03.2026).

409. Постановление Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 60 «О некоторых вопросах, связанных с принятием Федерального закона от 30.12.2008 № 296-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)». – URL: https://clck.su/CKSsf (дата обращения: 31.05.2026).

410. Постановление Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 № 97 «О некоторых вопросах, связанных с вознаграждением арбитражного управляющего при банкротстве». – URL: https://clck.ru/3SEewh (дата обращения: 02.03.2026).

411. Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица». – URL: https://clck.ru/3SCwRG (дата обращения: 02.03.2026).

412. Постановление Пленума ВС РФ от 17.12.2024 № 40 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Федерального закона от 29 мая 2024 года № 107-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и статью 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации». – URL: https://clck.ru/3SFcWp (дата обращения: 03.03.2026).

413. Постановление Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». – URL: https://clck.ru/3SFd9e (дата обращения: 03.03.2026).

414. Постановление Пленума ВС РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 22.06.2021) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств». – URL: https://clck.ru/3SHhNk (дата обращения: 04.03.2026).

415. Постановление Президиума ВАС РФ от 10.09.2013 № 14917/11 по делу № А68-4638/2009. – URL: https://clck.su/Cltxg (дата обращения: 31.05.2026).

416. Постановление Президиума ВАС РФ от 11.10.2011 по делу № А07-30069/2005. – URL: https://clck.ru/3SFceX (дата обращения: 03.03.2026).

417. Постановление Президиума ВАС РФ от 18.02.2014 № 8457/13. – URL: https://clck.ru/3SFcoN (дата обращения: 03.03.2026).

418. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 02.07.2024 по делу № А27-8181/2016. – URL: https://clck.su/YmxPn (дата обращения: 31.05.2026).

419. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 28.12.2017 по делу № А60-25746/2017. – URL: https://clck.su/AhRrQ (дата обращения: 31.05.2026).

420. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 31.05.2018 по делу № А60-61906/2017. – URL: https://clck.su/tzsfs (дата обращения: 31.05.2026).

421. Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 26.09.2025 по делу № А77-1351/2009. – URL: https://clck.ru/3SFwj3 (дата обращения: 03.03.2026).

422. Постановление Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве». – URL: https://clck.ru/3SFeAa (дата обращения: 03.03.2026).

423. Рекомендации научно-консультативного совета при Арбитражном суде Восточно-Сибирского округа от 29.09.2015 г. – URL: https://clck.ru/3SFcp4 (дата обращения: 03.03.2026).

424. Тематический обзор ВС РФ № 5/2026. О судебной практике разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2025 год. – URL: https://clck.ru/3ViFKj (дата обращения: 26.08.2026).

Интернет-материалы

425. Gesetzentwurf der Bundesregierung. Entwurf einer Insolvenzordnung (InsO) // Deutscher Bundestag. – URL: https://clck.ru/3ViQ6P (дата обращения: 01.03.2025).

426. Гришаев С. П., Овчинникова А. В. Эволюция правового регулирования банкротства // СПС «КонсультантПлюс». 2014. – URL: https://clck.ru/3SEUfD (дата обращения: 02.03.2026).

427. Архив статистических отчетов Судебного департамента при Верховном суде // Если быть точным. – URL: https://tochno.st/datasets/suddep_archive (дата обращения: 06.05.2026)

428. Законопроект № 516699-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и статью 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // СОЗД. – URL: https://clck.ru/3SFcYY (дата обращения: 03.03.20206).

429. Михеева Л. Ю. Доверительное управление имуществом. Комментарий законодательства // СПС «КонсультантПлюс». 2001. URL: https://clck.ru/3SD2RF (дата обращения: 02.03.2026).